

**Чудовище всегда
остается чудовищем**

В. КЛИМОНТОВ

Annotation

Примерно через двадцать лет после Второй Северной Войны мореплаватель Фабио Сахс Младший открывает новый материк за Великим Морем. Это событие становится переломным для будущего Континента и шансом для многих начать новую жизнь.

Главный герой, изгой не только для врагов, но и для своих, тоже решается на этот большой шаг.

— Ведьмак! — в дверь каюты громко постучали, — Капитан велел передать, что через час мы войдем в порт.

— Спасибо, — ответил Сарет.

Он застегнул ремень с простой пряжкой на кожаных штанах, намотал портянки на ноги и поочередно обул высокие крепкие сапоги с наполовину стёсанными каблуками. Поверх холщовой, с застарелыми желтыми пятнами под мышками, но стиранной, со шнуровкой у горла рубахи одел зашиту в нескольких местах кожаную куртку со вставками из более толстой кожи на локтях и плечах. Прицепил ножны с пятнадцатидюймовым кинжалом к поясу. Несколько мгновений смотрел на серебряный медальон с отчеканенной ощерившейся мордой кота, а потом спрятал его за пазуху и застегнул воротник. Он еще не знал, как относятся к таким, как он в том месте, в которое он направлялся.

Остальные вещи Сарет собрал еще вечером, и уложил в почти пустой походный мешок, бесформенным кулем, лежавший на койке. К нему сбоку надежно был привязан ремешками продолговатый сверток из холстины, горловина которого перетянута тесьмой, предохраняющей от непогоды. Оберегала, чтобы влага не попадала внутрь.

Ведьмак еще раз проверил, как привязан сверток, нежно проведя по нему рукой, подхватил мешок, закинул его на плечо и направился к выходу. У самой двери он остановился и в последний раз посмотрел на каюту, что месяц была ему домом на шхуне.

В каюте отсутствовало освещение, на протяжении всего плавания он не пользовался свечами, и сейчас это не мешало его измененным глазам рассмотреть жесткую узкую койку у стены, письменный стол и табурет. В помещение, что любезно предоставил ему капитан Нэддрад Хагторп, не было ни полок, ни шкафов, ни сундука под кроватью, единственное удобство стояло в углу в виде ведра, которое опорожнял Сарет при его малейшем наполнении. Но ведьмаку, не раз ночевавшему за свою долгую жизнь под открытым небом, каюта показалась царской палатой. Он был благодарен капитану, ведь тот мог и на палубе его оставить ночевать, как например тех переселенцев, ищущих новой жизни на той стороне Великого Моря. Хотя, Сарет подозревал, что подобная щедрость капитана объяснялась тем, что тот не желал лишней нервозности у команды шхуны. В каюте Сарет целых тридцать дней чувствовал себя уютно и, наверное, спокойно, стараясь без лишней нужды на людях не появляться.

И еще в ней отсутствовали вши и блохи.

Сарет поднялся на палубу и кроме шума волн, бьющих о корму корабля, крика чаек и ругани матросов, его встретила сильная морось дождя. Ведьмак поморщился, чувствуя, как капли маленькими льдинками ударили в лицо и пожалел, что не озаботился обзавестись плащом с капюшоном в Новиграде.

Капитан Хагторп стоял на носу шхуны, положив левую ладонь на эфес морского палаша с прямым и широким клинком, висевшего на ремне, опоясывающего кожаный камзол, и задумчиво глядел на приближающийся порт приморского города Амбрехт, предоставив управлять кораблем старшему помощнику.

Не раздумывая, ведьмак направился к нему, обходя собирающих свои пожитки пассажиров, накрытых плащами грузы и суетящихся матросов.

— Капитан, — поприветствовал хозяина шхуны ведьмак.

Высокий и худощавый реданец вздрогнул, услышав бесцветный, но не лишенный красивой хрипотцы, голос Сарета.

С Нэддрадом Хагторпом ведьмак познакомился, когда тот еще был помощником капитана небольшого шлюпа «Водомерка», восемь лет назад. Команда занималась транспортировкой грузов из Долины Понтар по одноимённой реке до Новиграда. И не всегда их работа была законной, чаще всего перевозили контрабандные товары. Однажды «Водомерка» подрядилась переправить небольшой груз с мест раскопок мертвого города Лок Муинне. Археологи щедро оплатили их услуги, и обещали вдвойне заплатить, когда корабль прибудет в Бан Глеан. У капитана даже вопросов не возникло, откуда у простых ученых столько денег и зачем им вооруженная охрана, состоящая из людей с чисто бандитскими рожами. Во время транспортировки, как потом рассказал Нэддрад, самый любопытный матрос заглянул в один из ящиков, чтобы чем-нибудь поживиться, и выяснил, что на самом деле это были не археологи Оксенфурта, а расхитители гробниц, которое грабили запретные катакомбы мертвого города вранов. Началась потасовка, кто-то уронил какой-то артефакт, и «Водомерку» накрыло заклятие змеглавов. Волей случая, на дрейфующий по реке шлюп наткнулся ведьмак, ловивший рыбу себе на обед. Тогда он испытывал трудности с заработком, тяжело было с контрактами. Судно было покрыто льдом, и, осмотрев трюм и палубу, он обнаружил только заледенелые фигуры членов команды корабля. Ученых и их охранников будто и не было никогда на шлюпе. Сарет сразу разобрался, что случилось, но его опыта хватило, чтобы снять заклятие только с помощника Хагторпа, первого кто из команды попался под руку. Они смогли повернуть корабль обратно в Лок Муинне, и как только сгрузили на берег все награбленное, проклятие спало и команда «Водомерки» оттаяла. А следов «археологов» так никто и не нашел.

После этого их пути разошлись, у команды «Водомерки» не было денег, чтобы заплатить Сарету, но каждый дал слово, что не откажет ведьмаку, если тому понадобится помощь. Хотя конечно монстробой в последнюю очередь верил в умение людей держать свое слово.

Три года назад случилось знаменательное событие изменившие весь Мир. Известный путешественник Фабио Сахс Младший совершил свой знаменитый морской переход через Великое Море и открыл, что их Континент не единственный. На землях, расположенных по ту сторону большой воды, лежал материк со множество развитых государств, королевств и даже целой империей, с которыми в дальнейшем наладили взаимодействие. Местные называли свой континент Эллиниаром. Это открытие стало шансом для многих начать новую жизнь и превратить в реальность свои мечтания. Хагторп тоже ухватился за эту возможность, взял кредит в новиградском филиале банка Чианфанелли, добавил свои сбережения, приобрел шхуну с командой, дав кораблю имя «Морской лев» и занялся перевозкой товаров купцов, а также всех желающих и способных заплатить на Эллиниар.

Сарет не был исключением. Ведьмаков из Школы Кота недолюбливали на Континенте. Из-за плохой репутации его Цеха, чаще всего они оставались без работы. Естественно, а кто захочет связываться с ненормальными психами, особенно после резни в селении Йелло. Поэтому многие Коты сменили профессию, благодаря феноменальной скорости, реакции, ловкости, умению видеть в темноте и ряду магических Знаков в своем арсенале стали идеальными наемными убийцами и охотниками за головами. Сарет и еще несколько Котов остались верны выбранному Пути, который пытались вдолбить в их непутевые головы наставники Каэр Морхена. Но в отличие от кучки верных Цеху, Сарет был реалистом и

прекрасно понимал, что на Континенте той жизни, что была раньше не будет, и однажды услышав, что там за водами Великого моря есть другой мир, неизведанный, он подумал, что, почему бы не попытаться счастья на другой земле. Он был уверен, что чудовища везде чудовища.

И вот бродя по докам Новиграда в поисках корабля, который плывет в Эллиниар и не откажет ему, он встретил теперь уже капитана Хагторпа, руководившего погрузкой грузов на «Морского льва». Тот действительно оказался человеком чести и выполнил свое слово.

— Клянусь Вечным Огнем! — капитан нервно поправил широкополую шляпу с пером какой-то белой птицы, из-под которой торчали длинные черные волосы, — Я до сих пор не могу привыкнуть к тому, как ты бесшумно ходишь!

— Доброе утро, — вместо ответа или извинения произнес Сарет, встав рядом с капитаном.

— Ты, наверное, единственный, кто так считает, — капитан стряхнул рукой воду, стекающую с полей шляпы, — Остальные костерят, почему то меня, а не местный климат.

Гладко выбритое худое лицо ведьмака не проявило эмоции, он продолжал наблюдать за приближающейся городом, и не ясно было, что сейчас чувствует монстробой.

— Они не знают, что самое холодная зима в их жизни — это лето в Омельсланде, — засмеялся Хагторп, — А то все думают, что в сказку попадут. Еще не известно, где лучше. У нас или в Эллиниаре.

И тут же осекся, с опаской глянув на ведьмака, но тот продолжал просто стоять, замерев подобно каменной горгулье. Даже на бьющие в лицо капли дождя не обращал внимания. Он не отводил глаз от приближающегося порта, где уже виднелись крыши складов и стрелы деревянных кранов, предназначенных для погрузки грузов на судна. Уже можно было рассмотреть не только рыбацкие судна, стоявшие у причалов, но и торговые корабли с флагами его родного Континента. Серебряные лилии Темерии, вооруженная рука объединенного королевства Ковир и Повисс, реданские орлы, но были и герба, которые ведьмак не знал. Должно быть местных государств.

Сарет продолжал молчать. Вообще ведьмак был самым странным ведьмаком из всех, которых Нэддрад видел в своей жизни. Да, капитану приходилось встречать подобных ему убийц чудовищ, раза три, наверное. И все они отличались друг от друга, как например волк отличался от собаки, а Сарет так вообще выделялся даже среди тех, кто носил знак Кота. Был чужим среди своих.

Не успел «Морской лев» пройти мимо маяка, одиноким стражем возвышавшимся над заливом, к ним подплыла небольшая весельная лодка. Один из матросов сбросил веревочную лестницу и на борт поднялись три человека в легких кожаных доспехах и странных шлемах с полями, сильно загнутыми спереди и сзади. Двое, кроме обычных палашей, напряженно держали взведенные тяжелые арбалеты, а бородатый, видать бывший у них за старшего, хищно осмотрел палубу, выглядев ящички с товаром купцов.

— Вынужден оставить тебя, Сарет. Стандартный досмотр стражей портового контроля Амбрехта, — заверил его Нэддрад с дружеской улыбкой, и сам направился к проверяющим, оставив ведьмака одного.

Сарет проводил его взглядом и вновь повернулся лицом к городу.

Амбрехт был перед ним, как на ладони. Плоские крыши прямоугольных складов, видневшиеся в дождевой серо-белой дымке, лишь частично скрывали прячущиеся за ними обычные дома портового города. За спиной слышались возбужденные крики детей, родители

которых решились на это путешествие. Им уже не терпелось сойти с корабля и броситься в объятия новой жизни.

Да, прав был Хагторп, когда они беседовали сразу после отплытия из Новиграда за стопкой рома. Через Амбрехт осуществлялась основная высадка торговых караванов соседнего Континента в Эллиниаре. Портовый город располагался в одном из самых больших заливов, окруженный с двух сторон береговыми линиями и на картах имел форму челюстей морского чудовища, почему и назывался Акульей Пастью. Воды здесь были спокойны и удобны для швартовки кораблей, что делало его опасным конкурентом другого приморского города Гэиндайл в государстве Ахад, на полуостров которого и высадился Фабио Сахс Младший, чьему везению мог позавидовать любой картежный шулер. Тамошние берега были усыпаны острыми, как бритвы утесами, погубившие ни одного искателя приключений, если не знать правильного подхода.

Досмотрщики покинули шхуну, и команда приступила к швартовке к причалу. Капитан не вернулся к ведьмаку, сменив у штурвала старпома, и сам управлял теперь кораблем.

Матросы действовали слажено, каждый знал свое место, согласно расчета. Хагторп даже команд не отдавал, настолько намуштровал своих людей. На причале их уже ждали докеры, несмотря на погоду в жилетках на голове тело и маленьких вязаных шерстяных шапочках. Капитан плавно подвел шхуну к пристани, и матросы подали с судна швартовые концы, снабженные небольшими тяжелыми «грушами» на концах. Докеры, поймав концы, закрепили их за береговые палы. Сарет не сразу сообразил, что на палубе наступила тишина, пассажиры зачаровано следили за работой команды. По окончании швартовки, докеры установили специальные деревянные щиты, предотвращающие перебегание крыс с берега на судно и обратно.

Опустился трап.

Снова поднялся гомон. Торговцы начали командовать своими рабочими, чтобы те приступили к отгрузке товара, очередные поселенцы спешно сбегали с корабля на пристань. Кто-то смеялся, другие ругались, где-то заплакал ребенок.

К Сарету, ожидавшему пока путешественники, необремененные имуществом покинут шхуну, вернулся Нэддрад.

— Не решаешься? — внезапно спросил он, расценив задержку ведьмака, как неуверенность в следующем шаге, который может изменить всю жизнь.

— Нет, Нэддрад, — ответил Сарет, сохраняя все тоже ничего не выражающее лицо, — Хотел попрощаться и поблагодарить, что не отказал в помощи. Спасибо за все.

— Я дал слово, и обязан его выполнить. Тем более, что это я тебя должен благодарить, а переправить через Великое Море это минимум, что могу сделать в качестве благодарности.

— Мало сейчас таких людей, как ты, Нэддрад, — ведьмак смотрел в глаза капитану, и тот отвел свои в сторону, не в силах вынести взгляд этих странных глаз, — Способных держать слово.

Перед тем, как сделать шаг на трап, ведьмак протянул руку капитану.

— Ты действительно этого хочешь, Сарет? — вдруг спросил Хагторп, не разжимая рукопожатия.

— Да, капитан. Таким, как я нет места там, — он кивнул головой куда-то за спину Хагторпу, — Может здесь лучше.

— Мы будем в Амбрехте четыре дня. Ты осмотришь, пройдишь по городу. Погляди, что да, как и если, что возвращайся. Буду рад.

Ведьмак благодарно кивнул головой и, больше не говоря ни слова, спустился по трапу на причал.

Каблуки застучали по дереву, и ведьмак остановился, прислушиваясь к своим чувствам. Не было ощущения перехватившего дыхания и защемившего сердца, хотя откуда бы. И то и другое он умеет отлично контролировать, даже мертвым притвориться может, что ни один зверь или маг не поймет обмана. Так чего же он ожидал? Сарет и сам не знал. Может, думал, что ступив на берег новой земли вздохнется как-то по-другому, но воздух здесь был такой же, как и дома. Земля такая же твердая, вода тоже мокрая, особенно эта противная мелкая морось, капли которой попадали за воротник куртки.

Сарет сделал свой первый шаг в новую жизнь и сразу же оказался в водовороте людей, нелюдей, животных, и не терпимой вони пота и нечистот. Даже льющая с неба усилившаяся морось не могла смыть этот запах. Аромат соленого моря и водорослей смешался с вонью подгоревшей еды и экскрементов. Один его знакомый краснолюд, как-то выразился, что запах жратвы и человеческого дерьма — это первый признак цивилизации. И он оказался чертовски прав. Кудахтали куры, ржали лошади, под ногами бегали и визжали поросята. Люди спорили с грузчиками, договариваясь о загрузке или разгрузке своих вещей. Широкоплечие и коренастые, внешне похожие на краснолюдов Континента, крепыши сидели на ящиках, укрытых шерстяными одеялами и грозно глазели из-под насупленных кустистых бровей на тех, кто случайно оказывался подле их хозяйства. Группа из четырех высоких и стройных эльфов в сопровождении стражника портового контроля, безразлично обошли кучку лошадиного дерьма, наваленную прямо на дощатом причале, и целеустремленно прошли в сторону административного здания, сиротливо устроившегося между двух складов. Видимо в Эллиниаре эльфы чувствовали себя относительно свободней, чем у него на родине, ущемленные жесткой человеческой ксенофобией. Засмотревшись на остроухих, лишь благодаря мгновенной реакции и чуткому слуху, ведьмак успел увернуться, чтобы не врезаться в двух свирепого вида представителей невиданной им расы. Оба среднего роста и широкоплечие, с кожей сероватого цвета, почти звериными лицами с плоскими носами и торчащими из-под верхней губы клыками. Один с перехваченными рыжими волосами в хвост, другой лысый, из-за чего его уши с острыми кончиками казались еще острее. Две пары круглых желтых глаза свирепо зыркнули на него, когда он ушел с их дороги. Рыжий что-то гаркнул на непонятном гортанном языке, но отчего-то Сарет понял его. «Смотри куда идешь, урод!» обычно звучало у каждого народа одинаково.

Продвигаясь вглубь порта, подальше от причала, пытаясь найти выход в город, ведьмак все же заметил отличие от своего дома. Если не считать тех странных серокожих, то его абсолютно не замечали. Тому иногда приходилось пробивать себе дорогу, орудуя локтями и плечами, расталкивая слишком невнимательных или занятых горожан, стоявших посреди дороги. Возможно, дело было в том, что он спрятал медальон со знаком его Цеха, появившись он где-нибудь в Вызиме или, например, Бругге, то уже минут через десять местная стража доставит его на свой участок для выяснения обстоятельств его нахождения в городе. Хотя и без медальона, его изменённые мутацией глаза выдавали в нем не человека, но данный признак не слишком бросалось в глаза. Тем более, что прохожие не слишком желали поднимать лица навстречу идущему дождю.

Затем ведьмак с удовольствием отметил, что к оружию в Амбрехте относились лояльно. Кроме портовой стражи, которой он приметил, было непривычно много, у многих он успел различить длинные кинжалы и короткие мечи, а у тех незнакомцев с клыкастыми мордами

кроме кривых ятаганов на поясах еще висели короткие топорики.

Еще в Новиграде, собираясь в дальнейшее плавание, Сарет особо не планировал, что ему следует делать в первую очередь по прибытию в Эллиниар. Хотел побродить, как говорил капитан Хагторп, обтереться, а уже потом поискать работу, как делал это у себя на родине.

Он остановился возле одного из складов. К деревянной стене был прибит на гвоздь листок пергамента. Такие же объявления он заметил и на нескольких других домах. Под каплями дождя текст, выведенный небрежным почерком на Всеобщем языке, почти растекся черным пятном, но Сарет смог разобрать все же о чем там говорилось. Всеобщий язык Эллиниара незначительно отличался от того языка, что был распространен на Континенте ведьмака. Хотя все же это были два абсолютно разных мира и многие слова заимствовались из языков стран, что процветали на землях обоих материков. Однако языковая система была одинаковая и вместе с Нэддрадом, который значительно поднаторел в знании Всеобщего, во время плавания Сарет восполнил пробелы.

Ведьмак довольно хмыкнул, содрал объявление, сложил его и спрятал за пазуху куртки.

Вскоре добравшись до выхода из портовой части города, он уже имел определенное представление о том, что происходит в Амбрехте, даже не глянув на сам город и знал, куда ему следует идти в первую очередь.

С покато́й крыши двухэтажного трактира на вывеске, которого было намалевано странное существо, напоминающее гигантскую рыбину с длинными усищами, наряженную по чему-то в людскую одежду, вода ручьем стекала прямо на землю и возле входа уже образовалась большая лужа. И с заботой о постояльцах, хозяин бросил доску, чтобы по ней можно было пройти до двери. На вывеске было написано на Всеобщем языке название трактира «Хитрый пескарь».

Сарет поудобней поправил лямку мешка на плече и толкнул дверь в трактир.

В харчевенном зале царил полумрак. Из-за ненастья дневной свет не мог рассеять темноту, царившую в небольшом помещении, и несколько горевших на стенах светильников не были его достойными помощниками. В трактире было тепло, зал отапливался большим камином, в котором весело танцевал огонь, и мокрая куртка ведьмака начала парить. У каждого окна, и входной двери, он специально обернулся, чтобы убедиться, висели гексы-обереги, сплетенные из веточек, призванные защитить дом от нежити и нечисти.

Сарет довольно хмыкнул, его наблюдения пока подтверждаются. Все же не настолько он стар, как думал о себе монстробой.

Кроме него в трактире находились лишь два реданских купца, с которыми он плыл на «Морском льве», сидевших за самым дальним столом у камина, да докер, видать с ночной смены, больше налегающий на пиво, чем на снесь.

Сарет прошел мимо небольших квадратных столов, стоявших в два ряда, не обращая внимания на взгляды, украдкой бросаемые на него реданцами, к невысокой стойке. У задней стенки до потолка с деревянными перекрытиями упирался шкаф, на полках которого лежали, зажатые в специальных противооткатах, бочонки с врубленными в их крышки краниками.

Ведьмак скинул мешок на пол, со скрежетом отодвинул один из стульев, и сел, положив руки на широкую столешницу. Нахмурившись, провел ладонью по гладкой поверхности. Не жирная и вытерта на сухо.

Еще раз окинул харчевню взглядом. В трактире сохранялся относительный порядок, если не учитывать его мокрых следов от сапог, ведущих от двери до стойки, и небольших

лужиц под ногами реданцев и докера. Такое редко встретишь в подобных забегаловках, хотя может это потому что еще просто утро, хоть и позднее.

Хлопнула дверь, спрятанная за винным шкафом, и перед ведьмаком появилась девушка с милостивым лицом с вздернутым кверху носиком в платье со свободной с широкими рукавами белой рубашкой и бурой юбкой, расширяющейся снизу. Талию опоясывал черный пояс, имитирующий корсет и фартук. Она выглянула из угла, явно услышав в подсобке, как ведьмак специально двинул стулом по полу, и, вытирая серым полотенцем пыльную глиняную бутылку, выглянула в зал, чтобы убедиться, что ей не послышалось.

Трактирщица, убрав темную прядь за ушко, выбившуюся из-под белого чепчика, недоверчиво осмотрела золотисто-кариими глазами нового посетителя, явно смущенная внешним видом незнакомца. Латаная и потертая от частой носки одежда, но скроенная из хорошей телячьей кожи, на которую когда-то не пожалели денег. Рост чуть выше среднего, худощавый и поджарый, как дикий кот из Тарсанских Чащоб, руки со сбитыми костяшками. Коротко стриженные русые волосы, жесткое лицо сорокалетнего мужчины, с бледными губами и многочисленными шрамами. Часть были мелкими, говорящими, что незнакомец часто вступал в схватки, но из них в глаза бросались несколько. Один глубоким Y-образным рубцом тянулся под правым глазом через всю щеку до нижней челюсти, но стоило заметить зашитый умелой рукой. Еще три рваных шрама виднелись под подбородком, словно кто-то держал незнакомца за горло кривыми крючьями, эти зажили сами. Странные, она пока еще не могла понять почему, глаза следили за ней неприятным, острым и пронизывающим взглядом, от которого она зябко поежилась.

— Здравствуйте, милсдарыня, — поприветствовал трактирщицу Сарет на Всеобщем, стараясь придать голосу дружелюбность.

Наймит или бывший вояка из-за океана, решила девушка, поморщившись, услышав его акцент. Ну, этот хоть изъясняться может, не то, что те двое, сидевшие у камина. Она поставила бутылку на полку под столешницей, кинула полотенце на одну из бочек, и, достав кружку, поставила перед ним.

— Ну и тебе не хворать, коль не шутишь, наемник, — просто ответила девушка, стараясь держаться не принужденно, — Выпить или поесть?

Ведьмак, расстегнул воротник куртки и достал небольшой мешочек. На шею блеснула серебряная цепочка.

— А на что хватит? — передал кошелек трактирщице.

Та, продолжая рассматривать его и пытаться понять, что ж в наемнике не так, развязала тесемки и высыпала монеты на поверхность стойки. Наверное, стоит повесить еще пару светильников.

— Так и думала, что ты из-за Дремлющего океана, — девушка взяла монету пальцами с короткими ногтями и поднесла к огню светильника.

— Новиградские кроны, — пояснил Сарет, следя за трактирщицей.

— Давай ка, наемник, я сама разберусь, хорошо, — грубо отрезала девушка.

Сарет почти ей ответил. Очень хотелось послать ее, забрать деньги, и найти другой трактир.

— Извини, путник, — спохватилась трактирщица, сама не понимая, почему себя так повела. Просто незнакомец вызывал у нее опаску, а лучшая защита это нападение, — Когда имеешь дело с деньгами, нужно быть внимательной.

И у него получилось унять гнев, сжав пальцы в кулак и сразу же разомкнув.

Он сидел молча, приняв ее оправдания, пока девушка проверяла монетки, затем отсчитала себе несколько кругляшей и вернула оставшиеся. Осталось не густо, подумал ведьмак, ссыпав монеты обратно в кошелек. Не было возможности раздобыть больше денег в дорогу, он слишком торопился уплыть из Новиграда. Хотя ведьмак ожидал, что трактирщица обманет его и заберет все. Он хорошо был знаком с подобным людом.

— Вот, — девушка взвесила деньги на ладони, — По курсу омельского банка две кроны соответствуют местному тестуну, — Получается, тебе хватит на чашку чечевицы с тушеным мясом и кружку яблочного сидра, конечно, не такого какой подают в лучших постоянных дворах Бэтора, но и не та бражка, что пьет портовая «чернь».

— Спасибо, милсдарыня, — поблагодарил ведьмак, когда девушка наполнила из средней небольшой бочки ему сидра.

— Эй, давай завязывай с этим, наемник, — трактирщица обернулась у порога, — Меня зовут Рита. Просто Рита, — и удалилась за дверь, расположенную справа от винного шкафа, оставив после себя вкусный запах снеди, прорвавшийся из кухни.

Ведьмак проглотил слюну, наполнившую рот. С утра не маковой росинки во рту не было. Хагторп не слишком заботился кормить тех, кого перевозил, они сами питались своими запасами. Шхуновский повар не в состоянии был приготовить еду на такую прорву народа. Кормил только команду «Морского льва», ну и по приказу капитана самого ведьмака. Опять же, в качестве уплаты долга. Естественно разнообразием корабельная снедь не могла похвастаться. Рыба, фасоль, и сухари, бывало лишь фасоль и сухари. Иногда капуста, чтобы у команды зубы не выпали. Правда в это утро, никто и не завтракал, некогда было.

Когда трактирщица ушла, реданцы решили не оставаться один на один с ведьмаком и поспешили уйти из трактира. Сделали они это нарочно громко, звонко поставив пустые кружки, сдвинув чашки с недоеденной снедью, двинув табуретами, явно намекая, что компанию ведьмака они терпели на корабле вынуждено. Сарет затылком почувствовал, как те буравили его презрительными взглядами, возможно даже желали плюнуть ему в спину, только не рискнули. Ведь они знали, что он из безумных Котов.

Остались лишь он и задремавший, упершись лбом в локоть, докер.

Сарет ничем не подал, что его как-то задело их поведение. Привык уже, к ведьмакам всегда относились, как к тем же чудовищам, на которых они охотились. Это пока тварь жрет родных, люди умоляют монстробоев спасти их. А как тот выполнит Контракт, так нороят побыстрее избавиться от его присутствия, или чего похуже...

Он пригубил золотистый напиток и удивленно прищелкнул языком. Трактирщица Рита слукавила. Яблочное вино обладало освежающим вкусом, с кислинкой, но не такой, чтобы от нее морщиться и он сделал еще глоток. Благо кружка оказалась большой, иначе б уже опустела.

Появилась Рита с глубокой чашкой, от которой поднимался вверх ароматный дымок, ломтем ржаного хлеба и ложкой. Кивнула сама себе, увидев, что реданцы исчезли, не доев свой заказ, и поставила еду у рук ведьмака.

— Хлеб за счет заведения. Приятного аппетита, — пожелала девушка и направилась убрать за ушедшими постояльцами, схватив из-под стойки поднос.

Ведьмака упрашивать дважды не стоило, и деревянная ложка погрузилась в бурое варево с аппетитно глядящими на него кусочками говядины.

— Что за Дремлющий океан? — внезапно спросил ведьмак, прожевав очередную ложку

до невозможности вкусной каши. Этот вопрос не давал ему покоя с того момента, как услышал название.

Трактирщица удивленно изогнула бровь:

— Так это та большая вода, по которой ты плыл сюда, — она сгребла тряпкой крошки в одну из тарелок.

— Вообще-то она называется Великое Море, — поправил девушку Сарет, будто нерадивого ребенка, что сделал ошибку во время написания текста.

— Это у вас в Нэварланде она называется Морем, а в Эллиниаре она зовется Дремлющим океаном. На нашем континенте, знаешь ли, моря несколько меньше.

Ведьмак замолчал, обдумывая ее слова. Нэварланд? Что еще за Нэварланд? Его Континент так местные называют? Что означает это название? Как же это похоже на его первый выход в мир после обучения в Каэр Морхэне. Когда всю жизнь готовился, а оказался все же не готов. Когда вокруг тебя все новое, и приходится заново учиться... Ну что ж, ведьмак Сарет из Школы Кота всегда прилежно учился.

Ложка стукнула по дну, монстробой отложил ее и отправил кусок хлеба, предварительно собрав остатки каши по стенкам чашки, в рот.

Рита тем временем навела порядок на соседнем столе и с интересом наблюдала, как Сарет поедал неприхотливую снедь. Сейчас наемник вел себя абсолютно по человечески, и она в толк не могла взять, что ж так ее напугало при первом взгляде на него. Однако стоило тому отодвинуть тарелку, отпить сидра, то вновь вернулось чувство беспокойства, но уже не страха.

— Еще раз спасибо, Рита. Было очень вкусно.

— Ну, после месяца рыбной похлебки с сухарями, даже вяленое мясо будет по вкусу сравнимо с жареным поросенком под соевым соусом с перцем, — попыталась пошутить девушка, — Но повару я передам твои слова...

— Меня зовут Сарет из Крейдена, — представился он, понимая, как хотела закончить трактирщица, и задумался на мгновение, стоит ли говорить дальше, — Я ведьмак, — он достал из-за пазухи медальон.

Серебряная морда кота блеснула на огне единственного расположенного рядом светильника, свет отразился от одиноко стоявшей на полке бутылки и только сейчас Рита поняла, что не так с глазами наемника, так что от неожиданности вскрикнула. Они сверкнули, будто глаза кошки в темноте.

Это были действительно необычные глаза. Страшные, неживые и красивые одновременно. Словно сангадурские мастера взяли два драгоценных камня, желтый янтарь и зеленый изумруд, разломали пополам, а затем соединили по половинке в одно целое, вставив в центре черный уголек, и залили жидким стеклом. Рита видела людей с разными глазами и, как и все, испытывала перед ними суеверный страх, но чтобы каждое око было разноцветным, такое она встретила впервые. И сразу в голове возникли смутные воспоминания, краем уха услышанные от нэварландских торговцев, отдохавших в «Пескаре». Кто-то что-то говорил об ужасных убийцах чудовищ, которые и людьми то не были полностью. Якобы существовала на их земле каста особых охотников, которых еще в младенчестве похищали маги-отступники и превращали в получудовищ-полулюдей.

— Не надо бояться меня, — спокойно сказал Сарет, выдавив дружелюбную улыбку, — Я не причину вреда.

— Н-да, улыбаться тебе, Сарет из Крейдена, приходится не часто, — скривилась

девушка, — И почему я должна тебя бояться? Рожа у тебя, конечно, просит бульжника, извини за прямоту, но я и похлеще видела. Тут всякие бывают. И zenки необычные, но ты не видел портовую «чернь», которая в глаза капает «Кровь Синекудрого Бэйнора», чтобы испытать «приход», этот наркотик ужасные вещи с глазами вытворяет.

Ведьмак видел, что девушка храбрится, скрывая свой страх за подобным грубоватым общением. И чтобы еще больше не выдавать себя, взялась протирать все кружки и тарелки, что прятала под стойкой.

— Ну, раз у вас не знают об этом, — Сарет коснулся медальона, имея ввиду, именно Цех, который он олицетворяет, — То это к лучшему. Ведьмаки у меня на родине занимаются охотой на чудовищ, призраков и снимают проклятия. Я так понял, что у вас в порту завелась какая-то тварь?

Рита осторожно стрельнула в него глазками.

— С чего ты это решил?

— Если я скажу, что это ведьмачье чутье, то согласишься? — весело заявил он и отпил сидра, с сожалением посмотрев внутрь кружки. Напиток плескался на дне.

— Так сказал, будто ты не человек вовсе.

— Все не могу привыкнуть, что я не дома, — ведьмак сделал вид, что не заметил ее слова и указал на один из гексов, — Обереги висят почти на каждой двери домов, — принялся он перечислять со серьезным лицом, — Стража в порту на каждом углу, и не просто караулит. Нет, она высматривает и рыщет. Люди торопятся, судя по всему, хотят сделать свои дела, до наступления ночи, а этот тип, — Сарет кивнул головой в сторону докера, сладко сопевшего, как меха в кузне, — Пьет после смены не, потому что устал. Думаю, он рад, что пережил ночь. Значит, делаю вывод, что тварь орудует с восходом луны. А еще, бьюсь об заклад, что ночью в Амбрехте люди стараются собираться в многолюдных местах. В трактирах или борделях... Я прав? К тому же... — ведьмак положил на столешницу листовку, которую сорвал со стены одного из складов, — Вряд ли комендантский час с наступлением темноты объявляют просто так. Омель же не в состоянии войны, не так ли?

— Если все, что о вас рассказывают, правда, то у храмовников Ордена Всевеликой Церкви Высших появился серьезный конкурент, — задумчиво ответила она, вновь убрав прядь за ухо.

— Не знаю, кто такие храмовники, но смотрю, обманывать для трактирщицы вы умеете плохо, да? — ведьмак сощурил желто-зеленые глаза, — Все-таки о ведьмаках слышать приходилось.

— Вышние, а ты точно убийца чудовищ? — в свою очередь подозрительно присмотрелась девушка, — Может ты дознаватель Канцелярии Зальдарской Империи?

Ведьмак промолчал, не понимая, о чем она таком говорит. И Рита верно расценила его молчание:

— Понятно. И о «канцелярских крысах» тоже не имеешь понятия, — девушка задорно засмеялась, — Как же ты решился на такое путешествие, если даже и понятия не имеешь об, я б сказала, не простых вещах Эллиниара?

Сарет вновь не ответил, в глубине души радуясь, что не может краснеть, но глаза отвел, сделав вид, что изучает содержимое кружки. Девушка тоже молчала, вытирая и без того чистую тарелку, понимая, что все таки сболтнула лишнего. Вот так, сначала опасалась, а потом расслабилась, и сказала пару обидных слов, из-за которых этот человек с лицом головореза может запросто свернуть ей шею. Да и мало ли почему ведьмак решил переплыть

Дремлющий океан. Таких за три года столько побывало в ее трактире.

В «Хитром пескаре» повисла тишина. Вязкая, словно застывающая смола, которой покрывают крыши домов.

Сарет допил сидр и подвинул пустую кружку трактирщице.

— Так что там с чудовищем? — нарушил молчание ведьмак, и голос его теперь звучал, как скрип льдин вовремя ледохода.

— Возможно, тебе стоит обратиться к алькальду портовой стражи, — сразу же ответила Рита, — Я знаю не много. В том, что в Амбрехте появилась тварь, ты прав. Но она орудует лишь в порту, убивает раз в неделю по ночам. В основном женщин и в основном проституток. Как ты понял, они почти единственные кто не соблюдает объявленный алькальдом комендантский час.

— И вряд ли могут оказать достойное сопротивление, — задумчиво дополнил Сарет.

— Что? — переспросила трактирщица, непонимающе уставившись на ведьмака.

— Ничего. Просто мысли вслух. И где мне найти вашего этого... начальника портовой стражи?

— Можешь говорить всей стражи. Амбрехт городок не большой и портовый контроль единственный законный орган, который обеспечивает порядок среди населения. А алькальд Карбрей Бойд еще и негласно обязанности бургомистра исполняет.

— В смысле негласно?

— Так управленец свалил из Амбрехта, как только тварь убила четвертую жертву. Якобы запросить помощь у короля, чтобы тот вызвал храмовника. Короче, Сарет, портовые сплетни это конечно хорошо, обычно в них больше находишь нужного, но тебе все же проще попытаться узнать истину из первых уст. Если конечно получится. Участок Бойда находится рядом с рыночной площадью, отсюда в двух кварталах, если идти прямо. Заплутаешь, то спроси у прохожих, подскажут. Язык и до Арарда доведет.

— Спасибо, Рита, — ведьмак встал и закинул на плечо мешок, — Попытаюсь.

Дверь скрипнула, и порыв ветра, влекущий за собой капли дождя, ворвался в харчевенный зал. В «Пескаря» вошли, Сарет, не оборачиваясь, на слух определил, что их было двое. Рита словно окаменела, увидев новых постояльцев. Кровь отхлынула от ее лица, став каким-то серым, глаза заблестели. Видать от гостей ничего хорошего ждать не приходилось.

Те ожидали у входа, заметив, что ведьмак собирается уходить. Монстробой, грустно вздохнув, скинул мешок с плеча и снова положил его у ног, прислонив сверток к стенке стойки. Ну, вот зачем он это сейчас сделает?!

Один из гостей недовольно выругался, и они пошагали к ним, причем один ступал грузно и тяжело дышал.

Рита, сохранив удивленное выражение лица от того, что Сарет никуда не уходит, перевела взгляд на подошедших. Те встали за его спиной справа и слева. Сарет едва сдержался, чтобы не усмехнуться.

— Привет, Рита, — раздался над ухом шепелявый голос.

Говоривший скрипел обувью, вальяжно раскачиваясь на каблуках. Должно быть, даже большие пальцы засунул за ремень. Говорили он специально на Всеобщем сразу определив, что Сарет не эллиниарец.

— Чего ты хочешь, Монти? — дерзко спросила девушка.

— А ты как будто не знаешь, дорогуша? — захихикал грудной голос слева.

— Мне не нужно ваше покровительство, Улик! Так и передай Борзому Даффу. А если еще раз сунетесь ко мне, я вызову стражу!

Как бы трактирщица не вела себя, Сарет видел ее встревоженные глаза.

— А ну ка заткнись, сука! — гаркнул Монти, — Думай, что говоришь и при ком!

Рука левого легла ведьмаку на плечо.

— Слушай, лунчд, не хочешь пойти прогуляться? — предложил Улик, — Там погодка, как раз позволяет, — и снова разразился смехом.

— Да, — согласился Монти, — А мы пока пообщаемся с милашкой Ритой, если конечно ты хочешь и дальше ходить под небом Амбрехта на своих двоих.

Сарет медленно поднялся со стула и обернулся к ним. В этом простом движении, было столько угрозы, что у Риты волосы зашевелились под чепчиком. Будто тигра разбудили в его логове, и он встает на ноги, чтобы разобраться с врагом.

Монти был долговязым, как леший, с длинными и грязными волосами, зализанными назад. Крючконосое вытянутое, как у лошади лицо, желтые щербатые зубы. И он действительно засунул большие пальцы за ремень.

Улик отличался от товарища, как солнце от луны. Огромный необъятный живот складкой нависал над пряжкой ремня, что та исчезала под брюхом. Маленьким ножкам должно быть тяжело было держать такую массу. Дряблое лицо с гигантскими щеками, из-за которых едва видно глазки, и сломанным носом. Воняло от него кислым потом.

Оба в одинаковых в зеленую полоску гамбезонах, холщовых штанах со швами на бедрах и коротких сапожках. Плечи их покрывали кожаные плащ — накидки с откинутыми капюшонами. Оружием им служили странные короткие мечи с треугольной формой клинка, причем у Монти он висел за спиной в горизонтальном положении.

Типичные представители бандитского общества, решившие подмять под себя трактирчик и под видом защиты, сшибать с него процент и без того небольшого заработка. И, кстати, почему всегда толстый и тонкий работают вместе? Их что, специально главари так подбирают?

— Заманчивое предложение, Улик, — заговорил ведьмак с улыбкой, холодной, как зимняя пурга, — Но я откажусь от него.

Бандит замолчал. Рука Улика нервно схватилась за деревянную рукоять меча, когда он увидел странные глаза ведьмака. Сильно сжал челюсть, так что зубами скрипнул.

— Я не хочу с вами драться, — заявил Сарет, поднимая руки в мирном жесте. И хотя ведьмак всем своим видом показывал, что действительно не хочет вступать с ними в конфликт, и его голос был спокоен, но от его звучания почему-то ужасно заболели зубы, — Просто это хлопотно это будет. А оно и вам и мне не нужно.

— Ты кем себя возомнил, оборванец?! — воскликнул Монти, отступив назад, — Ты знаешь с кем связался? Да под Борзым Даффом весь Амбрехт ходит! С ним даже стража считается!

— Ну, так это Дафф, а вы-то здесь при чем? — удивился Сарет.

За спиной Рита не выдержала и хихикнула, в то время, как Монти заткнулся, пораженные подобной дерзостью приезжего. Не найдя, что ответить, тот тоже потянулся за мечом.

— Да я тебя сейчас...

Что Монти сейчас хотел сделать с Саретом так и осталось не известно. Монстробой сложил пальцы правой руки в не понятный знак и махнул им перед лицами бандитов, словно

протер запотевшее стекло.

— Высшие! — выдохнула пораженно трактирщица.

У бандитов внезапно стали отрешённые лица, глаза остекленели, они выпрямились, бросив эфесы мечей и расслабленно опустив руки вдоль бедер.

— Я же говорил, что не хочу драться, — произнес Сарет, сожалеюще качая головой, — А теперь... Пошли на хрен отсюда и забудьте дорогу в «Хитрого Пескаря». Вообще забудьте все, что здесь было. Вам ясно?

— Да, — одновременно ответили бандиты, развернулись, и шагнули было к выходу.

— Стоять! — внезапно скомандовал ведьмак, вспомнив одну вещь, — Оставь плащ, Монти. Он мне нужнее, чем тебе.

Долговязый не ответил, равнодушно и молча отстегнул грубо сделанную застежку в виде рака-отшельника в раковине и бросил его ведьмаку. Затем последовал за Уликом, который и не подумал подождать своего товарища.

— Только не говори, что ты еще и чертов колдун? — наконец выговорила Рита, когда оцепенение спало.

Ведьмак уже успел накинуть плащ и водрузить на плечо свой мешок.

— Я действительно не хотел их бить, — и в этот момент трактирщице показалось, что она слышала усталость в его голосе, — Иногда лучше воспользоваться Знаком, чем оружием. Всяко меньше потом разбирательств со стражей или главарем их банды.

Не прощаясь, ведьмак направился к двери, но его остановил голос Риты:

— Эй, Сарет из Крейдена!

Ведьмак, сжав дверную ручку, обернулся.

— Как поговоришь с алькальдом, независимо от результата, возвращайся. Тебе ж все равно негде остановиться. Сделаю тебе скидку, — она весело подмигнула ему, — Ну и расскажу о непростых вещах Эллиниара.

Сарет едва кивнул головой, набросил на нее капюшон и вышел на улицу под капли так и не стихшего дождя.

Глава 2

В городскую часть Амбрехта Сарет вышел быстрее, чем ожидал. Буквально через улицу от трактира он внезапно понял, что оказался вдали от портовой суеты.

В самом городе жизнь словно притихла, дождь изменил планы жителей. И если необходимость отсутствовала, то люди старались оставаться под надежной сухой крышей. Встреченные им городские абсолютно все, и мужчины и женщины, были хмурые. Облачены в удобную однотипную одежду в виде кафтанов с широкими плечами, свободных штанов с сапогами или высокими ботинками, платьев с длинными юбками, спадающими по бокам свободными складками, края которых волочились по грязной земле, и только по материалу, из которой они были сшиты и цвету краски, в который они были выкрашены, ведьмак мог определить к какому встречный принадлежал сословию. Тем более, что люди победнее укрывались от дождей под капюшонами плащей, а богатеи использовали зонтики из плотной ткани, которая не пропускала воду.

Однако, что те, что другие, жили скученно и тесно. И чем дальше ведьмак продвигался внутрь, тем сильнее ему казалось, что становилось душнее. Серые одно- и двухэтажные деревянные дома, образующие узкие улочки давили, словно каменные стены визимской тюрьмы, а уж Сарету приходилось бывать в подобных заведениях. Белье, не смотря на хлещущий дождь, висело на веревках, протянутых от одного окна к другому, над грязной немощёной улицей. Приходилось смотреть под ноги, чтобы не наступить в гигантскую лужу то ли нечистот, то ли дождевой воды.

Сарет вовремя услышал отчаянный визг и ловко отскочил, едва не угодив ногой в грязь, от несущегося, ничего не видя перед собой, поросенка. Через мгновение из проулка выбежала куча босоногой детворы и с улюлюканьем, абсолютно не обращая внимания на такую мелочь, как холодные струи воды, бьющие с неба, исчезли в направлении, каком скрылось бедное животное.

Дождь усиливался, норовя превратиться в ливень, и, похоже, лить собирался весь день. Сарет поправил капюшон плащ-накидки, чтобы вода не капала с переднего края за шиворот куртки. Хорошо, что догадался отобрать его у Монти, без плаща пришлось бы тяжело. Где-то на задворках разума настойчиво вгрызался в висок, как бур краснолюда в скалу, вопрос «Какого хрена он решил вступить за трактирщицу и влезть в разборки местных бандитов?» Мало проблем у него было дома, так он решил еще и на новое место их притащить? Где хваленый нейтралитет, соблюдаемый ведьмаками? Или это удел Волков и Грифонов, его братья по Цеху давно уже не придерживаются подобных взглядов? Вряд ли на Монти и Улике закончится, хотя Знак Аксий напрочь им стер память, но их главарь то все равно захочет узнать, что произошло в «Хитром пескаре». И вместо помощи, ведьмак, наоборот, накликал неприятности.

Однако ведьмак легко отогнал подобные мысли. Если все получится, он задержится в этом городишке денька на два, а если нет, то вообще проведет здесь не больше суток.

Трое городских стражников в такой же обмундировании, что и портовый контроль, проводили его подозрительным взглядом. Кроме положенных палашей, он заметил у них висевшие на поясах длинные деревянные дубинки, скругленные на концах. Но судя по тому козырек какого здания они использовали для укрытия, о ведьмаке они забыли сразу же, как только он пропал с их вида.

Бордели Амбрехта работали круглосуточно, их ведьмак насчитал целых пять, и это на территории двух кварталов. А сколько постоянных дворов, Сарет даже не начинал.

Назвать рыночной площадью небольшой единственный выложенный грубым булыжником квадрат свободной от домов местности, можно было с натягом. В центре стояла на каменном постаменте статуя из позеленевшей бронзы высотой почти восемь футов мужчины в мундире морского офицера с саблей на боку, за эфес, которой он держался рукой. Вокруг нее почти друг на друге теснились под навесами торговые ряды и лотки. Людей почти не было, желающих мокнуть действительно нашлось не много.

Сарет пересек площадь и подошел к памятнику, мельком глянул на ознакомительную табличку, и, не разобрав незнакомый язык, осмотрелся вокруг.

За лотками с покрывающими клятыми словами погоду торговцами, с ходу определил парочку ремесленных и портняцких мастерских, аптеку и цирюльничную, небольшой колодец. Сарет почесал подбородок, вспомнив, что у него остался маленький кусочек мыла для бритья, да и запас травок со спиртом для эликсиров следовало б пополнить. Если получится наняться к начальнику стражи, то попробует получить аванс.

Нужный двухэтажный дом с остроконечной крышей он вычислил по щитообразной вывеске. Вряд ли изображенный круглый черный щит с якорем в центре, наложенный на скрещённые мечи, повесил бы какой-нибудь оружейник. Действительно Рита сказала, что участок амбрехтской стражи найти будет легко.

Возле парадного входа, прячась от непогоды под козырьком, стояла доска с объявлениями. Сарет задумчиво пробежался взглядом по физиономиям, намалеванным не слишком умелой рукой под надписью «РАЗЫСКИВАЮТСЯ». Хм, даже носатый Борзый Дафф есть, но ни одного упоминания о чудовище, разве что, кроме комендантского часа. И охотника не нанимают...

Внутри он попал беспрепятственно, просто толкнув дверь, окантованную бронзой, и сразу же оказался в небольшой передней, мебелью которой служил широкий стол и шкаф, на полках которого лежали гроссбухи, листки бумаг, сшитые в папки из деревянных дощечек и свитки. За спиной, сидевшего за столом городского, что-то заполнявшего в толстой книге, от усилия покусывая верхнюю губу под светлыми усами, была лестница на второй этаж. Вправо и влево уходила пара коридоров.

Дверь за спиной ведьмака бухнула об косяк, и от неожиданности стражник дернул пером, оставив чернильную кляксу.

— Какого Изначального, лунчд?! — возмутился он на Всеобщем, с ходу определив в Сарете переселенца, — Мужик, ты с головой не дружишь, что ли? Смотри, чего натворил!

У городского было остроскулое и сухощавое лицо, на котором смешно смотрелись большие усы, жиденькие соломенные волосики, зачёсанные на бок, чтобы скрыть залысины. Бурый камзол с серебристым галуном на правом рукаве, точной копией вывески, был великоват для его худой фигуры, чем походил на черепаху в панцире.

— Ну, извини, служивый. Кто ж виноват, что ты такой впечатлительный, — ответил ведьмак, свободной рукой стряхивая дождевые капли с плаща, так что они крупными градинами стекли на пол, — И с дверью чего-то можно было сделать, чтоб не хлопала. Или писарям позволено? — не удержался от ехидства Сарет.

Городовой опешил от полученного ответа, мгновение хватал ртом воздух, как рыба, выброшенная на сушу, и, наконец, осознав, что все-таки является представителем закона, разразился гневной тирадой:

— Да ты представляешь, с кем так разговариваешь, лунчд?! — он старался придать своему верещающему голосу угрожающие нотки, но выходило у него это смешно, — Я регистратор стражи портового контроля Амбрехта! А этот галун, — он специально встал со своего стула, и ткнул пальцем в знак на рукаве, — Означает, что я такой же законник, как и остальные и могу тебя сейчас на пятнадцать суток посадить в камеру за оскорбление стражи и бродяжничество!

Сарет едва сдержал смешок, видя, как регистратор для убедительности схватился за дубинку на ремне, откинул капюшон и его разноцветные глаза ожидающе глядели на участкового писаря.

Регистратор заткнулся на полуслове, сдавленно икнул, руки задрожали, об оружии он и думать забыл, но из оцепенения его вывел громкий, наверно даже громовой, женский голос, раздавшийся из помещения, в которое вел правый от передней коридор.

— Что там у тебя случилось, Имон?! Орешь, как на пожаре?

В передней появилась низкорослая стражница, жующая краюху пшеничной лепешки. При ее приближении, медальон Сарета внезапно неприятно завибрировал, что рука ведьмака непроизвольно дернулась к нему, но тот так же внезапно успокоился.

— Тебе чего яйца дверью зажали?

— Да вот, Меррон, приперся тут, — принялся жаловаться усатый, — Дверь придержать не может, — городской обиженно пожевал губы, которые у него, ведьмак успел заметить, были в маленьких ранках, — Я из-за него отчет испортил, теперь от Бойда нагоняй получу, и еще заставит всю страницу переписывать заново.

— Ну, так это ж твоя вина, Имон? Тебе когда алькальд приказал отрегулировать пружину? — серьезно ответила вопросом женщина.

Ведьмак с интересом рассматривал городовую. Ростом она едва доставала ему до плеча, хотя и Сарет не был великаном. Короткая стрижка каштановых волос с выбритым затылком, острое личико с дружелюбным и веселым выражением, этакая лисья мордочка, если бы не шрам от сабельного удара на лбу. Но темно-карие глаза смотрели на него хищно, изучая и прикидывая, чем может быть опасен этот оборванец, чутка задержавшись на шраме. Фигура женщины была крепкой и сбитой, напоминая песочные часы с узкой талией и широкими плечами и бедрами, которую клепаная куртка не скрывала, а, наоборот, только подчеркивала. Морской палац, загорелая кожа, походка в раскачку, говорила, что стражница большую часть времени провела на судне.

— Но он посмел оскорбить стражу Амбрехта! — не унимался Имон, ища поддержки у городской, но в голосе уверенности поубавилось.

— Если не любить правду, то всегда можно думать, что над тобой смеются, не так ли? — она лукаво подмигнула ведьмаку.

Регистратор так и остался стоять с открытым ртом.

— А ты умен, лунчд, — Меррон прожевала последний кусочек лепешки и стряхнула крошки с нагрудника, — Чтобы не тратить время на бюрократию с регистрацией заявления и ждать пока тебя примут стражники, сразу навел суету.

— Не достаточно, — ответил монстробой, — Если честно я надеялся, что сам начальник объявится.

— Ух, незнакомец, — стражница присвистнула, — Губа не дура, но тебе не повезло. Алькальд Бойд в городе сейчас, придется тебе довольствоваться обычными стражниками.

— Прежде всего, ему надо зарегистрировать заявление у меня, — вмешался писарь,

сложив на груди руки.

Меррон смерила его неприязненным взглядом, и отмахнулась рукой:

— Отвали, Имон. Из-за твоей писанины у нас только работы лишней прибавляется. И так... — она замаялась, во время, поняв, что чуть не сболтнула лишнего, — Висяков столько, что не разгребешь. Так что тебе нужно, путник?

— Думаю, что вы вряд ли сможете что-нибудь сделать без разрешения своего командира, — остановил ее Сарет, — Я ищу работу.

— Работу? — непонимающе прищурилась Меррон, — Наемник что ли? Если что, то в Амбрехте запрещено наемничество. Или вдруг захотел поступить на службу в портовый контроль?

— Я ведьмак, — Сарет выудил медальон из-за воротника, — А у вас похоже проблемы, на которых я специализируюсь.

И вновь, как и в трактире в участке повисла тишина.

— Ух ты! Убийца чудовищ из Неварланда! — от души присвистнула стражница, — Но ка дай взгляну!

Ведьмак не сразу понял, стоит радоваться тому, что стража знает о ведьмаках или огорчиться, но протянул знак Цеха вперед за цепочку. Маленькая стражница схватила кругляш и, дернув на себя, поднесла к глазам.

— Старый такой, — разочаровано пробормотала она, проведя большим пальцем по выступающей шипящей кошачьей морде.

— Новые уже не делают, — безразлично ответил Сарет и выдернул медальон, спрятал обратно.

— Пошли, потрещим, — позвала ведьмака Меррон и широким шагом пошла в помещение, из которого недавно вышла, не оглядываясь.

Ведьмак мельком глянул на предусмотрительно замолчавшего Имона, тот сделал вид, что пытается оттереть чернильное пятно со страницы, на мгновение, задумавшись, последовал за ней.

Городовая села за ближайший из столов-близнецов, что заполняли прямоугольное помещение с парой запотевших окон в человеческий рост, защищенные железной решеткой от доступа из вне или побега изнутри, это с какой, конечно, стороны посмотреть. На столе, помимо свечи в простом подсвечнике и кипы разбросанных в беспорядке листов пергамента, лежало блюдо с остатками лепешки, половиной луковицы и копченого куса окорока. Должно быть, от перекуса Сарет оторвал ее своим спором с регистратором.

Скорее всего, этот зал использовался для проведения бесед с потерпевшими или преступниками, судя по табуретам напротив рабочих мест городских и вбитых возле них в пол деревянных столбов с кольцами, к ним цеплялись цепи с кандалами. Множество шкафов с секретерами выстроились вдоль стен, помеченные знаками ячейки в них закрывались на ключи.

Кроме них, в допросной, как окрестил ее Сарет, было еще два стражника, занятых своими делами. Они мимолетно посмотрели на вошедших, и дальше принялись копаться в своих бумагах. Мало ли кого привел их сослуживец.

— Во-первых, убийца чудовищ... — начала стражница, убрав тарелку со снедью в секретер стола и указывая на стул рядом с ней.

— Меня зовут Сарет из Крейдена, — назвался ведьмак, устраивая рядом с собой мешок со свертком.

— Без понятия, где там твой Крейден, — буркнула городовая, — Ну да ладно, Сарет, — словно на вкус попробовала его имя, — А я старшина второй статьи Меррон Калвах, будем знакомы. И все-таки, во-первых, я не буду спрашивать, откуда у тебя плащ со знаком банды Борзого Даффа, просто надеюсь, судя по тому, что о вас, ведьмаках, рассказывают, на моей смене труп не найдут.

Сарет непроизвольно коснулся застежки, поставив себе зарубку, что плащ надо все-таки сменить.

— Догадливый, — Меррон поставила локти на стол и сцепила пальцы в замок, сощурила глаза и пристально вгляделась в ведьмака, — А во-вторых, давай, разноглазый, рассказывай. Что привело тебя в Амбрехт?

Сарет расправил плечи, негодуя, на неудобство табуретов и отсутствие спинок. Неужели точно стареет? Или специально так задумано?

— Я здесь, как и каждый, кто приплывает с Континента. И перед тем, как поеду дальше в Эллиниар, я хочу заключить Контракт с городом, убить чудовище и заработать. Как вам известно, это профессия ведьмаков — убивать чудовищ за деньги. А поскольку ипат Амбрехта уехал из города, то единственная власть, как я понял, это ваш алькальд, — Сарет предусмотрительно изменил слово «сбежал» на более подходящее.

— О, Златоокий Келлум! — стражница подняла глаза к бревенчатому потолку, словно призывая кого-то в помощь, — Еще один искатель новой жизни. Что ж вам дома то не сидится. Понаедут, думая, что тут лучше, разочаруются, нажрутса дешевого пойла, устроят беспорядок, законники их в камеру, а потом разбирайся, что с ними делать. Ни штрафа оплатить, ни обратно отправить. Городской казны не хватит оплачивать такие переходы через океан. Только на шахты с рудниками в Черные Бивни или дороги строить на Эллиниарский Тракт отправлять, чтобы долг отработать.

Безусловно, надо раздобыть карту материка, поставил очередную зарубку ведьмак, а то от этих новых названий голова кругом пойдет.

— Сами не догадываясь, вы нашли решение не только своих проблем, но и моих соотечественников, — в скрипучем голосе Сарета даже намек не промелькнуло на сарказм.

— Высшие, он еще и с юмором, — Меррон схватила графин с водой, стоявший на тумбочке слева и наполнила полный стакан, — Везет же мне, — сделала глоток.

Ведьмак хотел ответить, что как раз таки не шутил, а на полном серьезе, но решил не искушать судьбу:

— Так что с работой?

Лицо стражницы мигом посерьезнело. Что-то прозвучало в его голосе такое, что заставило ее собраться и вспомнить о палаше, что висел на поясе. Но и в ее облике исчезла та лисья лукавость. Теперь перед ним сидела волчица, взявшая след дичи.

— А кто сказал, что я позвала тебя работу обсудить? — Меррон поддалась вперед. Левый рукав ее акетона задрался и стал виден амулет из шнурка веревки и привязанной к нему медной бляшки с какими-то изображениями и символами. Похоже, Сарет обнаружил причину дрожания медальона.

— Тогда зачем все эти вопросы? — монстробой напрягся, предчувствуя, о чем сейчас пойдет разговор.

— Ты ж сам знаешь. Приезжает в мой город убийца чудовищ, который по сути сам не человек. Да еще и знак Кота на шее носит. Ты думаешь, в страже портового контроля не известна ваша слава? Кот из Йелло, — она начала перечислять, — Мясник из Блавикена. А

сколько наемных убийц или шпионов из вас выходит. Дальше продолжать?

— Мясник носил голову волка, — поправил ее Сарет, — И он умер около пятнадцати лет назад. Тем более что я ничего не натворил, а, наоборот, предлагаю свою помощь.

— Именно поэтому ты еще не в подвале, и при тебе кинжал. А где знаменитые мечи? — она скосила глаза на длинный чехол, — Там? Один для людей, другой для чудовищ.

И все-таки прелести в том, что ведьмак был мутантом есть. Он чудесно совладал с лицом, сохраняя равнодушное выражение, хотя внутри у него начинала закипать такая знакомая злость, сводящая скулы и челюсть, ненависть, отгоняющая здравый смысл назад и дающая выход вспышке гнева, после которой есть только краснота крови, хлещущая в лицо ...

Но все это было внутри, а снаружи на Меррон невозмутимо смотрел все тот же мужчина, что зашел полчаса назад на участок. Только пальцы вцепились в штаны, грозя порвать старую кожу.

— Можешь не отвечать, и так ясно, — стражница допила воду, — Ну так, Кот или Мясник, хотя неважно, как там прозвали в Нэварланде тебя, зачем ты приехал в Амбрехт? Или твоя цель не в Омельсланде вообще?

Она не заметила, как Сарет выпустил штанину.

— Если это так, то можешь сказать мне, — она подмигнула ему, — Дела других королевств нас не касаются. Мне за поимку наемного убийцы какого-нибудь чиновника, например Немеда прибавку к жалованью не дадут. Поэтому кались...

— Подождите, милсдарыня старшина второй статьи, — прервал ее располагающую к беседе речь, — Это, что реально срабатывает? Люди прям так берут и изливают душу?

Меррон стерпела насмешку, сквозанувшую в голосе Сарета:

— Послушай меня, ведьмак, — она угрожающе нагнулась к нему через стол, опираясь на левую руку, — Мне, плевать, что о вас молвят ваши, типа вы лучшие мечники и даже колдуны, — из-под стола правой достала дубинку, — Но если я узнаю, что ублюдок Кот прибыл в мой город, чтобы убить кого-нибудь, то узнаешь чего стоит стража портового контроля Амбрехта.

Ведьмак ответил не сразу. Он изучал полыхающую ненавистью девушку, пытаясь понять, чем была вызвана подобная реакция.

— Люди всегда остаются людьми. Что дома, что здесь, — сожалеюще покачал головой Сарет.

— Что ты там сказал?

Сарет поднялся на ноги, подхватив мешок с пола. Меррон вскочила вместе с ним, здраво решив, что дубинка в случае чего ей не помощница. За спиной послышались скрежет отодвигаемого стула и хлопнувшей крышки ячейки. Другие стражники рассудили, что возможно понадобится помощь их товарищу.

— Я задержан? — лицо ведьмака ничего не выражало, а вопрос был задан буднично.

— Пока еще нет, Сарет из, как там его... Крейдена, но я тебя предупредила. Лучше тебе по-быстрому свалить из Амбрехта, в противном случае я за тобой слежу, и не дай Высшие ты сделаешь что-нибудь противозаконное...

— Я понял, милсдарыня старшина второй статьи, — перебил ее Сарет, — Но я не воспользуюсь вашим советом. Как вы догадались, у меня нет денег. Поэтому я попытаюсь встретиться с вашим алькальдом Бойдом позже. Может он более здравый человек, чем его подчиненные.

И не дав ей ответить, оставив с открытым ртом пышущую гневом стражницу, а ее товарищей в недоумении, ведьмак вышел из допросной. Спокойно миновал регистратора, тот, предусмотрительно переписывая на чистый листок гроссбуха свои записи, глянул на ведьмака с неприкрытым отвращением, но Сарет не обратил на это внимания. Такие взгляды он встречал в каждом городе Континента каждый день.

На улице стеной шел ливень, настолько сильный, что рыночная площадь превращалась в огромное озеро. Бульжником покрыли, а сливы не додумались сделать, не говоря уже о подобной роскоши, как канализация. Тысячи капель, падающих с неба на землю, создавали множества мелких фонтанчиков и поднимали очень громкий шум, который и без громовых раскатов грозил перерасти в грохот. Торговцы, здраво решив, что сегодня не прибыльный день потихоньку сворачивали свои лотки, что открыто, стояли на рынке. Продавец овощей с надеждой посмотрел на одиноко стоявшего ведьмака на крыльце участка стражи портового контроля, но поняв, что незнакомец не собирается ничего покупать, сплюнул в лужу и закрыл лавку.

Сарет даже не видел его. Он вообще ничего не замечал вокруг, уставившись в бородатое лицо статуи морского офицера, с подбородка которого стекала вода. Естественно, убийца чудовищ ожидал, что не получится сразу же наняться, с подобным приходилось встречаться и не один раз. Тем более, что разговариваешь не с самим нанимателем, а с одним из его мелких сошек. Но не думал, что произойдет именно так. Этой сучке Меррон он точно дороги не переходил. Может, кто из собратьев ведьмаков опередил его и уже отметился в Амбрехте? Он сомневался, что был единственным, кому пришла мысль переселиться за Великое Море. Надо в будущем попытаться разузнать об этом. А с капитаном стражи, монстробой попробует поговорить завтра, надеясь, что дождь закончится за сутки и он сможет найти его на улицах города. Рита сказала, что тварь убивает раз в неделю, возможно у него еще есть время. Стоит все-таки поподробней поговорить с трактирщицей. Действительно, как и сказала трактирщица, что иногда больше информации узнаешь от обычных жителей, чем от представителей власти. Тем более, что она сама пригласила его вернуться.

Сарет прощупал через куртку кошелек. Она вроде что-то говорила о скидке на комнату? Еще б выпить чего-нибудь покрепче яблочного сидра. Махакамской водки, например. Тут должно быть подобное пойло, от которого башню сносит или хотя бы нервы успокаивает. И с удовольствием почесал бы кулаки об чью-нибудь рожу, это тоже расслабляет. Только Сарет не желал давать лишний повод Меррон маячить перед его лицом дубинкой.

Больше не раздумывая, он побрел обратно, стараясь обходить лужи. Небольшие грязевые островки суши еще встречались, не всю дорогу затопило водой. Сапоги скользили, но Сарету везло, чтобы не растянуться в нечистотах. Следовало, конечно, прогуляться по городу, послушать сплетни, посмотреть места убийств, тварь обязана была оставить следы. Но, ведьмак глянул на небо, затянутое черными и косматыми тучами, в Крейдене говорят, что в такую погоду даже собаку на улицу не выгонят.

В одном из окон высунулась крупная матрона под дождь и вылила ведро с помоями прямо с высоты второго этажа, не слишком заботясь о том, что по улице кто-то может идти.

Твою мать, воскликнул в сердцах Сарет. Город соприкосновения двух цивилизаций, а выглядит, как захудалая деревня каких-нибудь кирпичников в окрестностях Вызимы с такими же нравами.

Дверь вожделенного трактира широко распахнулась в миг, когда ведьмак ступил на

доску, чтобы преодолеть все увеличивающуюся лужу. На улицу вывалился докер с лобастым лицом и в круглой кожаной шляпчонке с наушами. Они пару ударов сердца разглядывали друг друга, решая, кто из них уступит дорогу.

— Лунчд, — сплюнул портовый себе под ноги, шагнул ногой, обутой в сапог с толстым носком, в лужу, обрызгав обувку Сарета, и, нарочно мощно ступая, побрел в сторону порта.

Сарет задумчиво проводил его взглядом и вошел в харчевенный зал «Хитрого пескаря». Народу внутри заметно прибавилось, так и должно было быть. Стоял гомон голосов, от столов слышалась отборная ругань.

Риту он заметил, как всегда за стойкой, наливающей в чей-то жестяной кубок красное вино из бочки. Возле нее стоял щупленький паренек в серой рубахе и бурой шерстяной жилетке с подносом, на котором лежали две глубокие чашки с рыбным супом и половиной буханки хлеба.

Преимущественно постояльцами, кроме парочки докеров, четырех грузчиков и двух стражников, были купцы в дорогих с расшитыми серебряными нитями одеяниях с такими стоячими воротниками, что удивительно, как они головой вертели. Да, трактир у Риты был не таким престижным заведением, и обслуживание здесь не особо на высоте, вряд ли тот мальчишка-половой успевал быстро разносить заказы, но он привлекал своей уютной обстановкой и чистотой. Сарет в очередной раз поблагодарил сам себя за собственный инстинкт, почему-то направивший его к двери «Хитрого пескаря», а может и просто вывеска была необычной, привлекающая его внимание.

Рита заметила, застывшего в дверях ведьмака и пригласила его махом руки к стойке.

— Судя по твоей унылой физиономии, разговор с алькальдом прошел не слишком хорошо, — предположила трактирщица, когда Сарет уселся на стул.

Монстробой злобно посмотрел на соседа, коренастого грузчика со скучающим видом крутящего кружку с сидром, тот предусмотрительно отсел от него подальше.

— Эй, Сарет из Крейдена, если хочешь подраться с кем-нибудь, то ищи себе жертву на улице, а не в моем трактире. Или жди ночи, и вали в бордель «Голубиные крылья», там устраивают драки за деньги, — заметила Рита явно не нормальное поведение ведьмака, — Может и на тварь свою нарвешься.

— Извини, — буркнул Сарет, — Разговора с Бойдом не случилось. Его не было на месте. Ты знаешь Меррон Калвах?

— Надо же, ведьмак, — Рита задорно присвистнула, — Алькальда ты не застал, но успел познакомиться с одним из его первых помощников.

— Она? Помощник капитана стражи? — Сарет недоверчиво изогнул правую бровь.

— Да, она и еще один. Главный старшина Ноэ Киган, высокомерный типчик, захаживает сюда изредка, но больше предпочитает ошиваться «Голубиных крыльях», мастак подраться. Говорят он нацелился схватиться с Чемпионом Зальдарской Арены Тиано рей-Бёрком по прозвищу Львиное Сердце. Они раньше вместе с Карбреем Бойдом служили на военном корабле, до того, как алькальд перешел в портовый контроль.

Сарет вознамерился вставить колкое замечание по поводу потока незнакомых имен и названий, как кухонная дверь отворилась, и в проеме появилось веснушчатое лицо пухлощекого паренька, лет на семь моложе Риты. Ведьмаку хватило секунды, чтобы определить заметное сходство во внешности между трактирщицей и поварёнком, правда Рита была все же красивей.

— Готово жаркое в горшке, — доложил он и скрылся в своих владениях.

Рита что-то поискала под столешницей и положила на поверхность маленький ключик, стукнув деревянной фигуркой рыбки на короткой цепочке.

— Поднимайся вверх, Сарет из Крейдена. Последняя справа комната в конце коридора. Можешь в ней отдохнуть. Я поднимусь, как появится свободная минутка.

Ведьмак с сомнением изучал ключ.

— У меня пока нет денег, чтобы заплатить за нее, — пояснил он свою нерешительность и отодвинул от себя ключ.

— А я, что цену озвучила? — трактирщица двинула его обратно, тот почти коснулся ладони монстробоя.

— Бесплатным бывает только сыр в мышеловке, — буркнул Сарет.

— Темноликий Анрэйг, Хранитель Алмазных Врат, — закатила глаза кверху Рита, — Ты прям кладезь пословиц и поговорок, — она взяла ведьмака за руку, перевернула ладонь вверх, подивившись ее сухости и грубости, и вложила в нее ключ, — Потом все обговорим, убийца чудовищ.

— Эй, хозяйка! — раздалось с одного из столиков, — Долго еще заказ ждать? У нас обед скоро закончится!

— А ты, Олифф, что не знал, что еда и сон скотинят человека? — смеясь, ответила Рита, но глаза ее нещадно жгли Сарета.

— Но ты ж знаешь, что иногда хочется побыть этой самой скотинкой, — в ответ заржал бугай с широким шрамом на лице, пересекающим переносицу, — А скотине этой спать хочется дома и в безопасности, поэтому надо успеть до вечера загрузить ящики гномов.

— Уже несу, — доложила Рита, удаляясь на кухню.

Ведьмак покрутил ключ в руках, раздумывая, что ж делать с неожиданной щедростью трактирщицы. В том, что все делается неспроста и от ведьмака ей что-то надо, Сарет понял сразу. А что он может предложить, кроме кулака кое-кому в зубы, тут к гадалке не ходи и так ясно. Рассудив, что дареному коню в зубы не смотрят, Сарет подхватил свой мешок и побрел вверх, морщась от того, как хлюпает в сапоге.

Лестница под его шагами даже не скрипнула не единой половицей, очевидно недавно ремонтировали. Подобную заботу о постоялом дворе, Сарет видел, надо заметить, впервые. Сам коридор на втором этаже был не широкий, но два человека вполне могли разойтись не теснясь. С каждой стороны располагалось по семь дверей, хороших и крепких, все с врезными замками, между ними весели пока еще на зажжённые маленькие светильники, в конце коридора светилось маленькое оконце в еще одной двери, должно быть ведущей на небольшой балкончик, виденный им снаружи.

Сарет нашел нужную ему комнату, два раза крутанул ключом в замке, и переступил порог маленького и темного из-за закрытых ставней оконца помещения. Ведьмак расширил зрачки и смог разглядеть дощатый стол с табуретом, простую кровать с соломенным матрасом, тонкой подушкой и шерстяным одеялом, аккуратно сложенными у изголовья, узкий невысокий шкаф, и две картинки в деревянной рамке над кроватью. На одной мужчина с горящими огнем глазами, на другой женщина, в строгом платье, склонившаяся над очагом.

У двери он обнаружил небольшую полочку с двумя плоскими масляными каганцами и, взяв один из них, Знаком Игни зажег огонь на фитильке, осветив комнатку мерцающим желтым светом. Сразу же обратил внимания на пару крючьев и конструкцию в виде горизонтальных железных прутьев в количестве четырех штук, прибитых к стене.

Ведьмак поставил светильник на стол, окна открывать не стал, чтобы капли ливня не попали в сухое помещение, бросил мешок и кинжал на кровать, скинул, наконец, промокший почти насквозь плащ. Сразу же понял, для чего нужны крючья и прутья. Это были своеобразные сушилки для одежды, так как стена, к которой они крепились, сохраняла тепло от камина, горевшего в харчевенном зале. Прогресс, вызванный особенностями климата. Должно быть, дорогую ему *палату* выделила Рита, для особых клиентов. Он с удовольствием избавился от верхней одежды, развесив ее на сушке и оставив на себе лишь штаны. Грустно цокнул языком, заметив трещину в подошве сапога, и поставил их рядом с теплой стеной, пусть тоже сохнут, а там что-нибудь придумает.

Пол все же холодил босые ступни, он не был устлан соломой или каким-нибудь ковром, только древесные доски. Но разве это сравнится с ледяным камнем келий Каэр Морхена, усмехнулся ведьмак.

Сарет, не теряя времени, отстегнул сверток от мешка и, уложив его на стол, развязал тесемки. Он бережно, как драгоценность достал содержимое, вновь уложив их на столе, расстелил ткань на полу у теплой стены, чтобы тоже просушилась. Рядом поставил небольшой сундучок из старого и потрескавшегося дерева, который судя по зарубкам не один раз роняли и пинали, и еще один сверток, перетянутый кожаными ремешками, изъятые из походного мешка. Не считая черный от уже не стираемой сажи железный котелок с ложкой, пустую кожаную флягу для воды, мотков веревки и ниток с толстой иглой, рыболовного набора из тонкой тесьмы, пары крючков и грузил, куска мыла и складной бритвы — это был весь его скарб, который он всегда носил в своем старом мешке

Ведьмак уселся на табурет, скрупулёзно осмотрел ножны двух полуторных мечей, протирая их ветошью, промасленной из деревянной масленки, что лежала в том самом чехле вместе с инструментами для походного ремонта оружия, на наличие повреждения или намокания. Одни ножны были старыми, кожа в некоторых местах потрескалась и истерлась. Другие словно только что купленные в оружейной лавке, блестящие, будто лакированные, и прошитые крепкой серебристой нитью витиеватым узором.

Оружие для Сарета, как и для любого ведьмака, даже если он свернул с Пути, были единственными настоящими помощниками и друзьями в жизни, на которых он мог положиться. Каждое меч подгонялся под индивидуальные особенности его владельца махакамскими умельцами, чтобы сделать их максимально эффективными, и вручался Наставниками после прохождения Испытания Горой. Сарету повезло, его оба меча были выкованы из особой метеоритной сидеритовой стали. Поэтому, чтобы сменить оружие, требовались особые причины.

Все это было очень давно. Каэр Морхэн на половину уничтожен безумными фанатиками больше ста лет назад вместе с теми убийцами чудовищ и молодыми учениками, которые были в крепости на тот момент, ведьмаки разбрелись по Континенту, лишь изредка собираясь в старой обители на зимовку, в уцелевшей ее части, правда, Коты туда редко забредали, по крайней мере, он не слышал о подобном. Изгой, есть изгой.

Думая, а сохранилась ли его келья, которую он делил с еще одним ведьмаком, лучшим другом по имени Брэен, да, да тем самым известным Котом из Йелло, Сарет обнажил меч, что был вложен в старые ножны. Широкий постепенно сужавшийся на конце клинок из голубоватой стали уходил в простую крестообразную гарду. У лезвия были не характерные для обычных мечей волнообразные изгибы до середины длины клинка, оно до сих пор хранило заточку, выполненную краснолюдами. Рукоять была разделенной, обеспечивающей

более надежный хват одной или двумя руками, выполненная из черного дерева и заканчивалась круглым и плоским навершием с отчеканенной на ней головой скалящегося кота, точной копией его медальона.

Он придирчиво оглядел клинок, проведя тряпкой в масле по полотну. Хотя в этом и не было нужды, потому что внутренняя часть ножен была выложена кроличьи мехом, масляная пленка, образованная на нем от постоянного вложения и вынимания создала благоприятную среду для хранения, защиту от ржавчины и постоянную смазку меча. Ножны, конечно, он менял неоднократно, однажды даже одни от другого меча он сломал об голову гнильца.

Шаги Риты он слышал еще тогда, когда девушка поднималась по лестнице. Он как раз обслужил стальной меч, и собирался приступить к работе над вторым другом.

Трактирщица шла быстро, но ступала аккуратно, словно опасалась оступиться. Он ощутил запах еды, но это был старый аромат, приклеившийся от кухни, к нему добавился еще один, свежий и надо заметить вкусный.

Рита тихо постучала, больше из-за привычки, потому что, не дожидаясь разрешения, трактирщица скользнула в комнату, громко хлопнув дверью об стену. Естественно, если открывать ее одним плечом

Ведьмак отложил свои клинки в сторону, не торопясь встал с табурета, отметив, что был прав, ведь Рита держала две небольшие пузатые глиняные кружки с дымящимся содержимым. Он взял чехол и под пристальным взглядом золотисто-карих глаз накрыл им оба меча.

— Я принесла чай, Сарет из Крейдена, — разъяснила свой приход трактирщица, — Он поможет согреться. Дожди в наших краях холодные и частые.

— Я заметил, — усмехнулся ведьмак, продолжая стоять так, чтобы свет каганца бил в спину. Навык, приобретенные с годами жизни, проведенной в вечной дороге, давал о себе знать даже тогда, когда это не требовалось, — Наплыв постояльцев сошел?

— Да, у работяг обед закончился, до вечера еще много времени, а с теми, кто забредет, Мюрис справится. Вышие, у тебя здесь темно, как у Хозяина Той Стороны в жопе, — Рита, стараясь не оступиться под немигающим взглядом горящих глаз, прошагала к столу и поставила кружки на стол.

Теперь, когда она стояла ближе к свету, ей стало спокойней от того, что теперь она могла хорошо видеть обнаженного по пояс Сарета, но от того, что она увидела, ей вновь стало не по себе.

Тело Сарета, жилистое и гибкое, как асланистанский тростник, было все в шрамах, словно восточная ваза покрытая узорами. Как будто ведьмака заглотив целиком гигантский дракон, который жил еще во времена владычества на Эллиниаре змееголовых с'траа, пожевал и выплюнул, а какой-то пьяный маг собрал его обратно. Но все они, даже такие, как огромный затянувший неприглядной кляксой ожог у ключицы справа, следы укуса звериной пасти на левом плече, три параллельных шрама от когтей с каждой стороны поясницы, будто ведьмака схватили в объятия, меркли по сравнению с длинным прямым рваным рубцом пересекающим живот. Это кем же нужно быть, чтобы выжить после такого ранения?!

— Тот, кто говорит, что шрамы украшают мужчин, не видел тебя, — покривилась девушка, протягивая монстробою кружку, — Ты словно с гравюр мясницкой лавки Ниула сошел.

— Один волшебник из Бан Арда давал мне кругленькую сумму, чтобы я стал его подопытным. Он очень любил подобные вещи изучать, — Сарет пригубил горячий напиток,

с наслаждением отмечая вкус напитка, — Хм, очень вкусно.

— Листья черного немедского чая, шиповник, сушеное яблоко и мед, мой отец придумал, — с гордостью разъяснила трактирщица, — А судя по тому, что у тебя нет денег, ты не согласился, — саркастически засмеялась девушка.

Лицо ведьмака приняло выражение еще более серьезной мины. Он осмотрелся и не найдя ничего подходящего, сел на кровать, зажав кружку между ладоней.

— Переходите к делу, Рита, — сказал Сарет, порядком уставший от ее сарказма.

Трактирщица отставила свой чай на стол, поджав сзади юбку, села на табурет, сцепив пальцы на руках.

— Этот трактир единственное, что осталось у меня и моего младшего брата Лукаса от наших родителей, — начала говорить девушка, словно заранее заготовила речь.

— А Мюрис тогда, кто такой? — перебил ее Сарет.

— Какой внимательный, — нетерпеливо фыркнула девушка, — Мюрис младший сын портного с Кожевельной улицы. У мальчишки руки из задницы растут, по словам его отца, вот он и попросил у меня работу для него. Ничего, справляется, — она отвела глаза от Сарета к окну, так и оставшемуся с закрытыми ставнями, тяжело конечно говорить с человеком, который смотрит на тебя, как змея на мышь, — Мой отец был ротным поваром в омельской армии и всегда мечтал, что когда выйдет в отставку, то откроет подобное заведение. У него получилось, накопленных сбережений хватило, все таки в армии неплохо платили, тем более, что Первый сухопутный полк отца стоял на границе с Немедом, пограничные стычки с соседним королевством были обыденностью, но за них неплохо платили премией.

— Он уволился как раз, когда Фабио причалил к берегам Ахада?

— Да, а через год первый корабль новиградцев уже был пришвартован в Амбрехте.

— Я так понял, что ваш отец, как бывший военный, прекрасно догадался, что благодаря удобному заливу, скоро Амбрехт станет связующим центром Континента и Эллиниара и не упустил возможности купить трактир в порту.

— Да, только не купить, а взять в аренду. Потому что надо было и ремонт провести, и продукты закупить. Но толком взяться за дело он не успел. Чахловой кашель загнал его в могилу, оставив нас с Лукасом одних. А тут и арендодатель не заставил себя ждать, видите ли он думал, что нам не хватит денег платить купчую и он уже нашел нового клиента, — судя по сменившейся интонации в ее голосе, девушка едва сдерживалась, чтобы не перейти на портовый язык, — Но мы смогли не только выплатить аренду, но и через полтора года взять ссуду в банке и выкупить “Пескаря”.

Выходит, что трактиром они ведают всего лишь пол года, решил ведьмак. Может поэтому в “Хитром пескаре” так еще пристойно. Странно, что про мать ничего она сказала, видать болезненная тема или просто ее не знали. Полковая шлюха, которая залетела, а дети для нее слишком обременительны были.

Блять, вот ему это надо, лезть в подобные дебри. Не сказала, так не сказала. Он поставил кружку с недопитым чаем на пол, дотянулся до сапога с трещиной в подошве, пытаясь придумать, как залечить повреждение в обуви. Это были хорошие сапоги, мягкие и крепкие, со сменным каблуком. Может смолой заклеить?

Трактирщица продолжала рассказывать, не отводя глаз от ставней:

— Лукас оказался прирожденным поваром, будто его одарила сама Целомудренная Алеит. Или просто в отца пошел, ну а я взяла на себя все остальные способности. Со

счетоведением я всегда дружила, а в вечных походах и житиях в казармах, любила путаться под ногами полкового интенданта. Короче, нам не сказано повезло.

— Зачем вы мне все это рассказываете, Рита? — вдруг заговорил Сарет, после того, как трактирщица замолчала, — Я не слишком смахиваю на жреца, готового выслушать исповедь.

Девушка перевела взгляд на сидевшего напротив нее ведьмака, державшего сапог в руках. Ведьмак мог поклясться, что разглядел ее мокрые глаза.

— Все дело в Борзом Даффе, Сарет из Крейдена, — голос ее снова приобрел уверенность, — Этот бандюган, вышедший из мальчишек для утех, подмял под себя всех уродов, что орудуют в порту. Он якобы крышует трактиры, бордели, торговые лавки, а на самом деле просто снимает с них мзду. Он охраняет их от самого себя.

— Не будешь платить, значит лишишься имущества, — догадался Сарет, и девушка кивнула головой, — А что же ваш хваленый портовый контроль? Помнится ты говорила тем двоим, что заявишь на них алькальду.

— А, что я могла от безысходности сказать? Половина стражников куплена, а другой не до обычных людей. Им сейчас тварь надо поймать, иначе король, как узнает, головы с бургомистра и начальника стражи снимет. Амбрехт же золотая жила для Омеля и Нэварланда.

— Так, а что вы от меня хотите? Хочу заметить, что я не вышибала. И тем более не наемник. Обычный ведьмак. Я убиваю чудовищ.

— Если я потеряю этот трактир, то мы с братом погибнем, — Рита встала с табурета и одним движением сдернула со стола холстину, обнажив мечи.

Сапог грохнулся на пол, едва не задев кружку с чаем. Ведьмак оказался возле нее, преодолев расстояние между ними в пол удара сердца. Рита не успела вскрикнуть от удивления и выпустить ткань из руки, как Сарет возник рядом с ней почти вплотную, схватив ее за тонкое запястье. Он резко дернул ее в сторону за руку, не сильно, но этого хватило, чтобы чепчик слетел с ее головы, и русые волосы каскадом рассыпались по покатым плечам. Сверкающие настоящей злобой желто-зеленые глаза жгли насквозь, но не как горячие угли в камине на первом этаже, а как озерный лед с вечно покрытых снегом Волчьих Зубов.

Но Рита выдержала его взгляд, глядя на него с еще большим вызовом и дерзостью, несмотря на то, что пальцы ведьмака сжимались все сильнее и сильнее. Холстина упала на пол к их ногам.

— Говорят у ведьмаков два меча, — повторила она слова нэварландских купцов, сквозь стиснутые зубы, — Стальной для людей, серебряный для чудовищ, — боль в запястье становилась все не выносимей, еще чуть-чуть и кость сломается под давлением железных пальцев ведьмака, но Рита терпела, не сводя мокрых глаз с него, — Это правда, Сарет из Крейдена?

Он уже слышал эту поговорку сегодня от Меррон. Убийца чудовищ вдруг тряхнул головой, словно отгоняя наваждение, выпустил ее руку и отступил на шаг назад, глядя на нее из-под лобья.

— Никогда не делай так больше, — сквозь зубы процедил Сарет, отчего его речь была больше похожа на тигриное рычание.

— Ты не ответил, — заявила трактирщица, потирая запястье, пытаясь скрыть, что ей больно. Стоит сходить в погреб за ледником, синяк точно останется. Высшие, о чем ты думаешь, Рита, тебе сейчас надо поскорее на горшок сходить, а то прямо здесь напрудишь.

— Они оба против чудовищ, — фыркнул Сарет.

Накрывая холстиной мечи, ведьмак повернулся к ней спиной, и вновь Рита позеленела, увидев кучу шрамов разбросанных в беспорядке самых разных размеров. Такие оставляет кнут на теле человека, она видела подобные вовремя приведения наказаний плетью в исполнении на рыночной площади.

— А что если тварь ходит на двух ногах и одевается в людское платье? — выжидающе смотрела на него, — Ведь чудовище всегда остается чудовищем, даже если говорит, как человек, не так ли?

Ведьмак замолчал, рассматривая навершие стального меча. Что-то такое он сказал старшине второй статьи.

— Я не убиваю людей за деньги. Я вообще их не убиваю, если есть возможность просто их покалечить или хотя бы обойтись без драки.

— Я видела, Сарет из Крейдена, — девушка все так же продолжала стоять на месте, лелея запястье, — Но, неужели, ты думал, что Монти и Уликом все закончится? Дафф не оставит все просто так и захочет выяснить почему его *шестерки* вернулись не солоно хлебавши.

Что думал, Сарет решил воздержаться говорить.

— Мне собрать вещи и уйти? — сорвалось с языка ведьмака.

— Я не прошу тебя идти убивать или калечить Даффа и его банду, — отрицательно покачала головой девушка, упустив его вопрос, от чего ее волосы колыхнулись волной, — Я знаю, что тебе это не по нраву. Видела, как ты поступил с Монти и Уликом. Ты ведь мог легко им шеи посворачивать. Но также я вижу, что тебе не нравится, когда творят непотребства с незащитными людьми, хотя ты не герой легенд и сказок. Просто ты обязан защищать людей от чудовищ. И не важно как они выглядят.

Складно говоришь, Рита, мелькнуло в голове у ведьмака. За убийство чудовища мне еще и платят.

— Я прошу тебя просто не стоять истуканом, когда придет Борзый с его товарищами, — продолжала говорить трактирщица, не замечая, что перешла на “ты”.

В дверь вежливо постучали.

— Рита, — из-за нее послышался мальчишеский голос, — Там у Лукаса проблема возникла. Без тебя не справится, говорит.

— Хорошо, Мюрис. Сейчас иду, — девушка подобрала чепчик и направилась к двери, — Оставайся, Сарет из Крейдена, я не гоню тебя. Вечером спускайся на ужин. Лукас приготовит лакланские пироги с сыром и мясом, амбрехтцы неделями их ждут. Это не значит, что ты мне должен за жилье и еду отрабатывать вышибалой. Считай, что я так благодарю тебе за будущее убийство чудовища.

— Меня еще даже не наняли.

— Наймут, я уверена. Алькальд у нас здоровый человек, хоть и законник и бывший военный. Он сообразит, что такими кадрами, как ты не разбрасываются. Тем более, думается мне, что ведьмак возьмет за работу меньше, чем требует Всевеликая Церковь в качестве пожертвования, — эта фраза прозвучала больше, как совет, а не утверждение, — И не обращай внимание на то, что тебе наговорила Меррон. Мне, кажется, ее просто никто не трахал уже вечность. Сегодня ты вряд ли уже куда пойдешь. Погода не располагает. У нас будет время поговорить. И о Эллингаре и о чудовище. Трактирские сплетни, они знаешь ли, иногда содержательней, чем та информация, которой владеют законники.

— Рита, — окликнул ее Сарет у самого выхода, — Пока вы не ушли, ответьте на один вопрос. Что такое лунчд? Меня каждый второй так называет.

Девушка несколько мгновений изучала его, а потом еще миленькое лицо расплылось в задорной улыбке:

— Как бы тебе объяснить, — она задумалась, — Это производное от омельского *лунченхаунд*, оно означает “брошенная псина”. Так называют всех переселенцев с Нэварланда.

— Н-да, — покачал головой ведьмак, — Бродяжкой меня кликали, а вот псиной еще нет.

— Не принимай близко к сердцу, — и она вышла из комнаты, оставив ведьмака одного.

— И не собирался, — вслед ей ответил Сарет.

Он вернул сапог к сушилке, допил чай одним глотком, обжигая язык, и улегся на кровать, подложив руки под голову и глядя в потолок. Сейчас полежит немного, и займется вторым мечом.

Дождь продолжал стучать в ставни окна, силясь все же прорвать его хлипкую оборону. Этот барабанный звук действовал умиротворяюще на Сарета, переваривающего в голове события сегодняшнего дня.

Претензии ненормальной старшины второй статьи он не воспринимал всерьез, посмотрелся на таких. В каждом городе, в котором он побывал, ведьмак встречал подобных либо стражников, либо чиновников. Главное сейчас найти с алькальдом. На счет помощи Рите с этим Борзым Даффом, что ж, он ей ничего не обещал, не так ли? Главное заработать денег и можно будет сразу же отправиться в дорогу. А то, что глупышка трактирщица решила положиться на ведьмака, да еще и из Школы Кота, жилье и кормежка бесплатно, ну так флаг ей в руки. В следующий раз умнее будет, чтобы доверять подобным проходимцам, как он.

Должно быть он заснул, потому что открыв глаза, он вновь оказался в темноте. Сарет обернулся к окну, озадачено отметив, что ночь давно вошла в свои права. Дождь все так же лил за стеной, так скоро и жабры отрастут, усмехнулся Сарет, и Амбрехт превратится в подводный город Ис, о котором ему рассказывал знакомый ведьмак. Огонь светильника погас, все масло выгорело за те несколько часов, что он дрыхнул.

Ведьмак всегда спал чутко, а значит никто не приходил и не пытался его разбудить, даже хотя бы стуком в дверь.

Однако в харчевенном зале происходила какая-то суета, шум и гомон доходил аж до его комнаты снизу. И нет, не обычный вечерний или ночной трактирный кутеж.

Ведьмак сел на край кровати, протирая глаза. Он прислушался, отодвигая бьющий в ставни ливень в сторону и пытаясь разобраться в том что происходит на первом этаже.

Крики женщин, ругань мужчин, падающая мебель, кто-то кричал, что нужно звать стражу.

Сарет вскочил с кровати, подхватив сапоги и рубаху, и в промежутке между двумя ударами капель дождя об карниз, подскочил к мечам.

— Чудовище!!!! — истерично вопил голос снизу, — Чудовище видели на улице Ристерда!!!!

— С чего ты взял, что это монстр, Серлас? Че опять своей бормотухи паленой перепил? — спросил кто-то не доверчиво.

— Как оно выглядело? — перебил того молодой, почти юный голос, звучавший наоборот не испугано, а заинтересовано.

— Надо звать стражу! — посоветовал Мюрис, и от чего-то ведьмак усмехнулся.

Но услышанный далее женский голос заставил Сарета отпустить рукоять серебряного меча:

— Странно, улица Ристерда далековато от порта, — Рита говорила задумчиво, — Ведь чудовище ни разу еще заходило в глубь города.

Ей в ответ посыпались возгласы возмущения, что-то вроде, чтобы не лезла женщина, ее дело алкашку разливать в стаканы, а не о чудовищах размышлять. Вот так, из заботливой хозяйки трактира в мгновение превратилась в простую половую.

Сарет пожал плечами, прикрыл оружие холстиной, и сунув ноги в сапоги, поморщившись, что те еще не просохли до конца, направился в харчевню, на ходу натягивая рубаху через голову. В животе предательски заурчало, неплохо если получится отведать пирогов Лукаса.

В зале царил кавардак. Столы были сдвинуты в хаотическом порядке, ряд стульев валялись, когда люди резко вскакивали на ноги. С одного из столов на половые доски капало вино из опрокинутой кружки.

Постояльцы столпились вокруг мокрого худенького мужчины с лицом будто у душевнобольного, отчаянно жестикулирующего. Один парнишка стоял у окна, опасливо выглядывая наружу, словно чудовище рыскало возле трактира, пальцы левой руки нервно теребили рукоятку кривого ножа.

— Что вы напали на Серласа? Дайте ему попить. Он ж бежал через весь город.

Ведьмак остановился на половине лестницы и, облокотившись на перила, стал наблюдать за происходящим.

Кто-то из постояльцев подал свидетелю кувшин с сидром.

— Здоровенная тварь! Волосатая! — напившись и отерев плоские губы рукавом, быстро описывал Серлас, словно боялся забыть приметы, — Голова что у волка, вот такая- развел руки в стороны, словно спелую тыкву держал. А когтищи, как палаши у контроля.

— Волколак! — вякнул парнишка, — Как пить дать волколак в Амбрехте завелся. Но сегодня же не полнолуние, — он глянул на небо.

Сарет хмыкнул, интересно, что он там рассмотрел за тучами?

— Высшие, это все лунчды виноваты. До них все было хорошо, — подхватил грузчик с богатырской фигурой и почти беззубым ртом.

— Думай, что говоришь, грузила! — выкрикнул в ответ торговец из Темерии в солидном черном одеянии, украшенном серебристыми лилиями, — Да если бы не мы, ваш захудалый городок, так и оставался б никому не нужной деревней.

— Я тебе сейчас покажу деревню, лунчд! — грузчик сжал пудовые кулаки, его угрозу подхватили другие портовые рабочие, им вторили протесты нэварландских купцов и их помощников.

Поднялся крик, и все сразу забыли о чудовище, которое видели несколько минут назад в

городе. Еще б пару мгновений, и в харчевне началась бы потасовка, грозившая превратиться в поножовщину, потому что почти у каждого на поясе висел не только острый нож или кинжал, но и у некоторых короткие мечи и топоры.

— Успокойтесь! — среди гомона слышался тонкий голосок трактирщицы, Сарет рассмотрел ее в гуще толпы, — Я прошу вас успокоиться! Именем Хранительницы Алеит, пожалуйста, успокойтесь! Драка не решит проблему с тварью! Да послушайте меня ж!!! — ее голос сорвался на крик, когда докер со сломанным носом хватанул ее за воротник платья.

— Уйди, дура! Не хрен вмешиваться! — зло заявил тот и попытался отшвырнуть ее из толпы.

Жесткие пальцы Сарета сомкнулись на его предплечье, не позволяя тому выполнить задуманное.

— Отпусти ее, — медленно произнес ведьмак, едва разжимая губы.

Сарет головой доставал ему до груди, и портовый смотрел на монстробоя сверху вниз. Размерами грузчик был в два раза крупнее ведьмака, но от чего-то сил ему не хватало вырвать руку из этой мертвой хватки. Он даже непроизвольно сглотнул пересохшим горлом под взором разноцветных глаз.

— Ты еще кто такой, лунчд? — удивленно спросил докер.

Рита со страхом глядела то на ведьмака, то на здорового портового, пытаясь отцепиться от него. Переполох вокруг них затих, эти трое заметно выделялись из толпы спорящих и вокруг них словно образовалось магическое поле.

— Еще раз говорю- отпусти ее, — в этот раз ведьмак попросил спокойней, но пальцы не разжал.

— Лучше отпусти ее, дружище, — рядом возник мужчина, габаритами не уступающий докеру. Реданский носильщик с «Морского льва», — Это же псих-ведьмак, — многозначительный кивок на медальон, — Мутанту тебе кишки выпустить ничего не стоит.

Быстро же вы стали друзьями, пронеслось в голове у Сарета.

Жуткие легенды о его собратях возымели свое действие и докер выпустил девушку, та, не ожидая, упала на колени, неприятно стукнувшись худыми коленками об пол. Еле сдержала возглас, но слезами глаза все же наполнились. Грузчик опасливо отступил назад, рукой щупая рыбацкий узкий нож длиной почти тринадцать дюймов.

Отчего-то ведьмаку очень захотелось, чтобы громила попытался пустить его не по назначению.

— Больно? — поинтересовался Сарет, помогая ей подняться, — Так бывает, когда лезешь не в свое дело.

— Это стоило того, чтобы ты наконец спустился со своей колокольни, — Рита выдавила из себя подобие улыбки.

Ведьмак не ответил, посчитав, что портовый грузчик может и прав- она действительно дура.

В этот момент всполошился Серлас:

— Хвала Высшим, слухи не врут, — мужичок пробился сквозь толпу, окружившую ведьмака и трактирщицу, — Я ж тебя и искал.

— Меня? — с сомнением переспросил ведьмак, — Что-то не верится.

— Да выслушай его, Сарет, а потом будешь язвить, — вставила девушка.

Ведьмак бросил в нее убийственный взгляд, будто ножом метнул, и та быстро ушла в носки своих ботиночек.

В зале нависла плотным пологом тишина. Постояльцы толпились вокруг них, ведьмак, внезапно заметил, что теперь стал главным центром внимания, и неопрятно для себя поморщился. Обычно это плохо кончалось.

— Рассказывай... Серлас, — ведьмак с тоской глянул на закрытую дверь кухни, что ж пирогов сегодня уже не отведать, — Где ты видел тварь, при каких обстоятельствах и почему же ты побежал за мной, а не за алькальдом?

— У нас нет на это времени, ведьмак, — забеспокоился омелец, — Чудовище уже может кого-нибудь убило, пока мы языками тут чешим. Нужно торопиться, я по дороге расскажу.

— Я так-то не за бесплатно работаю, — заявил ведьмак, продолжая с надеждой смотреть на кухонную дверь.

— Мерзкий мутант, — кто-то буркнул из толпы, но Сарет не успел заметить кто это был. Но голос он запомнил, у мерзких мутантов был отменный слух и его он уже не забудет.

Другие постояльцы было за возмущались, но Рита успела их опередить:

— Если ты убьешь тварь и предоставишь алькальду доказательство, то он обязан будет выплатить вознаграждение из городской казны или мы созовем городской сход и заплатим из собранных денег.

— Правда?! — Сарет теперь уставился на нее, — Так просто? А почему раньше не предложила?

— Потому, что тогда чудовище не появилось еще.

Серлас опасно дернул ведьмака за рукав рубахи. Ведьмак обернулся и пристально глянул на него.

— Так ты идешь или нет? — нетерпеливо позвал его мужчина.

Ведьмак задумался. Что ж, определенный смысл в словах трактирщицы был, обычно Сарет именно так и зарабатывал, потому не каждый войт готов был нанять Кота, если потерпеть можно было, то горожане обычно ждали другого случайного убийцу чудовищ. Но обычно охоте предшествовали объявления об поиске охотника, а здесь монополия на борьбу с тварями принадлежала этим, неизвестным ему, храмовникам. И что скажет алькальд, когда он бросит к его ногам голову твари? И почему когда? Возможно уместней если, он даже не знает, что это за чудовище, может и не оборотень вовсе.

И было что-то, что вводило его в сомнение. Какие-то слова, которые прозвучали в трактире совсем недавно.

— Мне надо взять оружие, — решил на конец Сарет, ответом ему был облегченный возглас постояльцев, — Рита, идем со мной. Мне нужно кое о чем тебя расспросить.

Та недоумевающе посмотрела на него, но последовала все же за ним. Под, наоборот, все понимающие взгляды гостей «Хитрого пескаря».

— Теперь слухи пойдут, ты знаешь об этом? — поинтересовалась девушка, закрыв за собой дверь и прислонившись к ней спиной.

— Если хочешь, то мы можем сделать слухи правдой, — пробурчал ведьмак, надевая куртку и застегивая ее на пуговицы. Хорошо, хоть она успела высохнуть.

— Идиот, — прошептала Рита, надеясь, что ведьмак не услышит.

Ведьмак прекрасно все услышал, но сделал вид, что не заметил:

— Ответь мне на парочку вопросов, лучше, — сказал ведьмак, цепляя за пояс кинжал, и не дожидаясь ее решения, продолжил, — Кто-нибудь когда-нибудь видел чудовище вообще? Свидетели его убийств проституток? Случайные прохожие, заставшие его над расправой?

— Нет, наверное, — задумавшись, ответила девушка, — По крайней мере, слухов об этом нет. Просто находили растерзанные тела. Но я мало, что знаю. Я в основном на рынок выхожу и в трактире обитаю, как ты можешь догадаться.

— Ясно. Ты сказала, что тварь объявилась далеко от порта, и посчитала это странностью. Почему? — Сарет навис над своим сундучком, который так ни разу еще и не открыл с момента отплытия из Новиграда.

— Да потому что чудовище убивало раньше именно в порту. За его пределы не ступала ни разу, все его жертвы портовые шлюхи. А улица Ристерда находится на окраине города, рядом с Окольничьей. Это один из простых районов, там даже борделей нет, не говоря уже о проститутках.

— Может чудовище поменяло вкусы. А стража? — ведьмак передумал лезть в нутро сундучка и откинул край холстины, укрывавший мечи, — Как часто она там бывает?

— Редко, там почти нет преступлений, разве что бытовые ссоры и те без поножовщины. Почему ты спрашиваешь об этом?

— А кто такой это Серлас? — продолжал задавать вопросы Сарет, проигнорировав ее интерес.

— Пьянчуга и завсегдатай игорных домов. Говорят должен всем и вся. Работает тальманом портовой ратуши. Ведет учет погрузки и выгрузки грузов на корабли.

Ведьмак, слушая Риту, перекинул стальной меч на прочной кожаной амуниции за спину, подтянул дополнительный ремень снизу, вдетый в петлю странного металлического трезубца, вставленного в широкую и плоскую пряжку. Теперь ножны плотно прилегали к спине и эфес торчал над правым плечом ровно по гарду. Покрутился на месте, подвигал телом вправо и влево, проверяя ладно ли на нем сидит его одежда, чтобы ничего не мешало, не шуршало и не скрипело. Эх, сейчас бы еще его перчатки с серебряными бляшками-кастетами, которые он потерял под Журавлиной Кущей, за неделю до отплытия в Эллиниар.

Удовлетворенно кивнул себе, ощущая, как его настигает знакомое чувство. То самое охотничье возбуждение, каждый раз охватывающее его во время контрактов. Коснулся рукой рукояти меча и только сейчас заметил, что девушка не отводит от него взгляда.

— Что? — непонимающе поинтересовался Сарет.

— Первый раз вижу, чтобы длинные мечи носили подобным способом. У нас обычно *антеласы* носят за спиной, но они короткие, поэтому их еще называют «бычий язык». Как ты его достаешь?

Сарет вспомнил тот короткий клинок у Монти, значит вот, как тот называется.

— Как я его вынимаю, хочешь знать? Надеюсь ты этого не увидишь, — закончил ведьмак и направился к выходу, захватив плащ-накидку, — И, еще надеюсь, у тебя хватит ума, не следовать за нами.

— Даже и не собиралась, — обиженно буркнула Рита, но отчего Сарет сильно сомневался в ее утверждении.

Постояльцы так и остались стоять, там где их оставил ведьмак. У лестницы на второй этаж трактира. На их лицах читалось нетерпение, что монстробой так долго собирался. Спускаясь, он накинул плащ и скрыл голову под капюшоном. У накидки была все-таки удобная застежка, ее можно было расстегнуть одним движением большого и указательного пальцев, и плащ уже не сковывал движения. Удобно для подобных типов, как Монти. И для ведьмака тоже.

Рукоять щерилась навершием с котом над плечом, что не преминули заметить

постояльцы, тыкнув в нее пальцами.

— Идем, Серлас, — бросил на ходу тальману, Сарет и пройдя сквозь гостей, как нож сквозь теплое масло, вышел под льющее слезами небо.

— Эй, будь осторожен, мужик, — все тот же голос, что обозвал его мутантом, сказал свое напутственное слово портовому работнику, — Это все таки Кот.

Обязательно узнаю, что это за доброжелатель такой, пообещал себе Сарет, ступив на доски, переброшенные через лужу, чтобы перебраться через нее, но только это оказалось бесполезным делом. Дороги улиц давно превратились в сплошные реки, а там где не давно были островки суши, встречались сплошные слои мокрой грязи. Сарет плюнул на все и пошел прямо по воде, портянки мгновенно намокли. Похоже и второму сапогу пришел белый пушной зверек.

Серлас семенил за ним быстрым шагом. Ведьмак слушая, как тот бодро хлюпает за ним, резко остановился, что тот едва не врезался в его спину.

— Что идешь за мной? Веди меня туда, где тварь видел. Я что по твоему ясновидящий что ли? Сам должен догадываться где эта ваша улица Ристерда?

— Да, да. Простите, — тальман отчего-то низко поклонился и побежал впереди, причем в буквальном смысле.

Улицы ни как не освещались, потому что вряд ли какой стражник в такую погоду вышел зажигать фонари. Светильники горели лишь на зданиях, освещая входные двери, но это не мешало Сарету. Он давно уже напряг все свои органы чувств, чтобы не только не упустить из вида своего проводника, но и не пропустить нападение *твари*.

Портовая часть Амбрехта с наступлением ночи и не думала затихать. В окнах складов и пакгаузов горел свет, пусть дождь глушил, но Сарет хорошо слышал ругань рабочих, двигающих грузы и товары. На кораблях, пришвартованных на причалах тоже не спали. До него донеслись обрывки какой-то похабной песенки с недалёкого когга:

Меня качает на тебе,

Как утлый ялик в море!

Тону в твоей, пардон, «звезде»,

Дна нет в твоей каморке!

Если б не ситуация и ни погода, то Сарет, едва сдерживающий неуместную улыбку, с удовольствием остался и дослушал. Главное, чтобы к языку не приросло, не замысловатые слова песенки, так и просились напеваться при каждом удобном и неудобном случае.

— Давай рассказывай, Серлас, — вдруг заговорил ведьмак, когда они вышли в городскую часть, — О том, как увидел тварь, и почему именно меня решил искать.

Спина тальмана сгорбилась, будто он ожидал по ней удара. Но он не уменьшил скорость шага и прорывался сквозь лужи, как драккар пиратов с островов Скеллиге пробивает ледники. Сарет обратил внимание на его высокие сапоги из странной и мягкой, будто водоотталкивающей кожи со стягивающимся двумя ремешками голенищем и укрепленным подноском. Подобную обувь он уже видел у портовых рабочих. Интересно такие продают в сапожничьих?

— Так слышал, как стража рассказывала, что ведьмак объявился в Амбрехте и надо бы за тобой приглядеть. Сама помощница Бойда, говорили, отрядилась тобой заняться, — начал отвечать тальман, — Я тогда не придал значения. Ну объявился так, объявился. Мне какое дело. Знаешь, ведь. Своя хата с краю, если меня это не касается.

— Я смотрю эта Меррон Калвах важная особа, — заметил Сарет.

— Еще бы, ведьмак, — Серлас бросил на него взгляд, как на дурака, — Не каждый может вырваться в первые помощники главного законника Амбрехта, тем более баба. У нее хватка, что у бычьих собак, знаешь ли. А еще она и Киган единственные кто выжили из команды корабля, на котором они служили, когда случайно столкнулись с отрядом из семи ахадских галер четыре года назад. Они больше месяца дрейфовали на спасательной шлюпке по Дремлющему, пока их не подобрало торговое омельское судно, идущее из Нэварланда.

— Наверное поэтому у нее сильно сорвало крышу, — предположил ведьмак.

— Ты тоже заметил, монстробой? — нервно хихикнул Серлас, и предусмотрительно осмотрелся, — По городу ходят слухи, что они пили собственную кровь и мочу, чтобы не сдохнуть от жажды.

— Боюсь предположить, чем они питались, — Сарет вслед за тальманом перепрыгнул широкую лужу.

— Говорят, что кожу своих же доспехов, сырое мясо рыб и случайных птиц, которых удавалось поймать. Когда их спасли, они были похожи на зверей, потом их списали на берег в стражу нашего города, под командование их бывшего капитана Карбрея Бойда.

— Да у вас тут целые легендарные личности живут, — съязвил Сарет.

Дома постепенно становились все приземистей, и в один момент перестали быть двухэтажными. Теперь появилось больше пространства, строения не возводились плотничком друг к другу. Ведьмак сделал вывод, что улица Ритсреда, как и Окольниковя сравнительно молодые части города. Жители в основном селились к центру города, отвоевывая дюймы пространства, чтобы жить по ближе к порту, так сказать деловой части Амбрехта. Но не пройдет и пяток лет здесь тоже появятся игорные дома и бордели с трактирами. Уличные дороги здесь были еще хуже, чем в обжитой части города. Ведьмак с трудом передвигал ноги, по самые щиколотки застревавшие в вязкой грязи.

— Ну раз мы все выяснили о ваших великих стражниках, то давай вернемся к чудовищу. Говоришь ты видел его?

Серлас на его вопрос сгорбился еще сильнее, и украдкой глянул на ведьмака. Тот на него не смотрел, он, будто ищейка высматривал и вынюхивал по сторонам.

— Ну как сказать видел... Сначала услышал, потом заметил крадущуюся тень. Она была в два раза выше меня, и у нее огромная волчья голова и длинные руки с огромными когтями, — Серлас даже раздвинул большой и указательный палец, чтобы показать какие именно, но спохватился, подумав что глупо выглядит в крошечной темноте показывая что-то убийце чудовищ. Ему было невдомек, что ведьмак уже давно все прекрасно различает. Тальман не мог видеть, как широко расширены зрачки ведьмака, — Я уже это говорил в «Пескаре».

— Волчья голова говоришь, да? — задумчиво произнес Сарет, заметив, как они оказались в проулке с тупиковой стеной дома напротив них и одним угловым выходом вправо. От боковых стен построек был растянут навес из полотна, поэтому они были почти укрыты от дождя и стояли на лишь слегка влажной земле. И ни одного окна, только одиноко горящий факел под навесом, освещавший проулок и кучу мусора с разбитыми ящиками возле одной из стен.

— А что ты делал на этой улице? — остановился у самого края навеса Сарет, откинув капюшон и рассматривая вверху вбитые гвозди в деревянные доски, к которым были привязаны веревки навеса, — Ты живешь не здесь, не так ли, Серлас?

— П-почему ты так решил? — заикаясь переспросил тальман, вынужденный тоже

остановиться. Он озирался по сторонам, будто ища у кого-то поддержки.

— Ты ж портовый учетчик- ответил Сарет, гадко улыбаясь и не отводя своих жутких глаз от тальмана, — А значит должен быть в порту с утра, на случай прибытия судна с рассветом, не так ли? — Сарет сделал шаг к нему, на ходу расстёгивая нижнюю пряжку-трезубец.

Серлас попятился назад, но его нога попала в небольшую ямку и он, оступившись, грохнулся задом на землю. Его вскрик неожиданного падения утонул в шуме капель дождя, которые надежно отбивало полотно.

— Я-я б-был-л у-у л-л-любов-вницы-ы, — продолжал оправдываться тальман, но Сарет уже и так все понял, потому что слышал шорох крадущихся людей. Они ступали очень аккуратно, стараясь чтобы их обувь не чавкала в грязи. Простой человек вряд ли их услышал бы из-за льющегося дождя, но не Сарет. И крались они именно из того узкого выхода, что зиял черным провалом сбоку.

— Можете не прятаться, уважаемые милсдари, — громко заявил ведьмак, и голос его звучал невесело, — Вас не услышит разве только спящий.

Таинственные гости замерли на пару ударов сердца, естественно, это они хотели застать врасплох ведьмака, а не он их. Они о чем то пошептались, но чуткий слух не смог разобрать их бубнеж, и наконец появились под навесом.

Их было пятеро. В центре стоял невысокий и стройный мужчина с большим крючковатым носом, как у орла, на моложавом лице, надменной улыбкой упругих губ. Яркие голубовато-серые глаза хищно изучали стоявшего перед ним ведьмака, будто видел перед собой невиданную диковину. Длинные смолистые волосы покрывал немного сдвинутый на бок бурый берет. Одет он был в одежду темного цвета, можно сказать элегантно и не к месту и по погоде, если не говорить о плаще-накидке, украшенной волнообразным узором по краям. Из более дорогой шерсти, не то что носил сейчас Сарет.

Справа и слева от него топтались здоровенные верзилы, габаритами не уступающие винному шкафу «Хитрого пескаря». Высокие, чуть ли не достающие макушками навеса, широкоплечие, с кулаками которыми столбы удобно забивать в землю. У всех лица свирепые и небритые, покрытые шрамами. Одеты они намного проще, чем их хозяин, а в том что носатый их главарь, Сарет не сомневался. Обычные расстёгнутые куртки до поясницы, под ними рубахи со следами от жирных пятен, широкие штаны с кожаной вставкой на месте промежности, заправленные в портовые сапоги. У троих из-под плащ-накидок выглядывали рукояти тех самых антеласов и длинных кинжалов, четвертый, единственный лысый, держал на сгибе локтя топор с обухом в форме четырехгранного заостренного зуба, будто маленького ребенка укачивал. Судя по их усмешкам, худого ведьмака они противником не считали.

У всех были знакомые застёжки в виде раков-отшельников.

— Вот тебе ничего нельзя доверить, Серлас, — отчитал тальмана носатый мужчина, — Вот как так можно, раскрыть наше приближение, раньше нужного срока, — голос его был быстрым, принадлежал человеку, привыкшему отдавать приказы и распоряжения.

Тальман резво подскочил на ноги, даже не думая отряхивать штаны от грязи.

— *Раблэ* Дафф, я ничего не делал подобного, клянусь Синекудрым Бэйнором! — взмолился Серлас, от страха стуча зубами, — Что б мне провалиться на Ту Сторону, если я вас обманываю. Я никогда не посмел бы...

Ведьмак не слушал причитания и мольбы тальмана, с интересом изучая того, кто

является негласным правителем портовой части города. Удивительно, как все же внешность обманчива. Вот если посмотреть на него самого, на Сарета, или хотя бы на тех здоровяков, что с ухмылочками глазели на ведьмака, то сразу понимаешь, что они головорезы и бандиты, а вот Борзый Дафф выглядел, как обычный ростовщик, или даже банковский клерк, который пришел забрать выданные в займы деньги.

— Ох, не упоминай в суете Изначальный Хаос, мой дорогой Серлас. И не переживай, — резко перебил его Дафф, — Я прощаю тебя. Кто ж знал, что наш друг из-за океана окажется таким пронизательным и внимательным к мелочам, — глаза Даффа холодно смерили ведьмака с головы до ног, — Но условия нашего договора ты выполнил, привел в нужное место. Можешь идти Серлас, а мы побеседуем с нашим гостем. И не забудь, о нашей встрече ни кому, понял?

— А мой долг в «Амбрехтской монете», раблэ Дафф? — осторожно уточнил портовый служащий.

— Ну вот, что ты за человек, Серлас?! — гневно зашипел главарь бандитов, — Ты думаешь я забыл, что ли?

Стоящий слева тип с топором не довольнo заворчал, и Серлас испуганно заскулил, заметив это.

— Я человек слова, все это знают. Долг прощен, — продолжил говорить главарь.

— Спасибо, раблэ Дафф, — залепетал тальман, — Спасибо большое. Вы добрейшей души...

— Но долг «Большого Сила» все еще на тебе, Серлас, ведь договор не выполнен полностью. А теперь проваливай! — скомандовал Дафф.

Тальман сначала было рванул в сторону главаря местной банды и его головорезов, но быстро одумался, развернулся к Сарету, но тоже остановился. Он боялся пройти мимо того, кого привел в ловушку, ведь тот могу зарубить его своим большим мечом. Абсолютно без эмоциональное лицо Сарета продолжало смотреть на пятерых его встречающих человек, те выжидающе глядели на него. Серлас, наоборот, озирался то на одного, то на других. Возникла заминка, только дождь все продолжал барабанить в полотно навеса.

Ведьмак сделал шаг в сторону и уступил Серласу дорогу. Учетчик рванул, вырвав из-под ног комья грязи, словно беговая лошадь гонца, и норовя сломать себе шею, поскользнувшись на мокрой земле, исчез в темноте домов улицы Ристерда.

— Значит, вот как выглядит убийца чудовищ, — разочаровано покачал головой Борзый Дафф, — Не похож. Думаю, что монстробой должен быть крупнее.

— Ты тоже не слишком смахиваешь на того, кто подмял под себя половину города, — ответил Сарет.

Вперед выступил здоровяк с топором, ловко перехватив оружие за рукоять.

— Я тебе сейчас всю твою образину в хлам разобью, — гортанно заявил он, — Если тон не сменишь, понял? — бычий лоб сморщился из-за гневных бугров. У него еще и правое ухо оказалось сломанным.

Ведьмак не стал отвечать. Он уже решил, что в случае драки, первым вырубит лысого. Бык, бывший у громил за главного, удовлетворенно хмыкнул, многозначительно посмотрев на товарищей. Те поддержали решение, что ведьмак спасовал перед лысым, довольным смешками.

— Тише, Рэнди! Ты же знаешь, что здесь я сейчас говорю! Твоя помощь понадобится, если наша беседа с мастером ведьмаком пойдет в тупик. Ясно? — напомнил громиле Дафф,

тоном не позволяющим спора и своего мнения, — Судя по вашему заявлению, мастер ведьмак, ты догадался, что я Даффин Файонн, но знаешь меня под именем Борзый Дафф. Вот твоё имя я запомнил, вернее даже не знал, — в голосе теперь не слышалось опаски.

— Что вам от меня надо? — бесстрастно ответил Сарет.

Головорезы недовольно заворчали, один схватился за кинжал. Дафф одним движением руки остановил заставил их успокоиться.

— Не воспитан, как и ожидалось, — больше сочувственно, чем укоризненно, покачал головой главарь местных бандитов.

И вдруг вся его вежливость слетела с него, как покрывало сорванное ураганом с бельевой веревки. Лицо банковского клерка исказилось гримасой злости, в гневе он сделал несколько шагов к ведьмаку. Четверо охранников повторили за ним, не отставая от своего главаря.

— Кто позволил тебе, мутант, влезть в мои дела?! — свирепо воскликнул Дафф, — Ты что думал, мы не догадаемся, какого хрена моим людям отшибло память? Ты думал они вернуться ко мне без трактира и при этом объяснить ничего не могут? Даже при виде собственных кишок.

Сарет продолжал молчать. А что он мог ответить? Он сам себе так и не разъяснил этот вопрос.

— Молчишь, лунчд. Мне пришлось бросить свои дела, чтобы разобраться. В моем случае время-это деньги. Мне не позволительно тратить его на пустяки. Задействовать людей, поднять резервы, и что я узнаю? Что в моего «Пескаря»...

— Не твоего, — внезапно подал голос ведьмак, перебив главаря портовых бандитов, чем не сказано удивил собравшихся. Он догадался, что резервы заключались в портовой страже.

— Ч-что? — не понял Борзый, и поискал ответа у своих сопровождающих.

— Уши мыть надо, если нет проблем со здоровьем, — грубо ответил ведьмак.

Дафф застыл, открывая и закрывая рот, как рыба выброшенная на берег. Рожи верзил приняли глупое выражение и если б не обстановка, ведьмак рассмеялся.

— Я говорю, что трактир «Хитрый пескарь» не твой, — пояснил ведьмак, незаметно осматриваясь. Огонь факела освещал лишь бандитов, потому что они стояли почти по центру под навесом, свет им требовался нужнее, чем Сарету и они не могли видеть куда смотрят его глаза, — Им владеют Рита и её брат по закону, а тебе думаю он не нужен. У тебя же много заведений, которые приносят прибыль. А с такой бедной забегаловки много не поимеешь. Поэтому нет смысла тратить своё, как ты там выразился, *время* на него.

Местность была выбрано не очень, скорее всего из-за отдаленности и отсутствия окон. Рита ещё сказала, что стража редко бывает в этом районе. Но места мало, его верзилам будет тесно, и это будет играть худому ведьмаку на руку.

— Похоже договориться нам не получится, да, мастер ведьмак?

— Как будто ты действительно хотел решить все миром. В таких случаях не берут с собой столько прихлебателей. Неплохо все спланировал, Дафф. Соблазнил убийцу чудовищ тварью, выманил в безлюдное место, подальше от законников и простых обывателей, а сейчас попытаешься меня прибить, не так ли? В случае удачи, оставишь все, как будто ведьмак не справился с монстром, а если нет, то...

— Другого варианта мы не рассматривали, мутант, — фыркнул Ренди, крепче стискивая топориче. Лысому все не терпелось пустить оружие в дело.

Даффин вновь уничтожающе бросил взгляд на подчиненного, но замечания делать в

этот раз не стал.

— Ошибаешься, ведьмак. Я человек сугубо деловой. Ребят я взял больше для безопасности. Ты ж слышал об Амбрехтском Потрошителе?

Н-да, уже именем монстр обзавелся, невесело подумал ведьмак.

— Просто предложу тебе не вмешиваться в наши с уважаемой Ритой Рэгнэйд дела, — продолжал вещать Дафф, — Ты же ищешь новую жизнь, как и все кто плывет в Эллиниар или из Эллиниара. Я дам тебе тестунов столько, сколько хватит купить себе лошадь и добраться, например, до Дэидхара. Там тоже чудовища есть, уверен на все сто.

Все-таки главарь портовых бандитов опасался ведьмака. Как ни старался спрятать это внешне и уверенным голосом. В отличии от своих головорезов, которым уже не терпелось пустить в ход кулаки. Похоже без драки им не обойтись. Хотя бы для демонстрации сил...

— Что скажешь? — он выжидающе смотрел на ведьмака.

— Покажи деньги, — не стал разочаровывать Даффа монстройбой.

— Ну, что я вам всегда говорил? — захохотал главарь, обернувшись к своим людям. Он отцепил новенький кошелек из красного бархата с ремня и бросил его Сарету. Тот одним движением поймал левой рукой, раскрыл его и увидел блестящие монетки с альбатросом и какими-то символами на одной стороне, скорее всего номиналом, профилем бородатого мужчины с короной на голове на другой. На взгляд их было около полтинника, должно быть неплохая сумма по местным меркам, — Эти ведьмаки деловые люди, как слышал я. А если он еще и Кот, то собственную мамашу, которую никогда не видел, продаст за приличную сумму.

Ведьмак сжал до боли кошелек в кулаке. Очень хотелось швырнуть его в рожу главаря бандитов, но деньги есть деньги.

— Там сто пятьдесят тестунов, если не разобрался, — пояснил Дафф, — Сумма, как я уже сказал приличная.

Борзый был прав. Можно сапоги новые купить и лошадь, еще и на перчатки хватит.

— Хорошо. Возможно в ваши дела лезть я не буду, но что делать с вашим Потрошителем? — ведьмак кошелек не убирал, а продолжал держать его в руке.

— Не понял? — переспросил Дафф, и самодовольная улыбка исчезла его губ.

— Что делать с чудовищем? Я не могу уехать, пока вопрос с тварью не будет решен. Это можете считать своеобразным Кодексом ведьмаков, — Сарет сочинял на ходу, — Пока мне не скажет глава города, что в моих услугах не нуждается, то я не могу уехать. А ты не ипат, Дафф.

Все пятеро опешили от произнесенных слов ведьмака. И больше всего их поразила наглость этого невозмутимо стоявшего на расстоянии всего пару шагов от считавшего себя самым опасным человеком Амбрехта мужчины. Он только что взял у них баснословную сумму денег и вроде бы как не отказался выполнить условия, но...

— Да он тебя кинул, Борзый, — первым опомнился Ренди, хватая топор за края рукояти, и бросился на ведьмака.

Его товарищи отстали от него на пару мгновений, пока их мозги успели осознать, что главный уже ввязался в драку. И этих мгновений ведьмаку хватило с лихвой.

Уличная драка — схватка без правил, так говорил наставник Сфинкс в Каэр Морхене еще совсем тщедушному Сарету и другим мальчишкам. Цель ее — причинить максимальный ущерб, подавить физически и морально. Если кто-то на тебя нападает, значит, он уверен в своем превосходстве, и именно эту уверенность надо выбить из противника.

Навес висел очень низко, Ренди пришлось пригнуться, а удар топором он нанес сбоку, а не сверху, как хотелось тому изначально. Но в замахах он вложил всю силу своих могучих рук, лезвие топора летело ровно в центр мерзкой рожи мутанта. Однако тот исчез с его пути, и громила почти провалился, лишь бархатный кошелек со ста пятьюдесятью тестунами смог его остановить, впечатавшись тому в мясистые губы и превращая их в кровавый цветок. Одновременно его левая нога оказалась выбита ударом другой ноги, а когда тот приземлился на мокрую землю, еще и врезали в пах.

Мощный крик вырвался из глотки лысого, ухватившегося руками за промежность, затем сменившись щенячьим скулением.

Монстробой возник рядом с оставшимися подручными, которые так и не поняли, что произошло и застыли, как истуканы. Оружие продолжало покоиться в их ножнах.

— Демон, — успел выдохнуть ближайший здоровяк, перед тем как Сарет основанием кулака, в котором до сих пор был зажат кошелек, зарядил ему в переносицу, раздробив приплюснутый нос. Он мигом схватился за него, пытаясь остановить кровотечение и о драке уже не думал. Ведьмак в мгновение развернулся ко второму, каблуком врезал в колено, удовлетворенно улыбнувшись, когда услышал хруст кости. Не дожидаясь, пока тот упадет на землю, Сарет уже бил третьего между ног, но этого ему показалось мало, он подставив свою ногу за левую головореза, основанием ладони добавил в подбородок. Хлесткий удар и подножка опрокинули громилу на кучу сломанных ящиков, подняв грохот, который разбудил бы пол улицы, если бы не дождь.

— Убью, суку, — сплевывая кровь из разбитого рта, зашевелился Ренди, — Порву, мразь.

— Лучше прикажи своему человеку успокоиться, — ожидавший нечто подобное, посоветовал Сарет главарю бандитов, скидывая с плеч плащ-накидку, — Я разобрался с твоими людьми, Дафф, без оружия. Представь, что я могу с мечом в руках.

Борзый с ужасом озирался по сторонам в поисках помощи или выхода, начал делать шаги назад. Он в жизни ничего не видел подобного и его разум отказывался понимать, как этот человек с разноцветными глазами, в два раза уступающий его головорезам в габаритах, смог за пару ударов сердца разобраться с ними.

Ренди уже не говорил ничего, с его рта срывалось рычание. Кровь стекала на грудь по подбородку, от воротника рубахи тянулось пятно бардового цвета. Дикие глаза лысого вонзались в тело ведьмака, рука, пару раз утонув в мелких лужах, нащупала топорище.

— Если я обнажу оружие, Дафф, то значит он умрет. Я очень этого не хочу, — в голосе Сарета прорезалась эмоция, больше похожая на мольбу, — Прикажи ему успокоиться! — почти выкрикнул Сарет.

— Ренди! Хватит! — наконец дошли до Борзого увещевания монстробоя, — Это приказ! Лысый встал на ноги, с трудом ища опоры на скользкой земле не послушными ногами. Его глаза видели только ведьмака, ни его стонущих товарищей, ни хозяина. Нет, только эту самодовольную рожу со шрамом на щеке.

— Убью, мразь, — прошептал, плюя кровью, Ренди, не слыша никого, — Убью. С последним словом громила бросился на Сарета.

Ведмак превратил все в одно плавное движение. Ладонь ухватила за эфес меча над правым плечом и потянула его. Ножны, закрепленные только сверху, из-за расслабленного заблаговременно подвижного ремня снизу, подались вслед за оружием, переходя почти в горизонтальное положение и позволяя клинку свободно оказаться в руке. Сталь ласково

шелестнула по железному ободку и блеснула голубым льдом в свете факела, когда монстробой просто шагнул в сторону от нападавшего Ренди, одновременно с замахом лысого нанеся удар острым лезвием.

Громила, выронив топор, крутанулся на месте вслед за ведьмаком, подобно неуклюжему танцору со вздернутыми к горлу руками. Кровь мощным толчком хлестнула из широкой и ровной раны на шее, вязкой кляксой попала на лицо Борзому, тот не удержался и его вырвало себе под ноги.

Тело лысого повалилось ничком, темно алая жидкость словно вино из опрокинутого кувшина растеклась вокруг головы Ренди. Края кровавой лужи почти достигали ног, сидевшего на разбитых ящика громилы, державшего у губ сложенные в молитвенном жесте ладони.

— О, Высшие! — доносилось до ушей Сарета, — Будьте милостивы к сыну вашему, Торину, просящему защиты дланей ваших. Вручаю душу и жизнь свою в волю Вашу. Помилуйте, Высшие, и от зла Той Стороны избавите. Низвергните мерзость и демона, что явился в наш мир из Изначального Хаоса...

Что он там еще лепетал, ведьмак перестал обращать внимания. Он оставался сух к религии своего дома, об эллиниарской вообще не слышал, кроме вечно упоминаемых Высших, Той Стороны и какого-то Хаоса.

Он осмотрелся вокруг, оценивая результат своей работы. Если не кривить душой, то ведьмак ожидал что-то трупов будет больше. Он крутанул мечом, смахивая кровь с лезвия, больше из-за привычки, чем из-за необходимости. Сидеритовое лезвие махакамской обработки было настолько гладким, что не задерживало на себе остатки человеческой жизни, и бил Сарет ровным концом клинка, а не волнообразной частью. Помог левой рукой, приподняв ножны кверху и вложил меч за спину, однако подтягивать ремень в походное положение не стал.

Рядом Борзый, наконец, перестал выблевывать остатки своего ужина.

— Что-то для главаря бандитов, ты слишком чувствителен, Дафф, — заметил Сарет подойдя к тому ближе.

Даффин, задрав голову кверху, с опаской посмотрел на возвышавшегося над ним ведьмака. Зрачки его желто-зеленых глаз были непривычно расширены, почти заполняли радужку темнотой, как у портовой черни, обожравшейся «крысиных глазок».

— И меня убьешь, — сумел выдавить из себя бандит, вытирая рукавом рвоту с губ и подбородка, но при этом размазывая кровь еще сильнее. Посмотрел на результат своих дел на одежде и его замутило еще сильнее.

— Ты заплатил мне, чтобы я не лез в твои дела, зачем мне убивать нанимателя? — рассмеялся Сарет, протягивая ему руку, чтобы помочь подняться.

Дафф отмахнулся от предложенной помощи:

— Ага, не будет он вмешиваться в мои дела. Избил моих людей, а одного и зарезал.

— Да брось, Борзый. Ты ж прекрасно понимаешь, что это была лишь демонстрация сил. Ты показал свои, я показал свою. Теперь мы немного знаем друг о друге. И... — ведьмак прислушался к шуму ливня, — как и договаривались, я не буду лезть в твои дела с «Пескарем», ведь тебе теперь не интересен трактир, не так ли?

Выражение изумления на лице Даффа сменило испуг, до этого царивший в его глазах, он хотел ответить, но Сарет перебил его:

— У тебя есть еще пару козырей для меня? — звуки топота бегущих ног, обутих в

тяжелые, подкованные железными набойками, сапоги, бряцанье ножен и скрип кирас об кожу одежды настойчиво пробивался сквозь звуки дождливой ночи.

— О чем ты? — Дафф непонимающе глянул на Сарета, приближающихся людей он не слышал.

Из-за угла дома, с той стороны, с которой пришел ведьмак появились семеро вооруженных стражников портового контроля, освещавших себе путь масляными фонарями. Они выскочили и тут же застыли у самого края навеса, когда перед ними открылась кровавая картина в проулке. Кто-то видать все-таки расслышал уличную драку и позвал стражу.

Медальон противно завибрировал, отчего Сарет мрачно скривился. Вот ж невезуха, так невезуха.

— Всем оставаться на месте! — скомандовал очень знакомый женский голос, — Что здесь происходит?

Старшина второй статьи Калвах вышла на свет, поднимая фонарь вверх, чтобы рассмотреть местность.

— А ведьмак, — расплылась в очень мерзкой улыбке стражница, — Так и думала, что без тебя здесь не обойтись. А это кто?

Меррон брезгливо обошла тело Ренди, приблизившись к главарю бандитов и изумленно сдвинула шлем на затылок:

— Темноликий Анрэйг, да это ж Борзый Дафф, — и презрительно перевела взгляд сощуренных глаз на ведьмака, — Это на него тебя наняли, Кот? За мелочевку работаешь. Еще и так грязно. Теперь от меня не отвертишься.

Сарет сочувственно покачал головой. Второй раз за ночь встречает идиотку, может стоит поверить в богов? Кто-то же насылает их в его жизнь.

— Ответить нечего, да? Так и думала, — Меррон обернулась к своим, — Всех арестовать, разоружить и в участок. Для допроса, — она сделала шаг и наступила в лужу крови, — Сука! И вызовите трупоносов, пусть тело тоже к нам на ледник отнесут. Нас ждет бессонная ночь, — она обтерла подошву об землю.

Стражники быстро обступили местность, принялись крутить головоуловителей и вязать им руки веревками. Делали они это быстро и сноровисто. Им не нравилась работать ночью, когда где-то может рыскать тварь. Борзого Даффа бесцеремонно подняли на ноги, тот попытался брыкнуть.

— Вы что не знаете с кем связались?

Удар под дых выбил воздух из легких, затем ему завели руки за спину и стянули крепкой веревкой так, что тот взвизгнул от боли.

— Тебя это тоже касается, Кот.

Двое стражников встали напротив Сарета, один тискал в руках веревку, второй в одной руке держал дубинку, другой-рукоять палаша. Судя по их позеленевшим рожам, они с первого взгляда поняли, кто убил лысого Ренди и избил его парней.

За их спиной с самодовольной ухмылкой виднелась Меррон, с которой ведьмак не сводил глаз, размышляя стоит ли подчиниться ей или послать по матери куда подальше. Та, ехидно ухмыляясь, засунула руку за пазуху кирасы с чеканкой двух силуэтов взлетающих чаек со стороны сердца и достала небольшой кулек.

— Давай, лунчд, — она отправила маленький орешек в блестящих кристалликах сахара в рот и разжевала его крепкими зубами, — Дай мне только повод.

Сарет сплюнул на землю, выразив свое мнение о Меррон, и взглядом остановил

дёрнувшегося было стража, пожелавшего наказать его за подобную дерзость. Он коснулся рукой основной пряжки, чтобы расстегнуть основной ремень ножен, как в проулке раздался еще один голос.

Звучный, властный и напряженный.

— Старшина второй статьи Калвах, докладывайте, почему вы сняли портовый патруль с обхода и согнали всех в другом конце города?

Все уверенность слетела с лица стражницы, глаза ненавидяще скользнули по замершему с рукой у ремня ведьмаку, и она так резко, на каблуке одного сапога и носке другого, по строевому, обернулась к пробившемуся через строй городских мужчине, что забыла о кульке сладостей в своей руке.

Алькальд Карбрей Бойд, а Сарет догадался, что это именно он, был ростом выше среднего и имел крепкое тело для пятидесятилетнего мужчины и выправку военного. Это чувствовалось в каждом его движении, Сарет имел знакомство с подобными офицерами, которые всю свою жизнь отдали службе своей стране. И до сих пор отдают.

Алькальд был одет в идеально подогнанную форму портового контроля в виде клепаной куртки, штанов с уплотнением на коленях, солдатских подкованных сапогах, начищенного нагрудника и наплечников. На плече висела кожаная командирская сумка, закрывая собой абордажный палаш. Однако шлема он при себе не имел, как и плаща, подставляя еще черные слегка вьющиеся волосы дождю. Короткая бородка обрамляла подбородок овального лица с чертами решительного мужчины, цепкие зеленые глаза с подозрением оглядывали каждого присутствующего.

— Раблэ алькальд, поступила жалоба от местного жителя, что возле его дома творится беспорядок, — принялась докладывать Меррон, старательно контролируя свой голос, — Он думал, что это чудовище и рискнул добраться до участка, откуда Имон отправил посыльного в порт. Тот нашел только нас, вот мы и сорвались. А посыльного отправила искать вас.

Бойд вошел под навес, облегченно вздохнув, остановился возле мертвого Ренди, присел возле него на корточки и попробовал повернуть его голову, чтобы осмотреть рану. От этого действия из разрубленного горла хлестанула кровь, от чего тот брезгливо вскочил. Затем изумлённо уставился на ведьмака, так и не убравшего руку от ремня, пересекавшего грудь.

— Мы прибыли сюда, где и обнаружили Даффина Файонна, также известного, как Борзый Дафф и четверых его подельников, правда один труп. Рэнди Бычара, если я не ошибаюсь.

Ведмак не удержался и хмыкнул, чем вызвал недоуменный взгляд алькальда. Кто ж знал, что Сарет так метко попадет с прозвищем лысого громилы.

— А это кто? — спросил Бойд, кивнув головой в сторону монстробоя, с интересом оглядев его потрепанную одежду.

— Подозреваемый, и я уверена, что еще и зачинщик, — теперь Меррон говорила уверенней, поняв, что алькальд не собирается ее распинать за оставленный пост, — Некий Сарет из Нэварланда, ведьмак.

— Я из Крейдена, — поправил ее убийца чудовищ.

— Молчать, пока не разрешили говорить, — посмел толкнуть в плечо дубинкой один из стражников.

Алькальд неодобрительно цыкнул инициативному городскому и вновь обратился к Меррон:

— Почему решила, что он убийца?

— Потому что нэварландец из тех психов, что носят голову кота на шее. А удар Бычаре нанесли мечом. Сомневаюсь, что его убили его же товарищи, — уж больно молодцевато докладывала стражница.

Вдруг очнулся Борзый, увидев в словах старшины второй статьи возможный выход:

— Да, да, уважаемый раблэ Бойд, — захопотал главарь портовой банды, — Мы мимо проходили, а лунчд напал на нас.

Стоявший рядом стражник грубо дернул Даффина, чтобы тот умолк.

— Ведьмак, значит, — задумчиво произнес он, — Медальон покажи, — скомандовал он, подойдя к Сарету ближе, чтобы хорошо видеть в свете факела.

— Раблэ Бойд, — попыталась остановить алькальда Меррон, сделав шаг вперед.

Карбрей остановил ее взмахом руки.

— Только медленно, ведьмак, — настойчиво посоветовал алькальд.

Сарет исполнил требования, подняв на цепочке вверх Знак Цеха.

— Хм-м, действительно Кот, — озадаченно подтвердил алькальд, — Ведьмак...

— Считаю, что мои подозрения подтвердятся после того, как я с ним поболтаю в допросной, — вставила свое слово Калвах.

Новое дрожание медальона заставило ведьмака подобраться, быстро спрятав медальон за пазуху. Он под недоумевающими взглядами стражников, вышел из-под навеса, поднял голову к крышам одноэтажных домов, не обращая внимания на льющий дождь прямо в лицо, вслушиваясь и всматриваясь в темноту.

— Эй, ты ничего не перепутал, лунчд, — выкрикнула Калвах.

— Да помолчи ты! — огрызнулся Сарет, заставив Меррон заткнуться с открытым ртом, — Мы не одни.

Алькальд очень хотел задать множество вопросов, это было видно по его лицу, но благоразумно предпочел промолчать. Лишь знаком дав команду своим людям приготовиться к бою. Те ощерились клинками, как еж иголками, затолкав связанных бандитов в центр. Даже Меррон выполнила приказ, запихнув в рот полную пригоршню орехов и затем спрятав кулек за нагрудник.

— Эй, что происходит?! — заверещал Борзый Дафф, испуганно стуча зубами.

Его люди тоже начали волноваться, только один понял в чем дело и принялся молиться еще сильнее.

— Заткните им пасти, — скомандовал алькальд, двумя руками держась за рукоять палаша и не сводя глаз с ведьмака.

Все еще недоверчиво следя за монстробоем, Меррон встала рядом с своим капитаном, прикрывая его тыл, о других стражниках она и думать забыла.

Они не слышали *его*, а вот Сарет — да. *Того, кто* двигался по верху домов. Перемещался очень быстро и ловко, кружа вокруг них, словно хищник, вокруг своей добычи. Его не останавливали расстояния между домов, Сарет прекрасно чувствовал, как тот перепрыгивает через провалы и мягко приземляется, так что даже редкая черепица не хрустит.

Меч, переливаясь острым блеском, вновь привычно оказался в его ладони, крутанулся в кисти. Курва мать, воскликнул в сердцах ведьмак, надеюсь стальной будет действенен.

Послышался протяжный свист, похожий на тонкий волчий вой, откуда то сверху и сзади, теперь его слышали все, повернувшись на звук. Тот же свист раздался слева, и вновь Сарет и городовые устремили взгляды в том направлении. Затем спереди...и вновь сзади...

— Сука, да оно играет с нами, — прошептал Бойд, и ведьмак был согласен с ним.

Свист исчез, напряжение росло, чуткий слух ведьмака был готов уловить любой посторонний шорох, он даже слышал, как руки стражников сжимают эфесы палашей сквозь дождь.

Но он прозевал нападение.

Не было ни глухого рычания, предшествующего броску, как это любят делать абсолютно все оборотни. Ни яростного визга бруксы или хотя бы того свиста.

Тварь напала молча. Просто появилась из темноты проулка, а не спрыгнула сверху, как ожидал ведьмак. Высокий худощавый силуэт с горящими белым огнем глазами возник прямо за спинами стражников, чье внимание было поглощено крышами. Шум дождя приглушили возгласы боли и землю вновь окрасило красным.

Двое городских упали лицами на землю, их кирасы были разорваны со спины, словно бумажные. Кровавые дыры распахнули свои пасти костями ребер, и ведьмак не мог понять чего не хватает всего мгновение. Им вырвали позвоночники.

Стражниками и бандитами овладел ужас, после того, как два городских пали мертвыми. Но если первые перед тем, как напрудить в штаны, еще пытались сопротивляться, вторые отчаянно пытались убежать. Они ничего не видели перед собой и создавали преграды оставшимся городским. В проулке и так было тесно, а пятерым портовым служакам вместе с четверью уцелевшими бандитами и подавно. То и дело, кто-то наталкивался на друг на друга и на чудовище, серой тенью мелькавшей между ними.

Тварь взмахнула рукой, вновь брызнула кровь, и молившийся громила повалился на землю, зажимая то место, где у него раньше были рот и нос. Как-будто ей тоже надоело его бормотание. Какой-то стражник попытался достать тварь палашем, ударив клинком сверху. Монстр ловко поймал занесённую руку, вонзил свою лапу тому в живот, прямо под нагрудник, будто знал, что там не защищено, и одним движением вырвал длинный кишечник. Больше монстра истекающий кровью городской не интересовал.

В какой-то момент этой пляски смерти Потрошитель застыл прямо напротив Сарета в пяти шагах от него, и он мог поклясться своими мечами, что он с интересом изучает его также, как сам монстробой рассматривал его. Вокруг будто все замерло, ушли куда-то в сторону стонущие стражники и бандиты, исчез намочивший штаны Дафф, не было оружия что-то ему алькальда Бойда и оцепеневшей Меррон. Только он и ведьмак, наконец рассмотревший широкую безгубую пасть с острыми треугольными зубами, размером с добрый рыбацкий ножик, под молочно-белыми глазами и плоским носом, светло серую короткую шерсть, покрывающую такое худое тело с выпирающими костями, неестественно вытянутые руки с длинными пальцами и крючковатыми орлиными когтями, по-собачьи загнутые назад ноги, но с почти человеческими ступнями, перед тем как они бросились друг на друга.

Меч завертелся «мельницей» в руках как будто танцующего ведьмака. Все его движения были краткими и резкими, поскольку в проулке было очень тесно и на размашистые и плавные удары места не было. Сарет не останавливался на одном взмахе и сразу же бил другим, каждый раз клинок проносился совсем рядом. И Сарет не мог понять, то ли чудовище реально везет и оно уклоняется в последний момент или оно реально издевается над ним. Он присев под взмахом когтистой лапы, ухватился за обломки ящика, что валялся у стены и швырнул в монстра. Потрошитель разбил его в щепки еще налету, но Сарет успел этим воспользоваться и бил косым ударом тому в горло, но снова промахнулся, однако к этому он оказался готов, и изменив направление клинка, попытался рубануть наотмашь. В

это раз ему повезло, острое прошло по голой костлявой груди, разрезав кожу, но при этом клинок звякнул, словно встретил такой же меч. Чудовище обижено взвизгнуло из-за небольшой струйки вполне человеческой красной крови появившейся из ровного пореза, но не причинив заметного ущерба, а только очень обозлив чудовище. Когтистая лапа успела ухватить похмуравшего ведьмака за шею и по дуге швырнуло Сарета в противоположную стену.

Тело ведьмака жестко вдарилось в бревно, из которого был построен дом, и с грохотом упало в мусор, в котором совсем не давно лежал громила Даффа. Меч где-то рядом дал о себе знать звоном стали о какую-то склянку, но где Сарет не видел из-за потемнения от удара головой об бревно. Чудовище злорадно засвистело подбираясь к нему рядом, словно растягивало удовольствие. Совершенно точно на ее личине, он разобрал выражение торжества. Ведьмак выбрался из-под обломков и используя, стену, как опору смог встать на ноги, левой рукой щупая кинжал за спиной.

Отвлечет им внимание, и попробует использовать свой козырь, припрятанный в рукаве. Не первый раз он оказывался по началу бессилен против какой-либо твари, но живой же ведь до сих пор.

— Эй, блядина, про нас не забыл! — возглас алькальда отвлек монстра.

Бойд не нашел ничего нужного под рукой, кроме своей командирской сумки и швырнул ее прямо в голову твари. Та не ожидала подобной дерзости, получив ею в точно в то место, где у твари располагалось заостренное поэльфыи ухо, и обиженно зарычала.

Рядом с Карбреем застыла Меррон, которая даже палаш свой не обнажила со странным выражением на лице. Удивление с чем то еще, у Сарета не было времени разбираться, он воспользовался замешательством чудовища.

Сарет ударил тем, что всегда действовало против почти всех наземных существ, на которых охотились ведьмаки. Знак Игни, сложенный пальцами левой руки, вспыхнул оранжевым цветком и ноздри защекотал запах паленой собачьей шерсти и жареного мяса, а по ушам резанул дикий крик боли, который мог принадлежать только человеку. Ведьмак не особо церемонился и вложил в огненную волну почти всю свою силу, что сам моргнул от яркого света, чувствуя что у него даже брови подпалило.

Ведьмачьи Знаки всегда действовали не долго, но этого хватило чтобы Потрошитель убежал. Просто отступил назад, закрывая морду обгоревшими руками, а потом цепляясь своими кривыми когтями взобрался по стене дома и, постанывая, скрылся где-то в темноте.

Дождь продолжал лить, но не мог пробиться через навес, чтобы смыть человеческую кровь, пролитую этой ночью. Ведьмак устало прислонился спиной к стене и сполз по ней на землю, поморщившись от боли, постреливающей во всем теле после того, как его, как тряпку шмякнули об стену.

Курва, точно уже старым стал, горько подумал Сарет.

Городовые понемногу приходили в себя, помогали своим товарищам, которые еще могли, подняться. Перед лицом Сарета появилось навершие его меча. Он поднял глаза и нисколько не удивился, увидев Карбрея, подающего ему его меч рукоятью вперед.

— Нам нужно переговорить, мастер ведьмак, — в голосе алькальда звучало уважение.

Бойд выглядел ужасно- бледный, наверное белее самого Сарета, но держался он хорошо, для человека который впервые увидел так близко чудовище, держащие в страхе Амбрехт и потерявшего разом за одно мгновение четверых подчинённых людей, не считая двоих головорезов Даффа. Даже по первой порывался броситься вдогонку за Потрошителем, но только запрет ведьмака, а затем и здравый смысл, отговорили его от этой затеи. Прежде всего требовалось позаботиться о раненых и погибших, а тварь стала недосыгаемой уже в тот момент, когда взобралась на крышу дома. На вопрос про возможное новое нападение монстра, ведьмак ответил, что вряд ли. Он сейчас зализывает раны где-нибудь в своем логове, но патрули все же снимать не стоило. Им же сейчас следует воспользоваться передышкой и продумать план по поимке твари.

Алькальд оправил одного из уцелевших стражников за лекарем, благо такой проживал на улице Ристерда, а другого в Дом Молитвы Высшим, чтобы служители Темноликого Анрэйга могли забрать тела и позаботиться о павших и подготовить их к похоронам. Этот Анрэйг был у эллиниарцев верховным богом царства мертвых, как уже догадался Сарет.

Пока Бойд был занят, ведьмак, осмотрел место схватки с тварью, уделив особое внимание отверстиям в деревянных стенах, куда втыкались когти-крючья Потрошителя. Они были приспособлены не только для того, чтобы разрывать плоть, Сарет бился об заклад, что на месте убийств проституток найдет такие же отметины на стенах. Чудовище предпочитало нападать сверху или со спины, что не отличало его от других, инстинкт зверя как никак. Потом он присел возле тела стражника, которому вырвали кишки. Клепаная куртка не смогла сопротивляться остроте когтей чудовища, все же Сарету повезло, что она не порвала его на месте. Очень похоже на разведку боем. У четвертого стражника Потрошитель одним ударом порвал железо шлема, но перед этим полоснула по глазам. Действительно, тварь атаковала сознательно, в этот раз она дезориентировала противника. Ведьмак, под взглядом одного из городских, ткнул указательный палец в рану убитого, растер кровь большим и понюхал, от чего стоявший стражник витиевато выматерился. Запах гнили или трупного яда отсутствовал, а значит это не был падальщик и его теория начала подтверждаться еще больше. Невольно поморщившись от того, что спина стрельнула болью, Сарет поднялся и наткнулся взглядом с застывшими напротив него ошарашенными Бойдом и Калвах. Ведьмак не стал ничего объяснять и пошел искать свой плащ, очень скоро придется снова выходить под дождь.

— Меррон, остаешься за старшего. Как закончите здесь, жду вас на участке. И приведите с собой Кигана, — отдал крайние указания Карбрей, — Пошли, ведьмак. Нам нужно обсудить ваш контракт.

— Что делать с Даффом? — уточнила Калвах, указав пальцем в обоссавшегося Борзого.

— В камеру. С ним после разберемся, — отмахнулся Бойд.

Он вместе с ведьмаком отправились обратно на участок, в его рабочий кабинет, расположенный на втором этаже куда как раз таки вела та лестница в передней за спиной регистратора Имона. Писарь надо заметить хоть и с удивлением проводил их обоих взглядом, от вопросов воздержался.

Именно в кабинете Бойд дал волю чувствам и его вырвало в ведро, которое стояло возле окна и использовалось не для мытья полов. Хотя те здесь похоже не мылись уже давно.

Пахло в кабинете гарью, грязной обувью, нестиранными портянками и потом, а теперь к этим запахам добавился еще и тошнотворная вонь содержимого желудка Карбрея.

— Твою ж мать, — между приступами смог произнести алькальд, стоя на коленях, — Я, блядь, почти двадцать лет ходил под парусом и не один раз участвовал в корабельных сражениях, — его вновь вырвало, но поток съеденной жратвы за ужином иссяк и теперь он отплевывался желчью, — Но, сука, эта тварь вырвала моему парню кишку не напрягаясь.

Сарет стоял возле небольшой карты Амбрехта, начерченной на пергаменте и прибитой гвоздями к стене над небольшим столиком, на котором стояли графин с водой и два стакана на подносе. Блюющего Бойда он слушал вполуха изучая город, напоминающий растянутую подкову, вогнутой частью обращенную к Акульей Пасти. Там где была портовая часть, кто-то, а скорее всего сам Бойд, начертили четыре красных крестика. Места нападения Потрошителя, догадался ведьмак.

Карбрей закончил опорожнять свой желудок, несколько раз сморкнулся, поочередно зажав каждую ноздрю, избавляясь от чего-то зеленого, и вытерев рукой влажный рот, распахнул окно. Свежий и влажный воздух порывом ветра ворвался в кабинет, колыхнув листы бумаг, лежавшие на письменном столе. Сразу вздохнулось легче.

Не долго думая, а может и привычно алькальд вылил содержимое наружу и поскорее закрыл окно, чтобы меньше капель дождя попало внутрь помещения.

— Что? — спросил Бойд, заметив насмешливый взгляд Сарета, и поставил ведро на место.

— Да, так ничего, — отмахнулся ведьмак, скинув ножны с мечом, и прислонил их к стене, рядом с жесткой кушеткой. И тут же расположился на ней между подушкой и скомканным одеялом, брезгливо сдвинув их к краям. С удовольствием вытянул промокшие ноги в сапогах вперед. Хорошо что болезни чужды ведьмакам, а то кровохарканье точно не миновать. Еще его грели те самые сто пятьдесят тестунов, что достались ему от Даффа, возможно завтра купит себе новые сапоги и перчатки.

— В последнее время я все чаще живу в кабинете, — заметил действия Сарета алькальд, — Как появилась эта тварь. Четыре недели уже, забыл когда мылся нормально или вообще жил.

Сарет не ответил, все же одобрительно отметил для себя, что на людях алькальд выглядел безукоризненно, чем должен был вселять уверенность местным, что все под контролем. А то как и где живет капитан стражи, это уже сугубо его личные проблемы.

Алькальд сбросил прямо на пол нагрудник, расстегнул промокшую крутку и разжёл жаровню, что стояла у его стола. Не быстро, но кабинет начал наполняться теплом. Палаш швырнул вместе с кожаной амуницией прямо на свой рабочий стол, поверх бумаг и каких-то гравюр с изображением нескладных фигур и пояснений к ним, должно быть копии со страниц местного *монструма*.

Бойд из секретера в столе под настенной картой вытащил две железные кружки и початую бутылку с прозрачной жидкостью.

— Извини, но вина нет. Водку будешь? — предложил Карбрей, — Лично я выпью.

— Наливай, — кивнул Сарет и принял с благодарностью кружку.

Водки он хотел выпить с того времени, как вышел первый раз из участка, а сейчас, когда он пробыл под дождем пол ночи, уж точно лишним не будет. Да, как он уже думал, болезни его не возьмут, но продрог то он по-человечески. Жаровня грела снаружи, а алкоголь прогреет изнутри.

— За павших товарищей, — алькальд сделал глоток, выпив почти половину, быстро занюхнул рукавом куртки и шумно выдохнул, — Высшие, а мне еще завтра их родным сообщать об их смерти.

Ведьмак последовал его примеру и после того, как горький напиток обжог горло, с удовольствием ощутил, распространяющиеся тепло по организму. Даже тело стало болеть меньше что ли, но это он больше отнес к особенностям своего ведьмачества.

Посмотрев на кружку, и пожалев что нет ничего съестного, Сарет допил остатки еще одним большим глотком, довольно крикнув.

— А теперь, мастер ведьмак, давай ка перейдем к делу, — Карбрей вновь наполнил кружку монстробою, — Что это была за тварь, Изначальный побери?! — Бойд сел на стул за своим столом, поставив бутылку на его поверхность.

— Как бы ответить, милсдарь алькальд, чтобы не обидеть никого, — Сарет пожал плечами, — Если честно, то я без понятия.

Алькальд чуть свою кружку не выронил, дернувшись от произнесённого ведьмаком ответа. Однако чутка жидкости расплескал на лежавшие на столе бумаги.

— А, сука! — Бойд отставил кружку подальше от документов, схватил лист пергамента и стряхнул с него капли водки, — Как это не знаешь, что за тварь? Ты же ведьмак.

— Ну то, что я ведьмак, это не означает, что я должен знать все на свете. Тварей столько бродит по свету, что ни один бестиарий не способен учесть. Вы ж, наверняка сами пытались выяснить, — он кивнул головой на гравюры, — И как я догадался безуспешно.

— Я обычный капитан стражи портового контроля, а не бертхардский храмовник. Я ловлю преступников и защищаю граждан Амбрехта от обычных неприятностей, — Бойд говорил спокойно, но громко, видимо едва сдерживаясь чтобы не сорваться.

— Хорошо, раблэ алькальд...

— Просто Карбрей, — перебил ведьмака Бойд.

— Тогда взаимно, — согласился с ним Сарет и продолжил, — Хорошо, Карбрей, расскажи мне, что вам удалось разузнать, а я поделюсь своими соображениями. И еще мне надо будет осмотреть те четыре трупа. Я надеюсь вы их не сожгли.

— Я распорядился, чтобы тела оставили до прибытия адепта Ордена, а жрец высших заверил меня, что освятил трупы и они не поднимутся.

— Отлично. Но это после, — Сарет вновь ощутил то чувство предвкушения охоты, эйфорией охватывающей все тело. Уже хотелось рвануть в порт, и отыскать след Потрошителя, в том что он выйдет на него, ведьмак ни йоту не сомневался, — Рассказывай, — он выдохнул и глотнул водки, только в этот раз меньше чем в первый. Водка была крепкой и мощно била по голове, не хватало еще захмелеть на голодный желудок.

— Да, что рассказывать... Все убийства происходили в портовой части города, как ты догадался самой большей части Амбрехта. Месяц назад при обычном патрулировании порта, примерно в час жаворонка мои люди обнаружили тело первой проститутки. Ее товарки опознали, как Полунна Мэрик, — Бойд полез рыскать в куче бумаги и достал небольшую папку из деревянных дощечек, сшитую по краю шнуром. Не обращая внимания на другие бумаги и палаш, разложил ее и принялся рассматривать листы, — Осмотр места убийства к результату не привел. Поначалу мы думали, что у кого-то из торговцев случайно сбежал один из хищных зверей. Их часто возят на продажу в зверинцы дворян. Проверили все накладные на ввоз, но ни в этот день, ни в дни до этого, в Амбрехт не заходило ни одно судно с подобными зверями. Я даже отправил Кигана и Калвах с их десятками перешерстить

корабли, может какая контрабанда.

При упоминании Меррон, Сарет сомнительно скривился, и это заметил Бойд:

— Знаю, что ты подумал, ведьмак, потому что успел с ней познакомиться. Но она отличный страж, излишне подозрительна, но работу свою делает исправно.

— Я так понял, что ничего не нашли, — сказал монстробой, проигнорировав слова Бойда, покручивая кружку с водкой в ладонях. От жаровни стало в кабинете приятно тепло и не хотелось уже выходить под дождь.

— Ага, — Карбрей допил свою порцию, но доливать алкоголь пока не стал, — Убийств на этой неделе больше не было. Я и бургомистр даже помолились Высшим, мож действительно, какой волк случайно забрел в город. У нас и стен, то нет таковых. Но на следующей неделе в западной части порта находят тело Темной Изэль. Ее так прозвали из-за цвета кожи, она приехала из Татцельвурма, расположенного на юге Эллиниара. Какая-то сбежавшая рабыня что ли, а не важно, — отмахнулся листами Карбрей, будто сам себя поправлял, — Ее, как Полли тоже изрядно потрепали.

— Тогда и вы поняли, что в городе появилось чудовище?

— Ага, сейчас, — Карбрей встал из-за стола и подошел к окну и ведьмак очень надеялся, что тот его открывать не будет, — Бургомистр отказывался верить в это, не хотел объявлять комендантский час и посылать посыльного в отделение Ордена.

— А во что верил он?

— Что Изэль алкоголичка. Сама нажралась сивухи и сдохла от перетоксикоза, а собаки ее сожрали. Мы даже первой дни псов отлавливали. Особенно отожравшихся.

— И много? — не удержался от вопроса Сарет.

— Что много? — не понимающе глянул на него алькальд.

— Много отожравшихся собак поймали?

— Ни одной. Не было в порту толстых псин. Только коты.

— А ну эти, то да. Этим проще жрачку найти.

— Это что сарказм был? — Карбрей угрожающе повернулся к Сарету.

— Нет, конечно, — ведьмак попытался даже улыбнуться примирительно, но судя по физиономии алькальда, это вновь у него не получилось.

Карбрей отмахнулся от него, снова выглянул в окно.

— Тварь, вновь, спустя неделю нашла свою жертву, Лизу Бревно, но распотрошить ее до конца не успела. Ее спугнул наш патруль, проходящий мимо. После сегодняшнего пережитого, я благодарю Высших, что они уберегли их от расправы. Не знаю почему, но тварь убежала, а ведь могла порвать всю четверку. Но в эту ночь Потрошитель без добычи не остался. Убил некую Катрину Эдан буквально через полчаса, как его спугнули, но уже в другом краю порта. Наш бургомистр наконец поверил в чудовище и отрядился лично вызвать храмовника, — в отражении стекла, Сарет заметил, что алькальд с отвращением поморщился, — Сомневаюсь, правда, что он вернется быстро, а я смог объявить комендантский час, только ночную жизнь портового города даже ночью не остановишь. Пока это были крайние жертвы Потрошителя, так его впервые прозвали мои люди, а потом и все горожане. Все тела истерзаны, обглодано мясо на руках и ногах, съедены печень, сердце, почки. Прямо гурман какой-то. И никаких, мать его, следов. Никаких, кроме, описания серой долговязой тени

— И все проститутки работали одиночками? Не возле борделей?

— Ты их при жизни не видел, Сарет. Их не один дом утех не взял бы под свою крышу.

Все побитые не только жизнью, но и клиентами. Одна бывшая батрачка, другая алкашка, пропила и семью и халупу, третья давала за дозу «крысиных глазок», четвертая болела Свиной заразой, — заметил непонимающий взгляд ведьмака, — Болезнь проституток и тех, кто ее подхватил, после того, как трахнутя с зараженным. Мерзкая хрень, тебе лучше не видеть этого.

— Лечится?

— Если ты дворянин, и у тебя много денег, то маги могут постараться, а лекари лишь отсрочить или замедлить болезнь.

— Ясно, — ведьмак не мог не радоваться, что болезни его и собратьев вообще не берут.

— Ну так, я тебе все рассказал, Сарет. Есть какие мысли что это за тварь и как его убить?

— Есть, — кивнул головой ведьмак, и Карбррей облегченно вздохнул и, вернувшись за стол, плеснул водки в кружку, вопросительно посмотрел на него, — Нет, спасибо, у меня есть. Только не радуйся так рано. Я пока не могу определить что именно за тварь мне попала, но одно могу сказать точно, что это *проклятый*.

— В смысле оборотень? — недоверчиво прищурился алькальд, — Но ведь на небе нет полной луны, да и не похож он волкодлака.

Сарет хмуро ухмыльнулся. Еще один пытается увидеть ночное светило сквозь такие черные тучи.

— Оборотень не всегда волкодлак, но вижу все таки кое какие умные буквы там все же есть, — Сарет вновь указал кружкой на гравюры, — В каком то смысле все же ты прав. Ведь кто такие по сути оборотни? Люди оборачивающиеся в животное, но сохраняющие человеческую личность, — задумался на мгновение и добавил, — Не всегда правда. Мы имеем дело с проклятым, который превращается в некое звероподобное существо. Как становятся таким, думаю объяснять не надо.

— Кто-то наложил проклятье, — с северным трепетом прошептал Карбррей, но Сарет его услышал.

— Изначально да. На первого в роду наложили заклятие, которое он не смог снять, а вот потом все могло передаваться по наследству. Может наш друг уже давно проклят, и удачно скрывался. У таких ведь тоже могут детишки. У меня один покойный друг, тоже ведьмак, знал целую семью ликантропов.

— И их не убил? — у Бойда расширились глаза от изумления, став размером с новиградскую крону, — Вы ж убийцы чудовищ.

— Ну он был несколько других моральных взглядов.

— А ты, Сарет? Какие у тебя взгляды?

— Чудовище всегда остается чудовищем, — безразлично пожал плечами монстройбой, повторив слова Риты, но что-то часто стали звучать подобные фразочки.

— Хорошо. Но почему ты решил, что Потрошитель именно проклятый.

— Поверишь в ведьмачье чутье? Нет? Странно, никто не верит. Пока отдавал распоряжения, я осмотрел тела твоих стражников. Гнили в ранах убитых нет, как и трупного яда. Значит это не падальщик, да и те в основном на кладбищах или в склепах обитают. Точно не по среди города расхаживают. Почему, еще, например, не василиск или призрак, думаю сам догадаешься, — все же алкоголь вместе с пустым желудком дали о себе знать. Сарет не смог не съязвить, — Короче поверь мне. Монстр проклятый человек, превращающийся в чудовище. И я думаю, что ваш Потрошитель пришел за мной.

— Вот это заявление, ведьмак! Ты всего день здесь, а уже считаешь себя настолько известной личностью, — Бойд не сдержался и громко засмеялся, водка на него тоже подействовала. Смеялся он еще пару минут, но встретившись с серьезным взглядом ведьмака замолчал, — Хорошо, разъясни.

— Как быстро ты узнал, что я прибыл в город?

— Мне Меррон доложила буквально через час, после твоего ухода из участка.

— Не буду догадываться, как быстро Дафф узнал обо мне, но с наступлением ночи, в трактир, в котором я снял комнату, — при этой фразе ведьмак усмехнулся, — Прибывает человек Борзого и обманом выманивает меня в безлюдную часть города.

— Кстати, а зачем ты понадобился Файону? — поинтересовался Бойд.

— Давай ты у него сам спросишь, хорошо. Мы сейчас не о нем говорим. Так вот, думаю проклятый таким же образом узнает, что я в городе и понимает, что я возможно являюсь серьезной угрозой для него, не то что твои люди. Не смотри на меня так, Карбрей, ты ведь это понимаешь. Ведь о ведьмаках и в Эллиниаре наслышаны. И вот монстр, который орудует в порту впервые возникает на окраине города, да еще влезает в гущу вооруженных людей. Думаю, что он и раньше следил за мной, ну а вы просто мешались. Вот и провел разведку боем и демонстрацию своих сил.

— Бывший вояка? — нахмурился Карбрей.

— Возможно. Кто угодно может быть.

— Но тогда почему он не убивает каждый день?

— Возможно это как-то связано с условиями проклятия. Опять же, Потрошитель может быть и подобен оборотню. Вдруг его превращения и убийства связаны с условием проклятия. Может у него есть семья, и чтобы не трогать их, он вынужден раз в неделю охотиться на людей.

Карбрей что-то хотел спросить, но Сарет вдруг напрягся, коснувшись чего-то под курткой.

— Меррон пришла. Впусти ее, похоже руки заняты.

— Что? — не понял ведьмака алькальд и внезапно в дверь кабинета постучали, и судя по всему били ногой.

— Раблэ Бойд, это Калвах. Впустите, у меня руки заняты.

Карбрей озадаченно глянул на ведьмака и выполнил просьбу старшины первой статьи. Та вошла и она действительно держала поднос с буханкой черного хлеба, двумя луковицами и куском нарезанного сала, посыпанного сверху черным перцем.

— Я подумала, что нам следует подкрепится, — заявила Меррон, — И тебе, Кот, тоже.

— Я не Кот, — возразил ей Сарет, и сразу же добавил, — И не Мясник.

— Радуйся, что не Потрошитель, — съязвила Калвах, ища куда поставить поднос.

Карбрей быстро сообразил, что хочет сделать старшина первой статьи и кивнул на подоконник. Расположив поднос, городова отломил два куса хлеба, положила на них несколько колец лука и по ломтю сала и плюхнулась рядом с ведьмаком. Одну порцию протянула Сарету.

— Держи, убийца чудовищ, — и бесцеремонно выхватила кружку, наполовину полную водкой, — Мне тоже полезно будет, — и залпом осушила.

Ведьмак жуя снесь, и с интересом наблюдал за женщиной. Та даже не поморщилась, а просто закусила луковым колечком. А потом принялась жевать свой кусок хлеба.

Быстро она все-таки оправилась, озадаченно подумал Сарет, вон капитана стражи до

сих пор колотит, от вида еды позеленел, а эта хрумкает как не в себя. И взгляд этот, что ведьмак видел во время нападения твари не давал ему покоя. Растерянность и еще что-то...

— Высшие, Меррон, ты когда-нибудь наедаешься? — Бойд действительно от снеди отказался.

— С недавних пор нет, — пробурчала она, с полным ртом хлеба.

— Ясно. Где Киган?

— Да Изначальный его знает, — отмахнулась городовая, чуть не угодив локтем Сарету в нос, — Я отправила посыльного за ним в порт, как только разобралась со всем на Ристерда. Он же там на посту со своим десятком был. Скоро прибудет, наверное.

— Ясно, — вздохнул Карбрей.

Странно, но Сарету показалось, что капитан стражи портового контроля уменьшился в размерах. Все же на нем сказывались события этой ночи, и не факт что они будут последними.

— Так что, Кот, ты уже выяснил, что за тварь убила моих товарищей? — наконец закончив со своей едой и поднявшись за новой порцией, поинтересовалась Меррон, продолжая упорно обращаться к нему по прозвищу его друга.

— К сожалению ведьмак не знает, что это за чудовище, — вместо Сарета, ответил Карбрей, и тут же добавил, перебивая гневный возглас городской, — Но у него есть предположения.

— М-да, — протянула Калвах, когда выслушала Бойда, — Ясно, что ничего не ясно. И как нам это поможет? Как мы будем охотиться на Потрошителя то?

Ведьмак глянул в окно. Дождь, как шел и продолжал идти, но на улице начинало светать. Надо ж, как быстро пролетела ночь, хотя чему удивляться.

— На улице светает, — вместо ответа заметил Сарет, поднимаясь и мокрые портянки хлопнули в сапогах.

— Сама очевидность, — съязвила Меррон, — Так чего делать то будем? — вновь запихнула кусок сала в рот и вытерла руки об влажные штаны.

— Сначала отведете меня в ваш Дом Молитвы, мне все еще надо глянуть на трупы. Думаю места убийств смотреть нет смысла, дождь и время лучший сообщник преступника, не говоря уже чудовище, — забросил меч за спину и подтянул ремни.

— Зачем? — непонимающе посмотрела сначала на ведьмака, а потом на алькальда Меррон.

— Да хрен знает, — отмахнулся Сарет, — Я ж псих, мне надо. А потом я хочу сходить в хорошую сапожническую.

— Хорошо, — Бойд поднялся на ноги, лицо его нахмурилось от грусти еще сильнее, — Меррон, ты и Киган поступаете в распоряжение ведьмака, — и вновь не дал ей вставить слово, — Оказываете содействия мастеру Сарету во всех его мероприятиях. Я подготовлю отчеты, выражу соболезнования родным наших сослуживцев и потом присоединюсь к вам.

— Думаю не стоит, Карбрей. До того, как ты освободишься, я уже разберусь со всеми делами и вновь встретимся здесь, чтобы обсудить условия нашего Контракта, — ведьмак замолчал, его отвлекло очередное дрожание медальона. Что-то очень много вибраций Знака за одну ночь, — Кто-то поднимается по лестнице.

— Что? — воскликнула Меррон, — Откуда ты?

Алькальд лишь мельком глянул на ведьмака и рывком открыл дверь.

За ней с протянутой к дверной ручке рукой замер высокий стражник, почти под шесть

футов.

— Явился, Ноэ. Долго шел, — грустно поприветствовал главного старшину алькальд.

— Капитан, — Киган переступил порог, — Меррон, — ведьмака он лишь окинул взглядом, как незначительную вещь, — Сразу же побежал на участок, как посыльный нашел меня. Мы дежурили на территории корабельных мастерских.

Таких как Ноэ Киган называют красавчиком. Однозначно разбил по молодости не одно женское сердечко и продолжает бить до сих пор. Темно-золотистые волосы коротко стрижены по бокам и зачесаны назад, серые глаза на безукоризненном лице с носом правильной формы и волевым выбритым подбородком. Стражник следил за собой, это было видно по отличному телосложению, форму стражника словно специально сшили на него. На шее у него висел железный медальон, точная копия того амулета, что висел на запястье у Меррон. Рита говорила, что помощник алькальда любит подраться, и это было заметно по одной манере его держаться с людьми. С Карбреем он вел себя почтительно, с Калвах дружил и выпил не одно ведро морской воды, а если та история правда, то их связывает еще большие чувства, а вот ведьмак у него вызывал не только отвращение, но и любопытство.

— Ясно. Думаю, посыльный тебе успел все рассказать, — ответил алькальд, возвращаясь к своему столу и цепляя палаш на пояс, — Поэтому не будем терять время, а Калвах введет в дальнейший план по дороге.

— Да, — грустно подтвердил Ноэ, — Жаль, что меня не было с вами.

Сарет подавил возникший вопрос, но Бойд похоже думал так же:

— И чтобы ты сделал?

— Ну уж точно не валялся б в мусоре, — с вызовом бросил Киган и многозначительно глянул на монстробоя.

— Да?! — Карбрей иронически изогнул бровь, — Поверь мне, Ноэ, но если бы не Сарет, нам бы тоже не поздоровилось.

— Не соглашусь, раблэ Бойд, — вмешалась Калвах, — Если б ведьмак вообще не появился в наш город, то Аббан, Лук, Збер и Кас были сейчас живы, — гляди ж, подумал Сарет, как быстро переобулась.

— Чего? — Киган схватился за рукоять палаша.

— Капитан рассказал, что по всем предположениям, тварь пришла за Котом.

— Это говоришь ты, Меррон?! — возмутился Карбрей, — А кто стоял, как истукан, когда Потрошитель рвал ребят?

Но Киган уже не слышал Бойда, развернулся к спокойно стоявшему ведьмаку, который наблюдал в свою очередь за главным старшиной с выражением скуки на лице.

— Это правда, ведьмак? — Ноэ кипел праведным гневом, а его серые глаза жаждали мщения.

— Когда закончите здесь, Карбрей, то я буду ожидать моих проводников на улице, — Сарет потерял терпение.

Но дорогу к выходу ему все равно преградил Киган, гневно смотрящий на ведьмака сверху вниз и жаждущий драки.

— Куда это ты собрался? Мы не договорили.

— Послушай меня, идиот, — зашипел ведьмак, — Вы мне уже порядком надоели. Прошла ночь, утро уже скоро закончится, а мы еще ничего не сделали, чтобы понять, что за тварь объявилась в вашем городе. Хотите и дальше мериться причиндалами со мной, пожалуйста. Но только после того, как, вернее если, мой Контракт будет выполнен и я

получу свои деньги.

Пока Сарет говорил, у него получилось рассмотреть медальон Кигана. Некий пантакль с изображением четвероногого существа с ветвистыми оленьими рогами на вытянутой морде в четырехугольной фигуре, окружённой различными символами и рунами, висевший на шнурке из серых волос. Однозначно магическая штукавина, волшебство била через край, его собственный Знак, так бы не реагировал на простую

— А сейчас, прочь с дороги, — закончил Сарет и, оттолкнув ошеломленного городского с пути, вышел из кабинета алькальда.

Киган порывался броситься за ним, но его остановил гневный приказ Бойда. Оставив за спиной спорящих стражников, ведьмак быстро спустился на первый этаж, издали заметив, как метнулась тень в парадной. Имон старательно изображал, что занимается сшиванием листов какого-то документа и не видел выходящего на улицу ведьмака, прикрывшись шлемом городского, бесхозно лежавшего на стойке.

Сарет с удовольствием вдохнул уличный воздух, как вышел на крыльцо. Ливень уже не лил так обильно, сменившись не сильным дождиком и сквозь стену воды, льющей из черных облаков можно было рассмотреть статую на Рыночной площади.

У крыльца ожидала кого-то четырехколесная крытая карета с полукруглым навесным козырьком для защиты кучера от непогоды. Экипаж был небольшой, запряженный всего двумя гнедыми лошадьми. Кучер посмотрел на вышедшего ведьмака со знанием дела, насмешливо хмыкнул, увидев рукоять меча над правым плечом и вернулся обратно скучать под козырек.

Странно, но раньше подобных экипажей, Сарет не наблюдал в Амбрехте. Конечно, он видел лошадей, свиней и коз, но по большей части они были в порту. Здесь же, возле Рыночной площади местные передвигались пешком. Естественно это не исключало возможность наличия богатого района города, где такое дорогое удовольствие перемещаться по улицам было у них в порядке вещей.

Ждал ведьмак городских, отряжённых в его проводники не долго. Первым появился Киган, держа под мышкой тот самый шлем, который лежал на стойке в передней, за ним шла Меррон. Ноэ с испепеляюще глянул на ведьмака, а Меррон усердно рассматривала носки своих сапог. Бойд здорово их пожурил в своем кабинете, это было видно по морде Кигана, тот очень хотел что-то сказать едкое, но удерживал себя. Все же алькальд имел весомый авторитет у своих подчиненных.

— Ладно...как там тебя...Сарет, — первым заговорил все таки Киган, — Бойд сказал извиниться перед тобой, ведь если бы не ты, то вряд ли Меррон и Карбрей выбрались с той улицы, пусть и Потрошитель пришел за тобой. Это единственные мои близкие, которых я не хотел бы потерять.

Сарет не ответил, продолжая изучать карету. На дверях кузова был выгравирован чей-то герб с белым крылом альбатроса и якорем на голубом фоне щита. Калвах же расценила, что ведьмак ждет дальнейших извинений и продолжила:

— Мы не виним тебя в смерти своих товарищей. Кто ж знал, что Дафф решит провести свои разборки...

— Милсдари стражники, — ведьмак остановил их, — Оставьте свои красноречия для других. Я прекрасно знаю, что вы думаете. Давайте уже я выполню свой Контракт по быстрее и избавлю вас от своего присутствия.

Меррон и Ноэ переглянулись и главный старшина спросил:

— Куда тебя сначала? — он был рад, что распинаться перед мутантом не придется.

Сарет пошевелил мокрыми пальцами в сапогах, ощутив неприятную сырость в портянках, и решил:

— Давайте глянем сначала на тела, потом обратно, через сапожницкую, на участок, а после я отправлюсь в трактир «Хитрый пескарь». Спасибо, Меррон, но пара кусков хлеба с салом мне маловато, чтобы наесться.

— Хорошо. Поехали, — кивнул в сторону кареты головой Киган, — Я монал в такую погоду ходить по улицам. В этом году Златоокий Келлум не особо благоволит нам с погодой.

— Неужели жена бургомистра?! — пораженно спросила Меррон, указав на герб.

— Кто-то ж должен защитить одинокую женщину, когда ее муж отправился за помощью на другой край страны, — задорно засмеялся Киган, и первым запрыгнул в экипаж.

— Ну теперь ясно, где ты пропадал, что посыльный так долго искал тебя, — странно в голосе городской не слышалось больше той горести за павших друзей.

— Эй, Мер, ты только Бойду не рассказывай, — Ноэ подмигнул ей, — А за нашего нового друга, я не беспокоюсь. Он же сказал, что ему начхать на наши проблемы. Главное работу выполнить.

Ведьмак в очередной раз промолчал. Ему действительно было наплевать на них. Он последовал примеру стражников, залез в кузов кареты, с удовольствием отметив, что те сели рядом и ему не надо делить диван с кем то из них. Чуть расслабил ремень, чтобы сдвинуть меч за спиной и он не мешал сидеть в тесном пространстве.

Ноэ постучал кулаком по стенке, кучер ударил хлыстом, скомандовав лошади трогаться и карета покатила по улице, деревянными колесами разбрызгивая лужи в стороны.

Ехали молча. Киган откинулся на спинку дивана, сложив руки на груди и уставившись в потолок, Меррон смотрела в оконце на мелькающие за окном дома, снова жуя свои орешки в сахаре, что достала из-за пазухи.

— Расскажите мне о своих амулетах? — спросил Сарет, нарушив тишину и вязкую дремоту, потихоньку охватывающих его провожатых в экипаже.

Калвах вздрогнула от неожиданности, когда прозвучал голос ведьмака. Она коснулась бляхи на запястье и странно посмотрела на монстробоя. Словно боялась раскрыть какой-то секрет.

Киган взялся пальцами за шнур и поднял медальон к глазам. Кругляш болтался от тряски внутри экипажа, когда колеса наезжали на неровности дорог.

— А что? — в глаза Ноэ сверкали искорки веселости, — Хочешь такой же? Или обменяться на свой?

— Или в чем-то заподозрил нас? — добавила Меррон, с подозрением переглянувшись с Киганом.

— В ваших амулетах очень сильная магия, — ответил Сарет, — То что это не побрякушки я понял, вот и интересно, что за волшба в них.

— Ну точно колдун, как о вас говорят, ведьмаках, — хохотнул Киган, — Это талисман для избегания ран. Мы их приобрели почти пять лет назад у какого-то странствующего *барахольщика*. Он говорил, что на нем изображен древний сангадурский бог-охранитель Вин-Диг. А мы с Меррон, ты должен знать, ранее служили во флоте и лишним оберег не будет. Вера в Высших конечно сильна, но и от помощи других богов не стоит отказываться.

— Если конечно они не темные и злые, — согласилась с напарником Калвах, — И не требуют жертвоприношений. Мы тогда думали, что это шутки, но за все время, что мы

ходили под парусом, Скорбящая Мать Норфэ нас миловала. Возможно амулет нас и тогда спас, когда мы плавали, как говно четыре месяца по водам Дремлющего, — она глянула на Кигана, и тот одобряюще сжал ее ладонь, — Даже врагу не пожелаю того ужаса.

— Что за Сангадурия? — ведьмак сразу решил восполнить пробелы в своих знаниях земель Эллиниара, тем более, что заняться в карете не чем было.

Киган сдержал смех:

— Не Сангадурия, а Сангадур. Горная страна на севере за Зальдаром, соперничает с гномами Тигрового Хребта в ремесленном деле. Отличные ювелиры и изобретатели. Многие богачи, например, заказывают у них замки для своих секретеров. Чем дороже, тем сложнее взломать. Сангадур, наверное, единственное людское государство, на которой пока еще не прижалась вера в Высших.

— Ясно, — вернее Сарет еще больше запутался, — У вас есть в городе библиотека или что-нибудь похожее. Где можно книги почитать об истории Эллиниара с картами.

— Знаешь, ведьмак, не думал, что читать умеешь. Мне, казалось, что ты лишь мечом махать мастак, — сокрушенно покачал головой Ноэ, но ведьмак видел, что это наигранно.

— Видел бы ты, как я крестиком вышиваю, — съязвил Сарет, — Ну так, что на счет библиотек?

— Амбрехт больше проходной город Омеля, — заговорила Меррон, — Мало-мальски похожее на хранилище книг есть в ратуше, но оно больше похоже на кладовую. Здесь же в основном только бордели, да трактиры. Тебе надо в Дэидхар, или даже в столицу Бэтор. Там этого добра по горло.

Карета затормозила и кучер стукнул по кузаву, указав, что приехали к Дому Молитвы. Сарет насчитал поворота три, значит идти пешком до Рыночной площади не далеко, можно было все-таки пешком пройти, но все ж на карете было веселей.

Храм Высшим располагался во внутреннем дворике, огороженным небольшим каменным заборчиком, и заметно выделялся своим внешним видом от других домов Амбрехта. Это было деревянное здание с башней-колокольней в самом центре, многоярусной покатой крышей, и галереей вокруг основного здания. Свет в церковь попадал через небольшие отверстия в верхних частях стен. Мелкая черепица, покрывающая крыши, и украшающие их орлиные головы, смотрящие на запад и восток, делали Храм похожим на сложившуюся крылья хищную птицу.

Рядом с Домом Молитвы стоял небольшой сарайчик в виде пирамиды со срезанной крышей. И что главное заметил, вокруг церквушки не было могильных плит, похоже своих мертвых амбрехтцы хоронили за городом.

Ведьмак, ведомый городовыми, прошел по раскисшей от дождя дорожке, утопая в жадно чавкающей грязи, к единственной двери под треугольным козырьком. Не успели они подойти, как им на встречу из церкви вышел крепкий и узкоплечий жрец в черной опоясанной рясе с небольшой островерхой шапочкой поверх седых длинных волос, утянутых в хвост. На груди у него висело небольшое солнце, концы разноцветных восьми лучей были загнутыми вправо.

— Чему могу быть полезен, уважаемые стражи? К сожалению в исповеди вынужден вам отказать, если вы за ней. Сегодняшняя ночь принесла много слез, — у жреца был чистый голос, высокий и протяжный.

— Простите, отец Маркас, но мы по службе, — Меррон осенила себя кругом и поцеловала перстень жреца. Киган остался стоять в стороне, — Мы знаем о павших

стражниках, так как сами были этому свидетелями, и слава Высшим, что уцелели.

— На то воля Высших, — отец Маркас поднял глаза к небу, словно пытался разглядеть ту самую волю в черных тучах.

— Да раздастся благословение Их на Детей Ихних, — Меррон вновь осенила себя кругом, а Киган сделал вид, что увидел что-то интересное за забором.

— Так что ж привело вас, дети мои? — поинтересовался жрец.

— Алькальд Бойд нанял ведьмака, чтобы убить чудовище, — Меррон ответила, будто извинялась перед святым отцом.

— Бороться с порождением Той Стороны порождением темной магии наших соседей? — отец Маркас с прищуром осмотрел ведьмака, тот в ответ выдавил из себя приветственную улыбку, — Ну что ж. На войне все средства хороши, так ведь у вас говорится? А судя по тому, что сегодня ночью принесли четыре тела стражников, времени ждать пока наш бургомистр вернется с храмовником Ордена нет.

— Конец венчает дело, святой отец, — вставил Киган.

— Не стоит разбрасываться девизами зальдарской Канцелярии, сын мой, — укоризненно погрозил длинным пальцем жрец, — Хотя это лучше, чем что-то другое характеризует нынешнее состояние дел. Так что вас интересует, ведун?

Сарет не сразу сообразил, что к нему обратился служитель Дома Молитвы, с интересом изучая незнакомые руны у деревянной дверной ручки в виде кольца, пока его не толкнула в бок Меррон.

— Мне нужно увидеть трупы, — ведьмак так сказал это буднично, словно только и занимался тем, что осматривал мертвые тела.

— Не вижу смысла, ведун. Служители Анрэйга Хранителя Алмазных Врат их уже осветили, подняться они не смогут, не говоря уже об обращении в слуг ночной твари.

— Это очень хорошо, что вы знаете свое дело. Мне нужно увидеть повреждения, которые нанес Потрошитель.

Отец Маркас предостерегающе взмахнул рукой.

— Не надо давать имя демону Изначального Хаоса, иначе призовешь его на свою голову, ведун.

Сарет невольно хмыкнул. Ну да, особенно если сейчас позднее утро, а не ночь.

— Что ж, пойдете, дети мои, и ты, ведун. Я провожу вас в могильник.

— Буду в карете вас ждать, — заявил Киган, и быстро побежал к экипажу, чтобы укрыться от дождя.

— Все так же не любит Церковь, да дочь моя? — сожалеюще покачал головой отец Маркас, когда они направились к тому сараю, что изначально заметил Сарет.

— Вы знаете, святой отец, его вера пошатнулась, но Высших из сердца он не отринул. Нужно подождать и скоро вы его увидите среди своих прихожан.

— На то воля Высших, дочь моя. Они заповедовали нам терпеть, а время вылечит.

Ага, подумал Сарет, а еще после одного удара по щеке можно подставить другую.

Внутри сарая не было ничего, кроме широкого отверстия прямо в дощатчатом полу и земляной лестницы ведущей глубоко под землю. По мере того, как они спускались, становилось все холоднее и холоднее, а когда лестница кончилась, зубы Меррон выдавали такую трель, что и ведьмак зябко поежился. Еще и мокрая одежда не слишком то способствовала согреву, только отец Маркас сохранил невозмутимое лицо. Лишь горячий пар шел из его рта.

Само помещение, освещаемое каганцами, было полуовальное с потолком едва не касающимся их голов и с отдушинами для вентиляции. Стены укреплены бревнами, полы, застеленные досками с щелями, имели небольшую дверцу-люк, ведущую к самому леднику.

Все пространство могильника было заполнено плоскими нарами, на четверых из них лежали обнаженные тела жертв Потрошителя. Вернее то что от них осталось.

— Раблэ алькальд сказал, чтобы мы хранили тела до окончания беды с чудовищем, вот здесь они и покоятся, — святой отец посмотрел на городовую, — Ваши павшие товарищи сейчас в Церкви проходят омовение, чтобы они предстали абсолютно чистыми и непорочными перед Судом Высших, — и осенил себя кругом.

— Мы пришли, ведьмак, — спросила Меррон, подув на ладони и растирая их, стараясь согреться, — Делай свое дело, пока мы кровохарканье не подхватили.

Ведьмак, задумался на мгновение, изучая тела на отдалении, и, отерев грязь об выступающий порог с подошв сапог, пошел обходить трупы мертвых проституток. Он сам не знал, что именно искать, но ведьмачье чутье, ни разу не подводившее его за более чем сто лет, подсказывало ему, что тела осмотреть надо обязательно. Обычно даже мелкие следы, не видимые с первого раза, давали намек, что за тварь или, как с ним бороться.

Тела проституток были похожи на куски туш в мясницкой, тварь потрудилась изрядно, рвала женщин с остервенением. Множественные раны головы, скальпировавшие кожу с волосами, глубокие царапины от кривых когтей по глазам, на шеях, плечах и промежности, вырванные куски мягких тканей на бедрах, ягодицах, груди. Потрошитель напал либо сверху, либо из-за угла, либо со спины, заставляя жертву врасплох, это он понял уже давно. В первую очередь бил по глазам, лишая зрения и ошеломляя ее, затем по горлу, и она уже не может кричать. Потом приступала к трапезе. На животах зияли глубокие дыры, были выедены печень, сердце и почки. И это заставляло ведьмака задуматься. Проклятый так себя не ведет, по крайней мере известные ему. После себя такое оставляли мантикоры, василиски, виверны или другие подобные им твари.

Сарет присмотрелся к следам укусов и убедился, что форма прикуса была явно человеческая, только несколько большая в размерах. Очень странно, будто Потрошитель ел и ел, и не мог насытиться. Даже оборотни так не поступают.

Ведьмак отошел от одного тела к другому, потом к третьему. У этого костный мозг из ребер высосан.

А вот четвертая жертва его озадачила сильнее остальных. Судя по всему это и была Лиза Бревно, которую чудовище успело лишь умертвить. С ней тварь закончила одним ударом, когтями по горлу. И больше ничего, в отличии от других трупов. Да, возможно действительно Потрошителя спугнули, и он не успел поиздеваться над жертвой, только вот одна вещь не давала ему покоя.

Сарет вновь вернулся к трем остальным телам. Еще раз внимательно осмотрел укусы на бедрах, там где хоть что-то осталось. Коснулся указательным пальцем цилиндрического утолщения на нижнем конце ножен своего меча и ему в руку под действием пружины вывалился деревянный, длиной с указательный палец, тубус. Сарет открыл крышку, осмотрел содержимое цилиндрика, и, вынув из него шило, острием проник в плоть, куда вонзались когти. Вынув, задумчиво осмотрел *проколку*, и ту же процедуру проделал с телом Лизы, отчего заслужил гневное возмущение из уст отца Маркаса, которое не слишком вязалось с набожностью этого человека.

— Что-то обнаружил? — вдруг спросила Меррон, и взгляд ее был очень

заинтересованный и подозрительный.

— Скажи мне, Меррон, а случались пропажи или, может, находили неопознанные тела до этих убийств? — Сарет убрал тубус с принадлежностями для походного ремонта, предварительно вытерев шило об штанину, обратно в ножны.

— Среди портовых может и случилось чего подобное. Но кто будет разбираться, если порешают кого-то из портовой черни, — раздумывая, пожала плечами стражница, — А почему ты спрашиваешь?

— Да так, ничего, — и впервые угрюмое выражение лица ведьмака радостно расцвело, — Ладно, я закончил здесь. Поехали в сапожницкую.

Вернулся Сарет в трактир «Хитрый пескарь» только под конец второй половины дня, ближе к вечеру. В этот раз он добирался пешком с участка, никто и не думал довести его на карете. Да и экипаж уже не ожидал никого возле крыльца.

Войдя в заведение, у ведьмака возникло ощущение, что вчерашний народ так и не расходился по домам. Как только он переступил порог, то и без того почти неслышные разговоры мгновенно затихли и на него устремились пара десятков глаз. Судя по всему они были в курсе того, что произошло на улице Ристерда. Это было написано на их недружелюбных рожах. Слухи, как понял Сарет в Амбрехте разносились со скоростью полета помойной мухи, хотя кто-то и мог этому поспособствовать. Впрочем, как и везде. Естественно они ожидали, что знаменитый заокеанский убийца чудовищ за пару часов избавит их от напасти, терроризирующий город, а он позволил только допустить смерть четверых защитников-городовых.

Сарет, перехватив из правой руки в левую объемистый сверток из мешковины, перевязанный веревкой, сделал шаг к стойке, за которой как всегда стояла Рита, с виноватым и озабоченным выражениями на лице одновременно, как часть постояльцев, работников порта, поднялись со своих мест и собрались покинуть трактир. Последним уходил тот самый здоровяк, что схватил в прошлый раз трактирщицу за волосы. Он остановился перед Саретом, возвышаясь над ним каменной глыбой и, смотря с ненавистью сверху вниз, одной рукой нервно теребил кожаную петлю, вдетую в рукоять рыбацкого ножа. Монстробой глянул в ответ выжидающе.

— Значит правду говорят о вас, мутант, — прогундосил докер в свой сломанный нос, — Мерзавцы вы, без достоинства, совести и чести. Четверых наших парней тварь угробила, а на тебе ни царапинки. И чудище живо.

— Хочешь поговорить об этом? — сквозь зубы процедил Сарет, чувствуя, как в нем закипает злость от услышанной всего одной фразы.

— Тебе повезло, что алькальд нанял тебя, лунчд, — докер хотел сплюнуть ведьмаку под ноги, но сдержался, — Так бы я с тобой потолковал за жили-были, клянусь Бэйнором.

— Так ты не переживай, — сверток мешковины упал к его ногам, показывая, что монстробой готов к его услугам, — Я улажу вопрос с законником.

Здоровяк задумался, посмотрев за спину Сарету, ища поддержки у своих товарищей, ожидавших его у выхода. Пальцы крепко сжали рукоять ножа, Сарет подобрался, хотя внешне выглядел расслаблено.

— Пилиб! — окликнула докера Рита, так громко, что все слышали его звонкий голос, — Если затеешь драку в моем трактире, то можешь забыть сюда дорогу навсегда. И твои друзья тоже.

За спиной ведьмака послушались возмущенные голоса, кто-то из них пытался вразумить товарища.

— Ноги моей больше не будет в «Пескаре», Рита, — обернулся докер лицом к трактирщице, — А тебе повезло, выродок, — и обошел убийцу чудовищ, едва не задев того плечом.

— Как выполню Контракт, то я в твоём распоряжении, — бросил вслед портовому рабочему Сарет.

Ведьмак немного постоял, смотря на закрывшуюся входную дверь, медленно усмиряя злость. Ну и чего он так взъярился, подумал Сарет. Подумаешь тупая детина точь в точь повторила слова из одного печально известного у него на Континенте памфлета, который привел к разгрому фанатиками его родного дома Каэр Морхен. Вряд ли Пилиб вообще был знаком с этой писаниной, он должно быть и читать, то не умел.

Остальные, кто остался в «Пескаре» как обычно отводили взгляд от направившегося к стойке ведьмака, за исключением пятерых странно одетых мужчин, сдвинувших два стола вместе. Но он не слишком обратил на них внимания. Главное, что его сейчас заботило, это собственный голодный желудок.

— Вам, Рита, надо бы нанять вышибалу. В следующий раз ваша отповедь может не быть такой вразумительной, — грустно заявил Сарет, устраиваясь на стуле, примостив рядом сверток.

— Если кое-кто не будет вечно пытаться ввязаться в драку, то и на вышибале можно сэкономить. Неужели нельзя было обойтись без всего этого, — буркнула Рита. Она старательно изображала из себя недовольство, но Сарет легко распознал в ее голосе обеспокоенность. Рита отводила глаза от его пристального взора, но украдкой все же бросала на него взгляды, будто пытаясь разглядеть что-то в нем.

— Не я начал, — отмахнулся ведьмак, порывшись за пазухой куртки, и вынул кошелек, на красном бархате которого заметно выделялись более бурые пятна, — Так, — он принялся отсчитывать монетки, — Если я правильно посчитал, что здесь плата за комнату на три дня с учетом вчерашнего, — он подвинул к ошеломленной девушке горсть монет, — А это за ужин, — призадумался чутка, — И тот чай по рецепту вашего отца, пожалуйста, с пирогом, если еще не поздно.

— Я же сказала, что платить не надо, — трактирщица с сомнением смотрела на тестуны, — Боюсь спросить откуда деньги?

— Выполняю условия одной сделки, — от того, как Сарет ответил, Рите расхотелось дальше расспрашивать его.

Она демонстративно ссыпала, даже не пересчитывая, монеты в глиняную кружку, которую достала из-под столешницы:

— Ожидай свой заказ, — только и ответила девушка, исчезнув потом за дверью кухни.

Сарет не стал ждать, пока ему вынесут снесь, быстро окинул взглядом харчевню и выбрал себе столик у камина.

С удовольствием скинул мокрую плащ-накидку, бросив ее на стул, напротив своего места, там же положил ножны. Облегченно помассировал плечо, которое ранее перетягивал ремень. Оружие из сидеритовой стали не было таким тяжелым, его, наверное, худенькая Рита смогла б легко поднять, но Потрошитель все таки смачно приложил его к стене. Сутки б отлежаться в кроватке... А курва мать, прошипел ведьмак, брюзжать начал, как старик. Скоро на погоду начну жаловаться, хотя если, честно, но дождь начал поднадоедать, думал ведьмак шевеля мокрыми пальцами в склизких портянках. Стоило все-таки сначала переобуться, а не заказывать еду, но все это докер с его предьявами. Сбил с панталыки. Интересно, а что было бы если б убийца чудовищ свернул ему шею прямо здесь? В этом случае защита алькальдова действует? Ну пришлось бы охотиться на Потрошителя бесплатно, это точно.

Мюрис появился быстро с подносом и едой. Он быстро и сноровисто раскидал по столу глубокую миску с дымящейся тушеной картошкой с курицей, два блюда с нарезанными

кольцами солеными огурцами и отрезанным треугольником куском вчерашнего пирога с мясом и кружкой горячего чая.

Ведьмак поблагодарил, взял было ложку, но заметил, что мальчик стоит и нервно крутит в руках поднос. Ведьмак пожал плечами и из кошелька катнул ему монетку, половой, не раздумывая, подхватил ее.

— Ой, спасибо, мастер ведьмак, — быстренько спрятал ее в карман фартука, — Но я не за этим... — мальчишка замялся над нахмуренным взглядом Сарета.

— Тогда чего хотел? — спросил монстробой, и запихнул полную ложку горячей картошки в рот.

А парнишка молодец, не растерялся. Быстро сообразил, что дареная денежка может укатиться обратно в кошелек.

— Тут с вами хотели поговорить... — замялся парнишка, — С утра о вас спрашивают.

Мюрис указал вглубь зала, где ведьмак приметил ту самую пятерку мужчин, что не сводили с него заинтересованных глаз с самого начала. По центру сидел с испещренными морщинами лицом старик, всем своим видом показывая, что он у них за старшего. Они расположились у противоположной стены под окнами и хорошо видели ведьмака.

— Хорошо, Мюрис. Я поговорю с ними, как поем, — согласился монстробой и Мюрис, сообразив, что здесь он уже не нужен, быстренько убежал к себе за стойку ожидать нового заказа, предварительно довольно кивнув головой тем постояльцам. Видать от них монетку он уже тоже получил.

Сарет не торопился, с аппетитом прожевывая каждую порцию снеди. Сарет, живущий всегда в дороге, ценил подобные моменты, когда получалось сытно поесть в спокойной обстановке, поэтому старался растянуть их. Кто знает, кода он сможет снова вкусить подобного кушанья. Или вообще сможет ли есть после встречи с чудовищем, если останется жив.

И да, пирог действительно был изумительным, пусть и испекли его вчера под вечер.

Естественно он не терял времени и изучал своих будущих знакомцев. На омельцев они не были похожи, напоминали ему офирцев родного Континента, которых он видел всего пару раз за свою жизнь. У всех почти одинаковые худощаво-скуластые лица с бронзовым загаром людей, большую часть своей жизни проведшие под солнцем, миндалевидные глаза с одинаковым темно-карим цветом, хотя у старика были зеленые. Черные коротко стриженные волосы, у старшего кучерявая борода, подернутая сединой. У него одного голову покрывал белый платок с красным орнаментом, поддерживаемый костяным обручем. Одеты все броско, в шерстяные кафтаны ярких цветов, украшенных красивыми витиеватыми узорами, широкие шаровары и короткие замшевые сапожки. У каждого через спинку стула перекинута плащи с подкладками, на взгляд ведьмака слишком теплые даже для Омельсланда. Вооружены все, кроме старшего, на их широких поясах висели кривые сабли с узкими клинками и кинжалы.

Сарет, вытер пальцы об куртку, отодвинул от себя пустую утварь, взял кружку с чаем и направился к их столикам, оставив свой меч с плащом лежать где лежали. Тем самым показывая, что не желает ссоры. Ну и те тоже всем своим видом не показывали, что враждебно настроены против ведьмака, терпеливо ожидая, пока тот набьет свой живот.

— Мир вам, милсдари, — поздоровался монстробой, но за стол не сел, замерев рядом со стулом, — Меня зовут Сарет из Крейдена, ведьмак.

Первым заговорил как раз таки старец, поднявшись со стула. Его спутники мгновенно

повторили его действие, подтвердив догадки убийцы чудовищ:

— И тебе мира, уважаемый, — старик приложил правую руку к сердцу и немного наклонив голову в уважительном жесте, — Я Сохрэб Мехраби абн Короуш. Я и мои спутники из солнечного Асланистана. И мы знаем, кто вы, поэтому и ждали вас в этом...ммм... заведении.

Его товарищи, а скорее всего тельники поприветствовали ведьмака сдержанными кивками. Ну что ж, подумал убийца чудовищ, представились друг другу, теперь не должны саблями махать.

— Пожалуйста, присаживайтесь, остад ведьмак, — и сам вернулся на свой стул, — В ногах нет правды, а уж в моем возрасте, и подавно.

Старик лукавил, Сарет отлично видел, что сухошавая фигура Сохрэба была еще крепка, как здоровый кипарис, но монстробой исполнил приглашение.

— Может чего-нибудь заказать вам покрепче этого чая, остад Сарет? — асланистанец говорил на Всеобщем, однако ведьмаку приходилось напрягаться, чтобы разобрать акцент своего собеседника. По внешнему виду он должно быть рассудил, что ведьмак нуждается в деньгах раз пьет лишь чай.

— Нет, спасибо, милсдарь Сохрэб, — монстробой почтительно кивнул головой, — Мне сегодня предстоит тяжелая ночь, и еще хотелось бы отдохнуть, — хоть и говорил он обходительно, но дал понять, чтобы собеседник перешел к делу, как можно быстрее.

Однако спутники Мехраби расценили поведение ведьмака дерзким по отношению к их старшему, раздался недовольный ропот среди них. Сарет даже бровью не повел, не привыкать к подобным реакциям. Сидевший рядом с серьгой в левом ухе хватился за рукоять с навершием загнутым в сторону лезвия сабли в виде орлиной головы, однако старший асланистанец одним жестом заставил всех успокоиться.

— Вижу, что наш гость из-за океана человек действия. Я благодарю Аслана за, то что он ниспослал нам вас, — при этом Сохрэб поднял руки кверху, развернув ладони к себе, — Когда начался дождь, заставший нас в пути, мои люди негодовали, — старик укоризненно посмотрел на сопровождавших его, — Они посчитали, что из-за омельской непогоды мы опоздаем к сроку, но я взмолился Аслану, чтобы дождь принес нам пользу, и как же обрадовался, что Господь не отвернулся от нас, когда узнал, что в Амбрехте есть ведьмак. А о вашей касте искусных монстробоев ходят множество легенд.

— Вы хотите меня нанять, милсдарь Сохрэб? — не выдержал Сарет, и возможно произнес это несколько грубо, потому что радушная улыбка старца на мгновение исчезла, чтобы потом снова прорезать бороду.

— Вы резки, как болт пущенный с арбалета, остад Сарет. И мне это нравится. Это сокращает время потраченное на пустые разговоры.

Сарет решил для себя, что если он успеет допить чай в чашке до того, как асланистанец закончит заискивать с ним, то встанет и уйдет. Времени у него не было катастрофически, и тратить его на вытягивание информации из старика он не мог.

— Да, я хотел бы заключить с вами Контракт, — видать все же что-то прочитать на по глазам внешне невозмутимого ведьмака Сохрэб смог, — Я хочу чтобы вы помогли мне снять проклятие с моего рода и в частности с меня.

Наступила тишина за столом, словно присутствующие ожидали грома за окнами, но слышали только шум дождя.

— Хм, проклятие, — попробовал на вкус слово Сарет, поставив пустую чашку на

стол, — Давно я не занимался подобными заказами.

— Понимаю, что вы, ведьмаки, больше эксперты по убиению чудовищ, но я слышал истории, что вашему брату удавалось подобные Контракты выполнять, — Сохрэб напрягся, будто ожидал, что монстробой сейчас встанет и уйдет, — Я плачу по двести пятьдесят зальдарских рорхастов за каждые три дня, что вы будете с нами в дороге, и еще полторы тысячи за саму работу, не зависимо от результата. Но в случае успеха я добавлю ко всей сумме еще пятьсот.

Курва мать, выматерился в сердцах. Судя по тому, как важно перечислял старик, эти зальдарские рорхасты самые высокие по номиналу деньги в Эллиниаре. Надо бы и в этом тоже разобраться, а то кто-нибудь кинет его, а он и против то сказать ничего не сможет.

— Я так понял, что нам придется куда-то далеко ехать, раз вы платите за дорогу?

— Если у вас есть время, то я вам все расскажу подробно, остад Сарет, — и вновь асланистанец широко улыбнулся. А зубы у него были очень крепкие для человека его возраста, да и глаза не старческие, стоило ведьмаку по подробней присмотреться к нему.

— Нет, уважаемый Сохрэб, — ведьмак останавливающее поднял руки, — Вынужден отказать вам.

Вновь товарищи старика зашевелились, и тот, что с серьгой в ухе прошипел:

— Мой ага, позволь я вразумлю этого шелудивого пса, — рука сжала эфес сабли, так что побелели костяшки сквозь его загар.

— Тише, Дильдар, — старик положил руку на плечо своему телохранителю, — Позволь нашему другу объяснить причину отказа. Если дело в деньгах, то это не проблема.

— Я не могу принять Контракт прямо сейчас, милсдарь Сохрэб, — ведьмак не сводил немигающего взгляда желто-зеленых глаз с надутого тельника, — Но я не выполнил еще свою предыдущую работу. Предлагаю нам встретиться послезавтра здесь же утром за завтраком, — что-то проскальзывало общее в их внешности.

По лицам асланистанцев было заметно, что таким решением ведьмака они были не довольны. А значит время все же гнало их, и терять они его очень не хотели.

— Я заплачу вам больше, чем алькальд обещал вам за свое чудовище. Тем более, мне известно, что голова Амбрехта уже умчал в Бэтор за храмовником, а значит скоро городской вопрос разрешится, — не унимался старший ватажки, — И вам нет смысла тратить свои силы на бесприбыльное дело.

Из кухни вышла Рита. Она старательно делала вид, что не смотрит по сторонам и не пытается найти кое-кого, а просто разбирается на всех ли пустующих столах наведен порядок. У нее в принципе не плохо получалось, если б она не заметила его брошенные вещи, а потом и самого Сарета с его новыми знакомцами. Так и встала, как вкопанный в землю позорный столб с встревоженным выражением на лице.

— Главное не волнуйтесь, остад Сарет, — заговорщицки улыбнулся Сохрэб, — Деньги не проблема. Для меня они никогда не были проблемой.

Да это убийца чудовищ и так понимал. Асланистанец был не из бедняков. Об этом и говорили и цветастая одежда, и перстни, которые он не стеснялся показывать на людях, и телохранители, которые его охраняли. Не простые слуги, хотя ведьмак подозревал, что обоз с ними ожидал старика за городом, а профессионалы. Таких он встречал, умел их отличать от обычных убийц. По глазам, которые смотрят на него словно поверх ложа арбалета.

Деньги у Сарета теперь имелись, успел поднять немного денег у Даффа, тут еле сдержал ухмылку, но на долго ли их хватит? Почти половину он уже потратил, надо еще купить

лошадь и припасов в дорогу. А теперь ему предлагают реальный заработок. Ну сколько алькальд сможет заплатить ведьмаку из казны за голову Потрошителя? Монет триста или пятьсот. Да, прибавить к его премии от Даффа, то сумма не маленькая. Сохрэб предлагает заработать свыше тысячи. Тем более, что бургомистр то ведь все-таки вернется с местным охотником на чудовищ, и город ждет избавление. Пусть не сегодня, так завтра, ну или через неделю.

Что касается его моральных принципов? Так он же Кот, а что можно ожидать от такого, как он? Как там говорил наставник Сфинкс? Хочешь жить умей вертеться... правда это больше относилось к фехтованию. Но действительно, стоит ли идти на возможную смерть за какие-то триста монет...

— Ну так, Сарет? — выжидающе смотрел на него Сохрэб, уже понявший, что поймал ведьмака на крючок, — Готовы выслушать меня?

Сарет не сводящий взгляда с Риты, которая перехватила его взгляд, отвернулась и принялась тщательно вытирать полки под бочками, поднялся из-за стола и почтительно изобразил поклон головой:

— Я все же прошу простить меня, милсдарь Сохрэб, но у нас, ведьмаков, есть Кодекс, и пусть нас осталось мало, мы обязаны чтить его, иначе с нами не будут иметь дела.

Старик поднялся, его тельники лишь на мгновение опоздали. Окружающие их постояльцы с интересом наблюдали за ними.

— Кодекс... — не понятно то ли с сомнением, то ли соглашаясь повторил Сохрэб, — Я несказанно рад, что Аслан послал нам человека чести, который может помочь мне в несчастье моей семьи, — он вновь прислонил ладонь к сердцу и едва кивнул головой, но что-то вроде недовольства мелькнуло во взгляде зеленых глаз, — Я думаю, что мы сможем подождать пару дней. Хорошего профессионала сейчас сложно найти.

Особенно если не хочешь обращаться к помощи этих самых храмовников Высших, от чего-то решил убийца чудовищ.

Они распрощались, условившись, что встретятся послезавтра в час козы здесь же в трактире, естественно объяснив Сарету, что это обозначает примерно через час как наступит полдень, и ведьмак, не забыв свои вещи, поднялся в свою комнату, не обращая внимания на взгляды, бросаемые в его сторону постояльцами.

Комната встретила его безмолвием и пустотой. Сарет, перебросив через локоть ножны с мечом и свёртком в правой руке, стоял у порога внимательно осматривая помещение, и сразу определил, что в комнате кто-то побывал. Второй меч так и лежал на столе, наполовину раскрытый под холстиной, возле одной из ножек валялся походный мешок. Однако кровать была заправлена, и Сарет догадался кем. Н-да, Рита дорожила репутацией «Хитрогс пескаря», порядок навела, но вещи так и остались не тронутыми, даже из любопытства к ним не прикоснулись.

Сарет кинул на кровать свернутый в трое лист бумаги, быстро разделся, чтобы не терять время, и, оставшись в исподнем, принялся чистить куртку и штаны от грязи. Понюхал рубаху и с отвращением поморщился. Если от одежды пованивало, будто от конюха, то страшно представить, как пахнет он сам. После охоты надо обязательно одежду прачкам отдать, да и самому в баньку сходить. Кое-как справившись с грязью, в которой он валялся в переулке, он развесил ее на сушке, сомневаясь, что она успеет высохнуть до охоты. Почесывая щрам на заросшей щетиной щеке, ведьмак случайно бросил взгляд на старые замызганные сапоги, и с радостью вспомнил о своей покупке.

Он сел на кровать и аккуратно, немного помучившись с узлом, развязал веревку, стягивающую мешковину. Сарет сознательно не стал ее резать кинжалом, добротная бечевка еще пригодится в деле, как и ткань, в которую были завернуты новенькие, натертые жиром сапоги из отличной бычьей кожи. Именно такими пользовались рабочие в порту, их даже стража не стеснялась носить. Ведьмак, словно ребенка, взял один из пары, чтобы в очередной раз насмотреться на обнову. Утолщенный носок отлично защищал от падения на ногу чего-то тяжелого, а точный удар в колено или между ног мог принести противнику неприятные ощущения. Кроме того они были мягкими и удобными, в совокупности с ремешками, утягивающими голенище по размеру ноги, не стесняли движение. Вместо деревянных спичек, сапожник использовал железные гвоздики для соединения подошвы и каблука с остальными частями обуви. Да, за такую обнову Сарет не пожалел семидесяти пяти тестунов из гонорара Даффа, и даже торговаться не стал, а сапожник не поскупился и в придачу к покупке положил пару сменных каблуков и новенькие портянки.

Сарет отставил обувь, и взяв, стальной меч, сел за стол. Хватит, налюбовался, сегодня испытает их в деле. Нужно готовиться, если он хочет поспать еще немного.

Прежде, чем заняться подготовкой второго оружия, которое ему нужно будет на охоте, следовало обслужить первое после дождя. Это было главное правило, которое им вдолбили в Каэр Морхене еще до того, как они взяли в руки свои первые в жизни клинки.

Охота на Потрошителя начнется сегодня ночью. Смысла тянуть кота за хвост, ведьмак не видел. Он уже все выяснил для себя и принял решение, о чем сразу и заявил, вернувшись на участок, Бойду. Алькальд принялся возмущаться, его помощники соглашались с ним, что надо все тщательно спланировать, но Сарет послал их куда подальше. Потрошитель нападет сегодня снова, потому что остался без добычи- это раз, и ведьмак-жив и наступает ему на пятки-это два. И лучшей приманкой, кроме него самого у них не будет. Поэтому он попросил, чтобы алькальд не лез со своими людьми, дабы избежать еще больше жертв и чтобы сами городовые не путались под ногами. Результата могло быть только два- либо они на утро найдут в порту его обглоданное тело, либо он вернется с головой Потрошителя и заберет свои триста тестунов. Еще не хватало выбивать свои деньги из-за того, что работал не в одного.

Рука, державшая ветошь, дернулась от злости и он чуть не разлил масло из бутылка, которым обрабатывал ножны и стальной меч. И чего нервничать, уныло улыбнулся Сарет своему отражению на лезвии клинка. Мог бы уехать сегодня ж вместе с теми асланистанцами, чего теперь злиться. Он сам волен выбирать себе работу. Как там говорил Брэн- кто больше платит, тот и правит балом. Еще и Кодекс этот несуществующий припелел. Его никто или ничто не удерживало в Амбрехте. Или все же...

Сарет отложил почищенный стальной меч и взялся за серебряный.

Ой, ну не идиот же, а?! Решил в благородного поиграть перед девчонкой? Типа, смотрите какой я. Защитник бедных и обездоленных. Кодекс, ептить. Тьфу, курва. Да никто ему и спасибо не скажет, как Контракт выполнит, погонят вилами из города. Мало примеров что ли? Люди всегда остаются людьми, а чудовища-чудовищами. Что на Родине, что здесь. Не слишком то новая жизнь отличается от старой.

Это еще неизвестно, как Рита отреагирует на то, что Сарет решил ее проблему с трактиром. Может поэтому он заплатил ей раньше, чем рассказал, чтобы себя не разочаровывать.

Не ну точно стареет, сентиментальным стал.

Он обнажил меч, и ощущение под ладонью холода непривычно длинной рукояти из костяного гребня вилохвоста с дугообразно загнутыми дужками гарды придало успокоение. Даже венчавшее эфес навершие в виде кошачьей головы казалось не скалилось, а, наоборот, дружелюбно улыбалось. Трехфутовое лезвие с протяженной более узкой, чем заточенная часть, пятой было девственно гладким и отливало серебром. Это Волки и Грифоны любили гравировать свои клинки древними руническими знаками всякие громкоговорящие девизы, показушники хреновы. Коты больше предпочитали практичность.

Сарет добро улыбнулся, придиричиво осматривая меч и чувствуя, как улетучивается злость. Все же небольшой текст мелким шрифтом на корявой Старшей Речи его Континента был выбит под самой гардой. Как Брэн умудрился уговорить оружейника Густава из Каэр Морхена подшутить над лучшим другом, остается загадкой. «*Va fail, Bloed, and a'baeth me aer arse*», что означало «Прощай, Брат, и поцелуй меня в зад». Кота из Йелло он больше не видел, а только слышал о его подвиге.

Меч был как всегда в прекрасном состоянии, поэтому он вернул его в ножны, также придиричиво осмотрел ременную систему, изобретенную специально для ведьмаков краснолюдами. Она сегодня долго пробыла под дождем, хреново будет если в неподходящий момент подведет. Но он остался доволен осмотром. Все же махакамские умельцы были профессионалами в своем деле. Все нужные пряжки расстегивались и застегивались без напряжения, ремешки в петлях скользили без закусывания.

— Можешь зайти, нечего топтаться у двери, — крикнул Сарет Рите, которую услышал еще на лестнице.

Трактирщица постояла у порога, решая стоит ли заходить или нет, но все же решила войти. Тихо прикрыла за собой дверь, но осталась стоять, прислонившись к ней спиной и сиюсь рассмотреть ведьмака в неярком огне каганца. Но единственное что она смогла увидеть- это был длинный синяк, тянущийся от правого плеча к левому бедру.

— Я ведьмак, а не волшебник. Мысли читать не умею, — нарушил тишину Сарет, убрав сумку с походным ремонтным инструментом и пододвинув к себе сундучок, — Если ты так и будешь молчать, то я не узнаю причину, из-за которой ты почтила меня своим присутствием, — недовольно буркнул Сарет, щелкнув двумя замками-защелками, откинул крышку и задумчиво посмотрел во внутрь ларца, — Если ты хотела узнать о Даффе, то думаю, что проблему твою я решил.

— Я просто хотела узнать, как ты, — сглотнув, ответила девушка, — Ходят слухи, что Потрошитель и тебя потрепал...

— Потрошитель потрепал... — подавил смешок ведьмак, которого позабавили эти два слова, — Ты думаешь, что если бы я был ранен, то спокойно сидел и ел вкусный пирог твоего брата? Мы ведьмаки не настолько живучи.

— Обязательно так отвечать?

— А что не так я сказал? — Сарет выудил из нутра сундучка небольшую потрепанную кожаную сумку, вешающуюся на пояс и прикрепляющуюся дополнительным ремнем к бедру. Он, расстегнув шпенек, открыл верхний клапан и вытряхнул труху в виде обветшалой подкладки и каких-то травинок на стол перед собой. Внутри было множество отделений для мелочей.

— Ты ж мог просто ответить, что все хорошо. А не проявлять свой сарказм. Зачем вести себя, как козел к тем, кто относится к тебе по доброму? Ты же специально нарываешься на драку, — внутри Риты начала закипать кровь от бешенства, — Как можно быть таким?

— Да? — ведьмак на мгновение замер, а потом продолжил доставать и раскладывать на столе четыре маленьких бумажных конверта, помеченных одному ему известными символами, пять пузатых, размером с указательный палец, бутылочек, в которых плескались жидкости разного цвета, и тряпочный мешочек, который звякнул чем-то железным, — А какой же я?

— Ты хороший человек, хоть и пытаешься казаться всем мудаком. Я не верю в рассказы о Котах, что вы обожаете обивать и вам без разницы кого, чудовище или человека. За время работы в трактире я видела многих людей, и давно поняла, что внешность далеко не все говорит о человеке. Да, не скрою, когда увидела тебя впервые, а затем и твой ведьмачий Знак, то первая моя мысль была позвать стражу, но что-то остановило меня. Мой отец говорил, что нельзя судить о человеке по первому взгляду. Ведь внешность- это корка пирога, а вот начинка в нем бывает разная, — Рита говорила быстро, на одном дыхании, будто боялась, что Сарет сейчас встанет и перебьет ее, — И ты доказал мне это. Ты не стал уходить, когда люди Борзого Даффа пришли, хотя это не твое дело. Ты не отказался проверить слухи о чудовище, но ведь сразу догадался, что это ловушка с целью выманить тебя. А нападение Потрошителя? Один из стражников рассказал мне сегодня, как ты бросился в бой, не раздумывая и чуть не погиб. Это говорит о многом, Сарет из Крейдена.

— А ты не подумала, что если б я стоял в стороне, то тварь и до меня добралась бы? Может я ищу во всем, что ты тут перечислила выгоду? — ведьмак взял в руки и покрутил перед глазами два бутылка. Один с сиреневой жидкостью, другой с бурой. Из его запасов только эти два эликсира понадобятся сегодня на охоте. Сейчас бы еще мазь для меча сварганить бы от проклятых для пущего эффекта, серебро это хорошо, но дополнительные неприятности для Потрошителя еще лучше. Однако почти все свои запасы он истратил еще под Новиградом, поэтому придется довольствоваться тем, что осталось. А тех травок, что были в четырех конвертиках не хватит даже простое зелье «Белая чайка» приготовить.

— Если б ты искал выгоду, то сейчас не помогал бы Амбрехту, а подрядился к гадюкам.

— К кому? — ведьмак непонимающе обернулся.

Рита так и стояла у двери, нервно теребя фартук. От чего-то она показалась ему такой беззащитной.

— Жители страны Аслана на юге, с которыми ты разговаривал недавно. На гербе рогатая змея, оборачивающая вокруг солнца. О них говорят, что они хитры, как змеи, и трусливы, как мыши. Наши стараются не иметь с южанами дела.

— Но с деньгами, как я догадался у них порядок.

— Да, платят они щедро за работу, это не скроешь, — подтвердила его слова Рита, — Этот, который у меня в трактире, рорхастами сорит, словно имперский камрер. И думаю, что он бы остановился в заведении получше, если б не искал тебя.

Ведьмак горько ухмыльнулся. Все-таки он был прав. Надо было сразу соглашаться.

Он медленно поднялся, шаркнув табуретом об половицы. Медальон на шее качнулся в такт движения.

Рита задрожала от шевельнувшегося в ней щупальца страха. Огонь светильника горел в спину Сарету, стоявшему неподвижно, неотрывно глядевшему на нее, как на добычу. Худую и стройную фигуру, так похожую на силуэт кладбищного гуля, о которых ей рассказывала покойная мама в страшных сказках, окутывала темень комнаты. Она пожалела, что не зажгла еще один каганец, ведь с первого раза поняла, что Сарет предпочитает темноту.

Разноцветные глаза сейчас горели странным желтым огнем, не моргали, как у портовой

черни, которая обдолбится «Крови Бэйнора». Она не видела его лица, только эти две луны на черном фоне, словно его зрачки были расширены, как дикой кошки. Трактирщица отвернулась, чтобы не видеть его, сфокусировав взгляд на грязных старых сапогах, ожидавших своей участи у входа. И зачем она снова пришла к нему? Чего она добивается?

— Хочешь, расскажу тебе какой я хороший человек? — он заговорил тихо, но от этого стало еще неприятней, хотелось сжаться в комок и забиться в угол комнаты, — Я сегодня ночью убил человека, подручного Борзого Даффа. Зовут его Бычара Рэнди, вижу знакомая тебе личность. А убил его я просто так, потому что я это умею. А знаешь, что самое забавное? Я его перед этим избил, как щенка. А когда зарубил мечом, то после стоял и смотрел, как он истекает кровью. Но ведь я мог и не убивать его. Покалечить, например, даже со сломанной рукой можно жить.

Рита не заметила, как Сарет встал прямо возле нее. Ее сердце учащенно забилося, а вот воздуха стало не хватать. От ведьмака пахло потом, но этот запах отчего-то не был для нее неприятным.

— А знаешь, зачем я это сделал? По твоей просьбе.

Девушка резко вскинула на него взгляд, в глазах горел испуг. Губы девушки задрожали.

— Я... — в горле было сухо, — Я не понимаю.

— Не понимает она, — фыркнул Сарет, — Ты думала, что я просто поговорю с Даффом, а он такой, — и издевательски изменил свой голос на писклявый, — «О, да, мастер ведьмак, я вас понял. Мой ноги больше не будет в «Хитром пескаре». Нет, дорогуша. Я должен был показать на что способен. Но ты прекрасно это знала. Я имею ввиду, как все получится, случись мне и Даффу встретиться. Не на улице, так в «Пескаре», при этом убиваешь двух зайцев одним выстрелом. Меня б потом арестовала стража, а ты чиста перед законом и трактир остается при тебе. Твой отец был неплохим военным, видать тактике тебя научил.

— Ты идиот, если так думаешь, — попыталась оправдаться девушка, — Я думала, что ты вытворишь ту же штуку, что с Монти и Уликом. Применишь свое колдовство.

— Как это лицемерно, — с гнилой ухмылкой на лице покачал головой Сарет и пропустил звонкую пощёчину, которую ему зарядила девушка.

Трактирщица застыла, сама не ожидая от себя подобных действий. Губы Сарета сжались в жесткую щелку, во взгляде его что-то изменилось, и Рите почудилось, что он сейчас схватит ее за горло и сломает ей шею. — Уходи, — так же тихо сказал он и повторил, — Уходи.

— Ты не такой, — ответила девушка, рукой нащупала ручку и, открыв дверь, спиной вынырнула в коридор.

Он прикоснулся к едва покрасневшей от удара левой щеке, неплохо так обожгло. Но девчонка молодец, что не стала спорить с Саретом и быстро убежала.

Ведь то, что рассказывали о Котах отчасти была правда. Всех ведьмаков, и Волков с Грифонами, и собратьев по Цеху Сарета, создавали в одном месте, Каэр Морхене, Крепости Старого Моря. Делали из маленьких детей, которые по разным причинам оказались в ныне разрушенной обители убийц чудовищ. Кто по Праву Неожиданности, кого-то нашли на улице, кого просто продали. Но маги-отступники выводили их разными, подстраивая процесс мутации под определенные качества. Так появились те самые Школы, каждая из которых обладала своим индивидуальным набором навыков. Котов, сделав внешне быстрее, ловчее и пластичней, внутренне ослабили. Даже при успешной трансформации тела подопытного, процесс превращения в ведьмаков нарушал их психологическое здоровье,

любой не обдуманной поступок мог вызвать неконтролируемые приступы ярости и вспышки агрессии. Не все, естественно, кому-то повезло больше, кому-то меньше.

Когда что-то получаешь, то всегда что-то отдаешь взамен, так говорил Сфинкс. Немногие из братьев смогли смириться, принять и научиться жить с этим, контролировать.

Ведьмак, выкинув из головы Риту, вернулся за стол. Проверил еще раз меч в ножнах, уложил бутылочки в поясную сумку, разместив их по отделениям. Развязал тесемки мешочка, кончиком острия кинжала подцепил маленькую щепотку белого мелкого песка и задумчиво посмотрел на огонек каганца на столе. Если он истратит этот порошок, то его уже не восполнит. Разве, что найдет какого-нибудь способного алхимика. Запасы эликсиров, при достаточном наличии денег, он восполнит, травничеству каждый ведьмак обучен. Но он до сих пор не знает, что за проклятый орудует в городе, поэтому на всякий случай, аккуратно стряхнув порошок обратно в мешочек, отправил его вслед за эликсирами в сумку.

Навел порядок на столе, и, подняв с кровати свернутый листок бумаги, расстелил его на столе. Облегченно вздохнул, карта оказалось почти сухой, лишь края намокли, и он смог внимательно изучить начерченную карту портовой части Амбрехта, которой любезно поделился с ним Бойд из архивов участка. Ноэ и Меррон доброжелательно нанесли на ней пометки, где что находится. Какие склады и пакгаузы, корабельные мастерские, разгрузочные зоны, штаб-квартиры торговых гильдий и портовая ратуша, где нашли первых жертв.

Не любил он охотиться на неизведанной и неподготовленной территории, но время было не на его стороне. Ну ничего, не привыкать.

Сарет поводил пальцем по карте, запоминая обстановку, чтобы случайно не влипнуть в какую-нибудь ловушку или тупик. Так он провел еще примерно час, пока не составил для себя несколько планов действия, хотя прекрасно понимал, что во время драки все может пойти к срамной щели.

Ведьмак потирая переносицу, глянул мельком в окно. Сквозь щели ставней видно было, что ночь безудержно приближается, хотя из-за туч, заполонивших небо и льющего дождя круглые сутки, казалось, что стоит вечный вечер. Что ж время у него еще есть, на охоту он выйдет через час после наступления полуночи. Заранее постарается обойти порт по выученному маршруту, если получится. Думается, что Потрошитель вряд ли появится раньше.

Ведьмак отложил карту рядом с серебряным мечом и сумкой, потушил светильник, мгновенно укутавшись в темень, и лег в кровать...

...Сон улетучился в тот момент, когда раздалось неуверенное шарканье ног у порога. Сарет проснулся мгновенно, привычка, выработанная годами еще со времен Каэр Морхена, сработала как всегда вовремя. Он продолжил лежать, не открывая глаза, но прислушиваясь к тому, как кто-то топтался у двери. Перевалился на спину, закинув правую руку под подушку и нащупав рукоять кинжала, который положил туда заранее.

Сарет ожидал услышать шелест вынимаемого из ножен стилета, или взводимый арбалет, но слышал только частое дыхание его обладателя. Вернее обладательницы. Возникло чувство, что уже подобное с ним случилось буквально сегодня.

В тот момент, когда дверь открылась, он уже догадался, что это снова Рита. Мгновение Сарет хотел высказать, что он думает о ней в грубой форме, но до его ноздрей донеслось легкое дуновение винного амбре. Так и остался лежать, не открывая глаза, надеясь, что она уйдет, если поймет, что он спит.

— Сарет, ты спишь? — голос девушки заплетался, слова она выговаривала с трудом. Скорее всего одним кувшином вина дело не обошлось.

Ведьмак молчал.

Рита постояла на пороге, неловко топчась, словно решала, что делать дальше. Силуэт убийцы чудовищ неподвижно лежал на кровати, но она не могла различить, смотрит на нее он или нет. Именно сейчас хотелось, чтобы глаза ведьмака горели тем огнем.

— Я...хотела извиниться... — она сделала шаг к нему и остановилась, послышался глубокий плоток. Да она и алкашку с собой прихватила, — Я прекрасно знала...чем может обернуться твоя встреча с Борзым, — девушка, решившись наконец, подошла к делавшему вид, что спит ведьмаку, — Поэтому и пошла к тебе с этой просьбой...Признаться, я даже надеялась, что ты убьешь Даффа, но о последствиях и не думала. Я просто ухватила за эту возможность...Ты слышишь меня?

Сарет продолжал лежать с закрытыми глазами, сохраняя безмятежное выражение лица.

— Может это и к лучшему, что ты...спишь, — продолжила Рита, не дождавшись ответа, — В противном случае ты бы мне и слова сказать не дал, не так ли? — вновь звук плотка, — Хи, напилась, как пьянчуга малолетняя...Так о чем я...А, вспомнила...ты же действительно не такой, каким всем хочешь показаться. Это все маска, та, которую рассказывают о ведьмаках со знаком кота. Может и многие из вас и получают удовольствие, когда убивают, но я видела твой взгляд, когда ты зачаровал Монти и Улика. Нет, ты не Кот из Йелло, и не Блавикенский Мясник. Ты человек, а не бездушный убийца. И не слушай никого, чтобы они не говорили. Не знаю, причину по которой ты решил начать новую жизнь в Эллиниаре, но действительно начни ее. Живи, так как считаешь нужно, и живи прав...льно. Не всем нам Высшие дают такую возможность.

Они присела на край ложа, послышался стук кувшина или бутылки об пол. Теплая и вспотевшая ладонь легла ему на голую и безволосую грудь.

— Я хочу поблагодарить тебя...за то, что ты сделал для меня...Возможно я пожалею об этом завтра, но ведь это будет завтра, не так ли? — Рита наклонилась к его лицу и прикоснулась своим губами к его.

Запах вина стал сильнее, ее губы были влажными и мягкими, но Сарет не ответил на поцелуй.

— Действительно спишь... — задумчиво произнесла девушка, и легла рядом, пристроив голову ему на груди и обняв за талию.

Через мгновение ее дыхание успокоилось, и послышалось сопение спящей. А на лице ведьмака застыло глупое выражение.

Глава 6

Сарет пропустил мимо троих матросов, сошедших на берег с небольшого когга, с галунами на камзолах в виде вздыбленного золотого льва на треугольном щите, клявших погоду и ленивого фонарщика, который не озаботился, чтобы зажечь светильники, и вышел из темени какой-то покосившийся хибары. Они его даже не заметили.

Сарет постоял прислушиваясь к их разговору. Вели они себя очень смело, гоготали на своем странном языке, звучащем резко и жестко. Сарет лишь мог догадываться о чем они говорили, но наверняка весло клали матросы на комендантский час, и не дай Высшие какой-то там Потрошитель посмеет появиться на их пути к борделю.

Ведьмак усмехнулся, нисколько не удивляясь их смелости. Сколько их таких потом с мокрыми портками забиваются в угол, когда какая-нибудь тварь готовится намотать их кишки на когти. Надвинул капюшон плащ-накидки по глубже на глаза, защищаясь от дождя, и направился в противоположную сторону. Там по его памяти должны были располагаться погрузочно-разгрузочная территория и ремонтные мастерские.

В порту постепенно становилось безлюдно, но жизнь в нем все же не замирала даже ночью. Ее не мог остановить ни комендантский час, ни рыскающее в ночи чудовище. Конечно местных попадалось ему на пути все меньше и меньше, Мюрис сказал ведьмаку, что на улице давно царствует час совы, то есть уже наступила полная ночь, как и рассчитывал ведьмак. Все таки навыки, вбитые в башку не искоренить, и Сарет инстинктивно определил время.

Рабочие давно укрылись там, гделюдно и безопасно. Вахтенные на складах и в мастерских, свободные от смен либо в трактирах или борделях, либо по домам.

Если бы птицы могли летать в такую погоду или хотя бы имели желание выглянуть из щелей из-под крыш, в которых они укрывались от ливня, то увидели б одинокую фигуру. Она не жалась к складам или другим зданиям, скрываясь от посторонних глаз, а медленно брела прямо посреди дороги, пробираясь сквозь течение мусорного и грязевого потока. Рукоять меча со скалящейся мордой кота, выглядывающая из-под промокшего насквозь плаща над правым плечом, мерно покачивалась в такт его спокойных шагов. Два бутылка с неиспользованными эликсирами и заветный мешочек с порошком и железными шариками ждали своего часа. Добрый кинжал, как всегда прятался в ножнах сзади на пояснице.

Незажжённые фонари, в отличии от тех матросов, не вызывали у него какого-либо беспокойства. Желто-зеленые глаза с расширенными зрачками высматривали любую мелочь. Например, ту серую мышь, грызущую кочерыжку от капусты и рыжего кота, притаившегося на штабели гнилых досок в пяти шагах от грызуна, чтобы совершить один единственный удачный прыжок на свой ужин. Чуткий слух разбирал в зернохранилище, мимо которого он проходил, ругань рабочих, даже голос Пилиба расслышал, скрип горделей и веревок, которыми поднимали грузы и грохот молотков. На мгновение возникла злая мысль навестить своего нового друга, но тут же исчезла.

Ведьмак шел по окраине прибрежной полосы, но не спускался на дощатый причал.

За спиной послышался шум возни и отчаянный мышиный писк, резко оборвавшийся, Сарет порадовался за кота. По крайней мере одному коту сегодня повезло на охоте.

Корабли, надежно пришвартованные неспокойно покачивались на волнах, команд не было видно, трапы подняты. Паруса спущены, спрятаны мешковиной от дождя и ветра,

флаги опустили еще вечером. Все укрылись от дождя в жилых палубах. Вдалеке горел огонь маяка, одинокого помощника морским путешественникам, даже в такую ночь он не спал, а бдел. В акватории залива, не далеко от причалов, стояли заякоренные судна, которые не успели до ночи войти в порт. По водам от греха подальше не сновали лодки портового контроля. Городовых он не видел и на берегу. Люди Бойда ждали рассвета в другой части Амбрехта, готовые по первой команде рвануть в порт.

Внезапно, Сарет поймал себя на мысли, что интуитивно ищет «Морского льва». Капитан Хагторп сказал, что пробудет в Амбрехте четыре дня, прошло два, значит шхуна должна быть в порту. Действительно, пройдя чуть подальше, он увидел корабль на причале. Сарет остановился напротив него, сиюсь рассмотреть кого-нибудь на палубе. Скрипели снасти, волны бились об корпус, ливень пытался пробиться в каюты к команде.

На палубе появился матрос с фонарем, напоминающем пивную кружку, в руках, укрывавшийся широким плащом. Должно быть вахтенный вышел, чтобы проверить, как закреплены веревки к палам. В такую непогоду, если халатно отнестись к безопасности, можно на утро оказаться где-нибудь в центре залива, и очень повезет, если не столкнется с каким-нибудь другим кораблем. Матрос прошел вдоль фальшборта, прикрываясь плащом и освещая себе путь фонарем, когда заметил замершую на берегу одинокую фигуру. Он приподнял фонарь повыше, чтобы рассмотреть незнакомца, похожего на призрака, но сильный порыв ветра всколыхнул плащ, сорвав капюшон с головы, и в лицо матроса ударили холодные капли дождя. Тот смачно выругался, чуть не выронив фонарь, вновь одел капюшон, но когда взглянул на причал, то ведьмака на нем уже не было. Матрос испуганно осенил себя знаком Вечного Огня, прочитал молитву и принялся дальше проверять швартовку. В этот раз он старался сделать все побыстрее, чтобы как можно скорее оказаться поближе к очагу и своим товарищам.

За свою жизнь Сарет не один раз бывал в портах родного Континента, к тому же карта, что дал ему Бойд оказалась подробной, поэтому он не переживал, что может заблудиться. Все они были похожи друг на друга. Он припомнил, как охотился на *лемуров* в порту Боклера, которые завелись из-за слишком науколюбивого алхимика. Тот перевозил трупы кораблем себе в лабораторию, чтобы проводить опыты. То ли те оказались погребены не подобающим образом и звезды легли не правильно, то ли еще проклятие какое свершилось, но однажды обнаружили тело со следами ладоней с длинными пальцами на горле. Стража обвинила какого-то мертвецки пьяного нильфгаардского матроса, которого нашли спящим неподалеку от трупа, но свидетели рассказывали об ужасной нескладной тощей фигуре с красными глазами, которая появлялась из ниоткуда и исчезала в никуда. Затем появилась новая жертва, а фигур стало две. Вскоре их количество увеличилось до пятнадцати, пока командир гвардии княжества Туссент, которому тамошняя правительница поручила расследовать это дело, сообразил, что следует нанять ведьмака. Сарету повезло тогда с Контрактом, потому, что в то время в городе гостил еще один ведьмак, но последний внезапно уехал и у командира гвардейцев не было другого выхода, как нанять Кота. Сарет сразу догадался в чем дело, уже не раз упокаивал лемуров, даже не пришлось долго блуждать, как сейчас по порту, а ведь дело шло зимой. Все убийства были совершены возле причала, и ведьмак предположил, что первоначальный злобный дух зародился на одном из кораблей. Он наткнулся на их когарту и, стуча молотком в медный щит, погнал духов прочь, при этом спас какого-то забулдыгу. Те привели его к кораблю, нанятому алхимиком, там Сарет обнаружил “подопытных” ученого, семь трупов, и не, разбираясь, набил всем рты

черными бобами и сжег судно до тла. Сарета конечно поблагодарили, заплатили аж семьсот флоренов и очень убедительно попросили, как можно быстрее убраться из Боклера.

Углубляясь в вонючие закоулки порта, в какой-то момент он понял, что преодолел невидимую черту, отделяющую жилую часть от доков. Здесь уже не встречались праздно шатавшиеся амбрехтцы, пытающиеся скрыться в тенях домов подозрительные личности с блестящими стилетами и размалёванные девицы с грязными и воняющими мокрой псиной волосами, зазывающие расслабиться после трудного дня. Были только бедняки с гнилыми зубами и перекошенными в дерганых гримасах рожам, которым некуда было податься. Одни пытались укрыться больше от ночи, чем от дождя в самодельных жилищах, построенных из лодок с проеденными короедами днищами, или в сколоченных из останков ящиков и прочего мусора конурах. Сарет словно вернулся в порт Цинтры его родины, когда вспыхнула кровавая лихорадка Красной Смерти. Только вместо бедняков в темных углах лежали трупы...Кучи трупов...Цинтра очень долго не могла потом оправиться от этой болезни, унесшей жизни почти всего города.

Портовая чернь провожала его горящими глазами с такими красными белками, что радужка и зрачки терялись в них, должны быть об этом говорила Рита, когда упоминала наркотик «Кровь Синекудрого Бэйнора». Ни один из них не рискнул вылезти из нор, чтобы перейти дорогу ведьмаку. Будь другое время, не нынешнее, стычек бы не миновать, но сейчас даже дождь не мог смыть смрад страха, витавший в доках. Им был наполнен каждый уголок этой части порта. Каждый склад или кладовая, краны с лебедками для разгрузки товаров, обычные деревянные столбики, разбитые бочки, глиняные черепки, хрустящие под крепкой подошвой его сапог, и даже корабли на наклонных стапелях, закреплённые канатами к мертвым якорям.

Страхом перед тварью, охотящейся в порту.

Сарет остановился перед вытянутой на берег каравеллой, задумчиво изучая пробитый чем-то огромным корпус. Возможно нарвалась на подводную скалу, хотя залив Акуля Пасть, наоборот, в этом плане считался чист. Корабль только начали латать, рядом лежали, укрытые холстиной штабели свежих дубовых досок. Оознавательные знаки в виде флагов или в виде щитов на корме были сняты, но по характерной носовой надстройке мог предложить, что это каравелла из Вызимы, королевства его Родины, хотя и не бился об заклад.

Убийца чудовищ спрятал руку под плащом и достал краюху ржаного хлеба, прихваченную в трактире, принялся его жевать, внимательней рассматривая следы повреждений. При пристальном рассмотрении, версия с подводной скалой отпала напрочь. Края пробоины на корпусе имели треугольные формы, словно кто-то клювом отрывал доски, пытаясь добраться до содержимого корабля. Рядом были вмятины трехпалых лап, широких, как колонны Храма Мелитэли в Элландере. Часть фальшборта и кормовой площадки над пробоиной разворотили, будто били гигантским молотом. По началу Сарет предположил, что это драконопаха похозяйничала, но этот гибрид гигантской черепахи и драконида обитал в основном в болотах и руслах рек. Вряд ли она выбралась в открытое море...Хотя это был совсем другой мир, здесь все могло пойти абсолютно иным путем.

За небольшим зданием, расположенным рядом с каравеллой, послышалась возня и разговор, состоящий в основном из ругани, несколько тяжелых ударов. На мгновение глаза ведьмака радостно блеснули, но потом он сообразил, что Потрошитель вряд ли б говорил по человечески, хотя он мог и не принять облик чудовища и пытался заманить его в ловушку. В

том что проклятый умен, он понял еще в первую их встречу. Сарет протолкнул в внезапно пересохшее горло кусок хлеба, остатки краюхи спрятал за пазуху, этой же рукой расстегнул пряжку на ремне ножен, и осторожно двинулся на звук.

Сарет осторожно крался вдоль стены, правой рукой касаясь эфеса меча над плечом и готовый скинуть плащ левой, чтоб не мешал. И без того четырехкратно замедленное сердцебиение почти остановилось, если там действительно был Потрошитель, то он его не услышит. Заглянул в небольшое квадратное окно, сделанное в стене халупы. Внутри помещения было темно и безлюдно. Судя по стамескам, топорам, рубанкам и молоткам, лежавшим на столах в беспорядке и древесной стружке, домик оказался портовой плотницкой.

— Чего ты там лепечешь, Серлас? — услышал он рыкающий голос, — Говори громче! И не думай позвать стражу. Они сегодня обходят порт стороной.

Ведьмак замер, услышав знакомое имя, и расслабился.

— Я не хотел тебя оскорбить, Терло, — голос действительно принадлежал тому самому тальману, — Но Дафф сказал, что мой долг в «Амбрехтской монете» прощен. Раблэ Белфойер должен знать.

Ему не дали договорить, сильным тычком кулака в живот выбив остатки воздуха. Серлас закашлялся, сквозь хрип слышался стон.

— Дафф теперь ничего не решает, дружище, — продолжил говорить все тот же рыкающий голос, — Не завтра, так через неделю его повесят, как только стража разберется с чудовищем. Теперь город принадлежит Белфойеру Парту. А он долги прощает тем, кто их выплачивает.

Н-да, свято место пусто не бывает, подумал ведьмак. Не успел еще Борзый *станцевать с одноногой вдовой*, как на его место наметился новый атаман.

— Я все верну раблэ Белфойеру, — взмолился откашлявшись Серлас, — Клянусь Келлумом.

— Ты должен был вернуть еще позавчера, а вместо этого пошел играть к Силу.

— Я ж хотел выиграть, чтобы выплатить, — учетчик почти плакал.

За спиной ведьмака раздался кашель и из переулка выскользнули еще две худые тени, кутающиеся в такие же плащ-накидки, как и у ведьмака. Один подсвечивал себе путь фонарем, все-таки отсутствие освещения в эту ночь плохо сказывалось на людях.

Сарет не стал прятаться, они шли прямо в его сторону, а значит все равно б нарвались на него.

— Вот демоны, траханная псина! — вскрикнул один из двоих, хватаясь за антелас под плащом, когда убийца чудовищ возник перед ними, словно материализовался из ночи.

— Ты еще кто такой?! — второй быстро взял себя в руки, приподнимая фонарь выше, — Твою мать! — выругался он, когда свет фонаря выхватил из темноты бледное лицо Сарета, у которого сузились зрачки до щелочек, и осенился себя каким-то знаком, напоминающим круг.

— Скалли, что там у вас? — насторожился Терло, услышавший их возгласы, и пнул Серласа, — Да, заткнись ты!

Сарет примирительно поднял руки, показывая, что не вооружен, но встал так, чтобы спину ему прикрывала стена плотницкой. Сейчас у него не было желания ввязываться в неприятности.

— Я не хотел вас напугать, милсдари.

— А ты не охренел ли?! — взъярился первый, руку с меча не убрал, — Это наш район и мы здесь напугаем кого хочешь. Теперь, надо разобраться чего ты тут делаешь, лунчд?

— Ничего, добрые милсдари, — ведьмак выдавил из себя доброжелательную улыбку, — Считайте, что я заблудился и свернул не в ту сторону, — но отчего то он сомневался, что им понравится это оправдание, — Я пойду, хорошо?

Его товарищ все еще испуганно смотрел на ведьмака, и внезапно его лицо изменилось в узнавании.

— Скалли, — второй с фонарем повернулся к товарищу, — Слышь, это походу ведьмак, о котором говорят в городе.

— С чего ты взял, Вилли? — он откинул капюшон, чтобы лучше рассмотреть незнакомца с бледным лицом. Длинные пшеничного цвета волосы миглом намокли, холодная вода потекла по жиденьким усикам под кривым носом.

— Ну, а кто еще меч носит по-дурацки, — пояснил Вилли.

— Тогда чего он делал в мастерских? На алькальда работает? — недоверчиво переглянулся с товарищем Скалли.

Ведьмак еле сдержал свое едкое чувство юмора, чтобы не согласиться с ними, ведь он действительно работал на Бойда, но в этот момент из-за плотницкой появился Серлас, которого за шкурку вел коренастый мужчина в широкополой шляпе, отлично защищавшей от дождя, кожаный плащ с прорезями под руки по бокам и роговой застежкой у горла, старом камзоле до середине бедер в пятнах от морской соли, штанах из лосиной кожи, и сапогах до колен. Под камзолом пояс, на нем ножны с коротким мечом. Взгляд подозрительный, борода клинышком, справа отсутствует пол уха, широкие губы пересекает белесый шрам.

За ним шел долговязый и шуплый человечек, внешне абсолютно не похожий на бойца, но одного взгляда Сарету хватило, чтобы ему он не понравился. Вроде внешне не примечательный мужчина лет сорока в традиционной плащ-накидке и капюшоном на голове. Обычный потрепанный гамбезон в зеленую полоску с широким воротником для защиты от ветра, на груди застегивался на ремешки. На бурых штанах слева огромная латка, видно, что шил сам человек, а не профессиональная швея. Высокие сапоги до колен, обмотаны какими-то тряпками. Из под капюшона прекрасно видно длинные пепельно-ржавые волосы, продолговатое лицо с острым носом, втянутыми щеками и плотно сжатыми губами.

Дело было в его длинном мече с обычной крестообразным эфесом, что весел на простом поясе, на грушевидном навершии которого были сложены руки в странных коротких до запястья перчатках. Сарет уже видел подобные клинки в Северных Королевствах, и у них были обычно другие головки на рукоятях.

— Ну чего тут делается, Скалли? — поинтересовался Терло, когда вышел на свет и смог разглядеть всех. Его напарник встал чуть позади товарища, но так, что мог легко оказаться между ними в случае опасности.

— Да, вот, Колун, — Вилли ответил за друга, посвятив в сторону Сарета, — На ведьмака наткнулись.

— Ведьмака говорите? — присвистнул Терло, — Неужели?

Незнакомец с длинным мечом посмотрел на ведьмака своими маслянистыми серыми глазами с интересом, склонив голову на бок, словно тот рыжий кот на мышь в порту. И если Скалли и Вилли рядовые шестерки, Колун простой выбивала долгов, то этот был настоящим убийцей, и работой такой на Даффа на улице Ристерда, одним ударом Сарет б не управился.

А если догадка о мече окажется правдой, не ясно кто вообще выйдет победителем.

Сарету очень захотелось поговорить с незнакомцем наедине.

— Так это правда? — Колун обращался к Сарету, — Ты и есть тот самый ведьмак, который уложил Рэнди Бычару?

— Да, да, Терло, — залепетал Серлас, кивая головой, так, что она сейчас могла отвалиться, — Это он. Тот самый ведьмак.

— Да, заткнись ты! — рявкнул выбивала долгов, и отшвырнул его в объятия Скалли. Бандит поймал тальмана за рукав камзола, и засадил кулаком в живот, чтобы у того не возникло желания рыпаться.

Ведьмак перевел взгляд с незнакомца с мечом на Терло и спокойно ответил:

— Да. Я Сарет из Крейдена.

— Вот те на, я думал ты больше, — захихикал Терло, видимо решив, что шутка у него вышла забавная.

— Не ты один, — буркнул в ответ Сарет, — Но потом они жалели о своем первом впечатлении, — он уже понял, что просто разговором не обойтись.

— Эй, слышь, лунчд, повежливей, давай? — вмешался Вилли, шагнув вперед, — А то мы мигом тебе пыл твой поумерим. Или ты еще не понял с кем имеешь дело?

Сарет не ответил, его в этот момент озадачила вибрация медальона под курткой. Он даже коснулся груди, но на этот жест никто не обратил внимания. Разве что кроме незнакомца с длинным мечом, но тот не стал хвататься за меч, а лишь вопросительно изогнул бровь.

— Это кто поумерит то? — в это время удивленно засмеялся Колун, — Ты, что, Вилли, внезапно набрался мастерства в кулачном бою? Или забыл, как он четверых людей Даффа разделал без оружия? Труп Бычары тебе ни о чем не говорит? А слухи, что он чуть не завалил этого Потрошителя? Думаю из нас кто и сможет схватиться с ведьмаком так это Неис, да? — Терло глянул на своего напарника, — Как тебе мысль схватиться с земляком, а?

Сарет отвлекся от изучения окрестностей, едва сохраняя каменное выражение лица. Теперь он точно уверился в своих догадках и прекрасно понял, кто стоит перед ним. И с одной стороны был рад, а с другой разочарован.

Убийца заговорщицки подмигнул Сарету, и по кривой мелкозубой улыбке понял, что незнакомец не горит желанием скрестить с ним мечи.

— Но, мы это не узнаем, даже если ребята захотят сами. Раблэ Белфойер взял ведьмака под свою опеку. Думаю, что не стоит объяснять, что это значит.

Теперь ведьмак изумленно повернулся к Терло, боковым зрением заметив, что Неис вновь ему подмигнул. Его товарищи вместе с Серласом застыли с открытыми ртами.

— Да, дружище. Белфойер Парт благодарит тебя, за то, что ты устранил Борзого с его пути и теперь Амбрехт принадлежит ему единолично.

— Я даже не знаю кто это такой, — заметил озадаченный Сарет.

— Это не важно, монстробой. Главное, что он тебя знает. Ты ж теперь знаменитость Амбрехта. И еще, ведьмак. Раблэ Парт в курсе из-за кого ты встрял в разборки с Даффом. Он берет трактир «Хитрый пескарь» и девчонку с еще шкетом под свою защиту. И без каких-либо процентов. Господин Белфойер умеет ценить людей, которые оказывают ему услугу.

— Я никому ничего не оказывал, — фыркнул Сарет, вновь осмотревшись по сторонам. Медальон теперь молчал. Курва, вот бы не упустить тварь за всеми этими разборками и беседами.

— Но тем не менее оказал, ведьмак, хотел ты этого или нет. И еще, монстробой. Белфойер передает, что если тебе нужна будет подработка или вдруг еще че, то обратись к любому в «Амбрехтской монете».

Ведьмак украдкой глянул на Неиса, ища подсказки, но убийца стоял не подвижно, сохраняя каменное лицо.

— Ладно, монстробой, — закончил Колун, — Вижу, что ты занят делом. Выслеживаешь эту тварь. Пусть Высшие осветят тебе Путь, дружище, и мы не будем тебя мешать. Да и самим не хочется угодить к Потрошителю на ужин, слишком долго эта тварь здесь хозяйничает. Сидели б сейчас борделе у Куколки Эйлис, если б один олень не решил побегать от нас.

И Вилли отвесил портовому учетчику затрещину, от которой тот смешно пискнул.

— Подождите, — остановил их Сарет, — То есть проститутки не единственные жертвы? Были еще?

— Да эта тварь себе трапезную в порту устроила, — ответил Вилли, — Но до этого жрала местную чернь. Года полтора уже как.

— Все, харэ разглагольствовать. Решение Парта передано, и хватит лясы точить. Пошли, парни, — скомандовал Терло, махнув рукой.

Скалли дернул Серласа за шкуру, и тот скуля, что вернет долг, поплёлся туда, куда повели его люди Белфойера Парта. Вилли просадил учетчику пинка под зад, чтобы тот поторопился, и вся банда сопровождала это лошадиным ржанием. Проходя мимо ведьмака, Неис остановился рядом с ним.

— Рад видеть, что не только мне пришла в голову подобная идея, ведьмак, — голос у него был под стать его внешности, не громкий и не низкий, обычный.

— Не вижу твоего цехового знака, — Сарет внимательно осматривал собеседника.

— Я давно его не ношу, Кот, — Неис прекрасно видел, что ищет Сарет, погладив наверхие меча, — Я перестал быть ведьмаком, как вступил на палубу корабля идущего в Эллиниар примерно год назад, а медальон и серебряный меч выбросил в океан. Поэтому мой Цех тебе ничего не скажет. Здесь я начал новую жизнь.

— И что, ничего не екнуло? — съязвил ведьмак.

— Странно слышать подобные слова от Кота. Сколько ваших сменили амплуа? Почему *другим* нельзя? И не надо мне тут рассказывать о высоком предназначении защищать людей от порождений тьмы, которым нас пичкал в Каэр Морхене Весемир, — Неис засмеялся, — Ведьмаки вымирают, они никому уже не нужны. Даже в Эллиниаре, тут своих храмовников хватает. А вот хорошие убийцы редкость, а с нашими навыками... — он замолчал, исподлобья разглядывая Сарета, — Я это понял год назад, ты это поймешь позже и вспомнишь меня. Ни алькальд, ни горожане не будут тебе благодарны, да ты это и без меня понимаешь. Все, абсолютно все делается, чтобы потом поиметь выгоду. Алькальд твоими услугами заработает почет у бургомистра и местных, а тебя погонят из города огнем и вилами. Думаю, что и ты разобрался с Даффом не по доброте душевной, а заплатила тебе за работу та девчонка, хотя если это правда, то ты продешевил. Парт отвалил бы тебе целое состояние за голову Борзого. Ладно, мне тоже надо идти, а то вдруг появится тварь, на которую ты охотишься, а это работа для настоящего ведьмака. И еще, Сарет... Руки не мерзнут? — внезапно спросил Неис, — Ха, я помню, как тоже без нихера приплыл в Амбрехт. А уж, как драться под дождем голыми руками, знаю не понаслышке, — он снял свои перчатки с рук и вручил их ведьмаку, — Держи. На заказ шил у одного гнома в

Дэйдхаре. Таких не найдешь и просто так не купишь.

Сарет принял подарок из рук бывшего ведьмака, чувствуя странную шершавую и плотную ткань под пальцами, из которой они были скроены.

— Тоже даришь с выгодой? — поинтересовался он с ехидством.

— Удачи на Пути, ведьмак, — Неис хлопнул по плечу убийце чудовищ, — Может еще свидимся. По крайней мере мне б этого хотелось. Очень. И не забывай, что Эллиниар другой мир.

— Постой, — внезапно остановил его Сарет, ухватив за рукав гамбезона, — Почему ты не пробовал убить Потрошителя?

— Так это работа для ведьмака, не так ли? — Неис подмигнул ему, аккуратно освободил рукав из его хватки и кивнув головой на прощание, и пошел за своими товарищами.

Сарет проводил взглядом бывшего собрата, в душе надеясь, что тот обернется хотя бы раз, но Неис исчез за углом первого же здания, оставив того в одиночестве.

Сарет стоял не шевелясь под дождем и смотрел на перчатки, сжимаемые в ладонях. Вода ручьем стекала с его плаща, образуя под ногами большую лужу, голые ладони действительно онемели, но он счел этому причину вовсе не холод.

Плюнув на все, ведьмак одел перчатки на свои руки, чувствуя, как они приятно облегли ладони. Они были не длинными и достигали запястий, имели ремешковую регулируемую застежку для более надежного обхвата. Станный черный плотный материал прекрасно отталкивал влагу, а железная набойка в виде кастета защищала костяшки пальцев от удара. Со стороны ладони и внутренней части пальцев имелись вставки из козьей кожи, что хорошо увеличивало трение с соприкасающейся поверхностью.

Он выхватил кинжал и крутанул его «мельницей», пальцы оставались подвижными и чувствительными. Сарет кивнул сам себе, одобряя работу местных гномов.

Из-за забав с кинжалом его вывела очередная вибрация медальона, Сарет одним движением спрятал клинок в ножны на поясе, и прислушался вокруг, убирая в сторону шум дождя. Похоже причина скрывалась где-то в стороне каравеллы, и даже расширенные зрачки не могли найти его. Зародилась мысль, что стоит выпить эликсиры.

— Я все думаю, ты долго будешь прятаться или все таки выйдешь? — крикнул Сарет в пустоту, по частому дыханию, он распознал человека.

Где-то на палубе каравеллы что-то грохнулось, словно подслушивающий не ожидал оклика и упал с какой-то опоры, потом он же мягко откуда-то спрыгнул. Послышались шаги подкованных сапог, и до того, как их обладатель появился, Сарет уже понял, кто это был.

— Как ты догадался? — Ноэ вышел из-за корабля, — Я могу часами сидеть в засаде и не один бандит или его лошадь меня не услышат.

Он был похож на вымокшего насквозь дворового пса, а не на того красавца, который пылал праведным гневом на участке. Волосы, ранее уложенные в аккуратную прическу, теперь походили на мокрую тряпку, какую видел Сарет у полового в «Пескаре». Лицо словно похудело, скулы заострились, под глазами появились синяки. На обычной стеганной куртке порван рукав, на коленках штанов грязные от сырой земли пятна, плащ отсутствовал, на сапогах следы навоза. Не видел ведьмак и палаша, будто главный старшина стражи портового контроля вышел на ночную прогулку.

— Я говорил, чтоб вы с Меррон не брали с собой свои амулеты, — зло ответил Сарет, его напарнику он не слышал. Либо он пришел один, либо она притаилась, не выдавая себя.

— Проклятье, он меня выдал? Забыл его снять, — Киган проследил за взглядом монстробоя, — Не ищи Калвах, ведьмак, я один.

Сарет отошел от плотницкой, озадаченный тем, как Ноэ смог рассмотреть, то что он высматривал старшину второй статьи. Городовой с загадочной улыбкой следил, как Сарет осторожно выходит к нему.

— Только, что-то я не вижу его, — кивнул головой ведьмак, намекая, что тот раньше висел у него на груди.

— Да зацепился, когда выбирался из стапелей, — он убедительно постучал по карману штанов, — Дома сменю потом шнурок. А я смотрю, ты успел познакомиться людьми Парта, говорят, что теперь он подмял под себя все подполье после того, как мы арестовали Даффа, — городовой попытался увести разговор в другую сторону.

— Что ты здесь делаешь? — ведьмак был напряжен, как взведённая арбалетная тетива.

— Да я просто хотел тебе помочь, монстробой. Чего ты такой нервный? — он улыбаясь сделал шаг вперед, но ведьмак остановил его, выкинув руку вперед:

— Стой, где стоишь, Киган, — крикнул он, правой рукой хватаясь за рукоять меча, — Решил мне помочь, говоришь? А где твое оружие? И почему ты не в форме стражи? Не хочешь, чтобы тебя случайно приметили местные?

Ноэ замер, лицо его мрачно поморщилось, брови нахмурились, а затем губы растянулись в улыбке. Он принялся расстёгивать куртку, сбросил ее прямо на землю в грязь, шагнул в сторону убийцы чудовищ, наступив на нее. Дождь не доставлял ему неудобства. Рукава его рубахи были закатаны, предплечья обеих рук покрывали шрамы от ожогов. Очень быстрая регенерация, заметил ведьмак, быстрее чем у оборотней. Меньше суток прошло, а остались лишь шрамы, но скорее всего и они пройдут.

— Думаю, что ты обо всем догадался, да? — обратил внимание Киган, на то, как тот смотрит на его руки, но голос его был равнодушным и не проявлял какой-либо озабоченности, — Не буду кривить душой, но ты меня жестко поджарил, к этому я был не готов.

Плащ слетел с плеч Сарета и тоже упал на землю одновременно с выхватываемым мечом. Ведьмак отступил на один шаг от Кигана, но клинок не поднимал, опустил его вдоль правого бедра. Про себя думал, что зря все таки не выпил зелья, когда было время.

— О, а это другой меч, — заметил стражник, — Красивый. Серебряный, да? Думаешь он поможет? — Ноэ распахнул рубаху, показав безволосую мускулистую грудь, — Прошлый твой меч не очень, — не было даже шрама.

Дождь стал реже, вновь превратившись в мелкую морось. Киган задрал голову вверх, посмотрел на затянутое тучами небо.

— Паршивая погода, Сарет, чтобы умирать, — он вытер лицо от воды, — Но, к сожалению, тебе придется. Я возьму твою железяку себе потом? На стену повешу над кроватью.

— Не слишком самоуверен, Киган? — едко усмехнулся Сарет, крутанув мечом в кисти, разбрызгивая капли дождя с гладкого лезвия. Перчатки действительно были хороши.

— Я мог убить тебя еще вчера ночью, мутант. И твое колдовство тебе б не помогло. Мог убить тебя вместе с твоими новыми друзьями сегодня. Но не стал этого делать. Я хочу предложить тебе сделку. Уезжай из города, монстробой. Эллиниар большой, найдешь себе работу в другом городе.

— Ты второй человек за эти два дня, который предлагает мне уехать из города, — Сарет

положил левую руку на клапан сумки.

— Это означает, что ты не слушаешь меня? — Ноэ хищно прищурился.

— А что делать с местными? Оставить тебе их на съедение?

— А кого ты собрался защищать? — удивился Ноэ, — Этих мерзких проституток? Или этих бедняков, которых и так убьет голод или наркотики? Да благодаря мне этот мерзкий город очищается от их скверны, — его потрянуло от злости, — От их сраных болезней! — выкрикнул городской с такой силой, что брызнул слюной.

— Сдается мне, что ты что-то подцепил, — догадался ведьмак, — Странно. Судя по твоим ранам, на тебе заживает быстрее, чем на бродячей псине.

— Проклятый Изначальный, а ты действительно умен, как сказала Меррон. Но не настолько опасен, как она меня убеждает. Я неуязвим в другом облиции, — процедил сквозь сомкнутые губы стражник, — Понимаешь в чем проблема, Сарет. Во всем виноват тот случай со мной и Меррон четыре года назад. Когда наш корабль разбила ахадская эскадра, — и неприятно поморщился, — Тебе же о нем обязательно рассказали. Амбрехтская легенда, мать ее, — он сплюнул в грязь, — Для них это красивая сказка, о силе духа и молитвы Высшим. Но эта, сука, легенда изменила мою жизнь. И проклятый Вин-Диг, — он задумался, но через пару мгновений, продолжил, — Ты когда-нибудь испытывал голод, мутант? Нет, можешь не отвечать. По твоим шелудивым глазкам вижу, что испытывал. А если этот голод длится блядских сорок семь дней? Не знаю, как...вернее знаю, но тебе это не надо, это стало моим проклятием. Я всегда голоден. Ем, как боров, а насыщения нет. Из-за этого проклятия я по первой пытался жрать зверей за городом, но их мяса хватало меньше, чем на три дня и вновь желудок крутило от голода. Как-будто половую тряпку выжимали. Я каждый день боялся, что могу сорваться и все узнают, что я проклят, — ведьмак не перебивал его, слушал внимательно и осматривал местность вокруг, а левой рукой теребил шпенек на бедренной сумке, выжидая удобный момент, чтобы достать бутылки, — Но однажды на меня как-то напал вор. Был бы я в форме, то он может и обошел меня стороной. Завязалась драка, а я знаешь ли лучший кулачный боец в Амбрехте, если не в Омеле. Но этот урод был массивным и каким-то образом очутился за моей спиной, стал меня душить. И я укусил его до крови за руку. А дальше все, как в тумане.

— Проклятый взял свое, — ведьмак не спрашивал, а просто констатировал факт.

— Да, — в глазах Ноэ мелькнуло огорчение, — Я выел его печень, сердце, почки, и все мягкие места. И знаешь, что? Так я еще не наедался. Четырнадцать, мать его, четырнадцать дней я жил спокойной жизнью. Дрался в подпольных боях, пил, трахался и нес службу. И я решил, что буду жрать людей, то только этих мерзких червяков, что выживают в порту, — он раскинул руки, словно хотел обхватить все доки, — Меньше грязи-чище город. И не какой суеты от властей.

— Никто не будет тратить свое время, чтобы найти убийц какого-то бедняка, — закончил его монолог Сарет.

— Все, наоборот, проще, лунчд, — засмеялся Киган и глубине его зрачков блеснул белый свет, — Сами банды не хотели, чтобы стража вмешивалась в их жизнь и избавлялись от тел.

— Хорошо, а проститутки? Что, бедняки могли дать отпор такому чудовищу, как ты?

Ноэ ненавидяще вскинул голову, уставившись на ведьмака, который стоял напротив с ядовитой ухмылкой на лице.

— Я не чудовище!!!! Я избавитель этого города от черни! И не смей насмехаться надо

мной, ублюдок! — его лицо исказила звериная гримаса, зубы в расширившемся рту на мгновение заострились подобно острым кольям, нос сплюснулся, но потом вновь появилось лицо стражника, — Я любого в бараний рог загну! Никогда не боялся драк, я лучший кулачный боец в Амбрехте!

— Ты уже говорил это, Киган, — раздраженно повел плечами монстробой, — Тогда поведай отчего ты убил тех четверых проституток?

— Да потому что подхватил я свиную заразу, ведьмак, от такой, как они! Присунул по нетерпежке в одной подворотне, а, как я сказал, проклятье защищает меня, когда я в облике чудовища.

— То есть о снятии проклятия разговора быть не может? — на всякий случай поинтересовался Сарет.

— Я раньше думал о этом, лунчд. Только теперь в этом нет смысла, — Ноэ пожал плечами.

— Что ж, главный старшина, — ведьмак крутанул мечом еще раз, разгоняя кровь по венам, — Пора заканчивать нашу беседу. У меня еще одна работенка подвернулась, а время терять я не хочу.

— Я убью тебя, — просто сказал Киган, и голос его уже не был человеческим. Сквозь него слышалось рычание.

Он отошел назад, и тень, отбрасываемая рядом стоящего деревянного крана скрыла городского, оставив только глаза, вспыхнувшие белым огнем. И внезапно они стали подниматься вверх, сопровождаемые треском суставов, костей, рвущегося материала и тихим свистом.

Сарет не стал ждать, когда Потрошитель набросится и ударил первым. Резко выставил вперед левую руку, пальцы которой сложились в странную фигуру, и мощный удар невидимой силы врезался в Потрошителя. Чудовище лишь обидчиво взвизгнуло, а потом недовольно зарычало. Аард, самый использующийся из арсенала ведьмаков Знак, импульсом телекинетической энергии способный раскидывать в разные стороны трех-четырёх врагов за раз, выбивающий тяжелую окованную железом дверь с петель и разбивающий в щепки лучшие махакамские щиты, просто вытолкнул тварь из темени на пару шагов назад. У удивленного Сарета не было даже времени эликсир достать из сумки.

Все такой-же худющий, покрытый редкой серой мокрой шерстью, как лишайная собака, с выпирающими ребрами, он злорадно ухмыльнулся своим большущим безгубым ртом, очерив острые треугольные зубы. Горящие белым огнем глаза не выражали других чувств, кроме страшного голода, который невозможно утолить обычной пищей. Все еще ошеломленный, тем что его Знак не сработал так, как он ожидал, Сарет рванул клапан сумки и нащупал мешочек, не сводя глаз с Кигана.

Воспользоваться им он не успел.

Раздался пронзительный свист, неопратно резанувший по ушам. Потрошитель раздвинул свои тощие, похожие на сухие ветки, руки с когтями-крючьями, словно пытался обнять весь порт, и резко сомкнул их. Мощный порыв морозного ветра ударил в ведьмака и отшвырнул его назад. Сарет сильно приложился спиной об землю, но в этот раз он меч не выронил, и, скрипнув зубами, крутанулся в сторону, извалявшись в грязи и помоях. И во время. Потрошитель не медлил, видать человеческая его часть прекрасно понимала, что ведьмак все же опасный противник и с ним нужно кончать быстрее, как можно быстрее. Он за пару ударов сердца, разбрызгивая лапами лужи, добежал к месту, куда упал Сарет, и от

досады зарычал, когда его когти пронзили пустоту.

Ведьмак воспользовался замешательством проклятого. Ухватившись обоими руками за рукоять меча, рубанул чудовищу сверху по спине, но тварь вновь оказалась быстрее. Мало того, она была еще и выше своего противника. Ощущая своим звериным чувством, что к ней приближается смерть, молниеносно отклонилась влево, пропуская меч рядом с собой, и ответила взмахом когтей. И тоже мимо.

Тварь была страшна и быстра, быстрее Сарета во много раз и пока, ведьмаку, благодаря невероятной нечеловеческой реакции, а скорее всего и чуду, удавалось уклоняться от ударов Потрошителя. Серебряный клинок проскальзывал буквально в дюйме от тела Потрошителя, но и этот не оставался в долгу, целясь когтями в горло ведьмаку. Ведьмаки Школы Кота всегда отличались своей скоростью не только от людей, но и от собратьев по ведьмачеству других Цехов даже без эликсиров, но не выносливостью. Сарет понимал, что если он будет продолжать в таком темпе и дальше, то долго не продержится.

Нога ведьмака, обутая в новый сапог, поскользнулась на жидкой грязи, и ведьмак, успев выругаться, чуть не растянулся на земле. Потрошитель успел схватить монстробоя за грудки, Сарет аж поблагодарил мастера, что сшил его куртку, когти не порвали кожу. Потрошитель вздернул ведьмака вверх, приблизил его к своей морде, из пасти которой текли слюни и облизнулся длинным бледно-розовым языком. В лицо Сарету пахло мертвечиной, да такой смрадной, что того чуть не вырвало хлебом, который он ел недавно. И судя по всему тварь хотела вгрызться ведьмаку в лицо.

Убийца чудовищ врезал твари по морде кулаком в перчатке, та лишь презрительно фыркнула, и тогда получила рукояткой клинка прямо в висок. Потрошитель взвизгнул от боли. Навершие эфеса было покрыто серебром, потемневшим от времени, острые уши кошачьей головы пробили крепкую кожу твари, и наружу брызнула кровь. Обычная горячая красная человеческая кровь. И это не могло не обрадовать ведьмака, серебро безошибочно действовало на всех существ созданных магией. А что могло породить проклятие? Только злое колдовство.

Чудовище с ненавистью отбросило Сарета прочь, зарывав от боли, и обхватив руками голову, зажимая рану. Монстробой ловко вскочил на ноги, левой рукой нащупал мешочек в сумке и достал его, но применять не решался. Нужно было уловить момент. А еще следовало бы выпить эликсиры, но чтобы они подействовали, нужно время, значит надо было его отвлечь.

Потрошитель пару раз приложил ладонь к ране на голове, глянул на кровь, а потом со злостью посмотрел на ведьмака. Должно быть жгло сильно, но он быстро понял, что ранение не серьезно.

— Не такой самоуверенный уже, да, Киган? — издевательски спросил Сарет, подбросив мешочек в ладони, — Ну давай, мразь, иди сюда.

Потрошителя не надо было упрашивать. Тот вновь раздвинул руки в стороны и Сарет, знаем, чем это чревато, опередил его. Швырнул мешочек прямо в тварь, и вдогонку ударил Знаком Игни. А затем не дожидаясь дальнейшего результата, побежал спрятаться за ближайшим укрытием в виде стоящих неподалеку хибар.

За его спиной раздался оглушительный грохот, сопровождаемый яркой вспышкой огня, с небольшим опозданием раздался свист множества маленьких предметов и отчаянный вопль твари. Внутри мешка был легко воспламеняющийся порошок, детище краснолюдов, который если находился в плотном и тесном месте в большом количестве под воздействием

огня породил мощный взрыв. Его краснолюды использовали при проделывании проходов в скалах и завалах, если там не могла взять породу кирка. Кроме того, мешочек был наполнен маленькими железными шариками, которые вместе с взрывной силой разлетались во все стороны и крушили любую плоть на своем пути. Сарет очень не хотел тратить такое оружие, которое ему досталось с большим трудом, но другого выхода он не видел.

Сарет успел укрыться за каким-то хранилищем, когда в доски за ним ударили те самые шарики, с хрустом входя в дерево. Вой и визг Потрошителя не утихал, но убийца чудовищ понимал, что силы взрывчатого порошка и огня с поражающими шариками хоть и смогли нанести сильный вред проклятому, но не достаточный чтобы убить Кигана или серьезно ранить. Но дезориентировали точно.

Ведьмак не задерживался на месте. Ему нужно было использовать полученное время по максимуму. Он бежал прочь от мастерских не разбирая дороги, свернул раз, другой, третий. Где-то остановился, прижимаясь спиной к стене какой-то лачуги, над дверью которой висела вывеска с тремя пшеничными колосками.

Прислушался к себе, дыхание было ровным, сердце даже не колотилось. Отлично, ведьмак, подумал он. Не так уж и постарел.

Сунул руку в сумку, с досадой чувствуя, как пальцы нащупывают осколки стекла вместо целых емкостей. Быстро пошарил по кармашкам, не весело раздумывая, что если все окажется плохо, то придется остатки слизывать с пальцев. И вздохнул с облегчением. Один бутылек все-таки уцелел. Выхватил его из сумки с бурой жидкостью и выдохнул еще раз с облегчением.

Бурая жидкость «Пурги» бултыхалась за стеклом. Сарет зубами вытащил пробку, сплюнул ее себе в ладонь, и опрокинул зелье в себя. Заткнул пробкой пустую бутылочку и уложил ее в обратно сумку. Несколько мгновений не было ничего, а потом его тело охватил жар, будто он опрокинул в себя целый черпак с деревенским самогоном двойной перегонки. Сарет сильно зажмурился, глаза горели, будто их жгли каленым железом, во рту все связало. По щекам плавающего лица потекли слезы, онемевшие пальцы не чувствовали рукоять меча. Сердцебиение ускорило биться с такой скоростью, что готово было вырваться из груди или даже разорваться.

А потом все закончилось, будто и не было ничего.

Сарет открыл глаза, понимая, что снова может контролировать сердцебиение и дыхание.

Мир вокруг был другим. Утратил краски, теперь, где ранее властвовала чернота ночи, царил серость пасмурного дня. А еще он замедлился. Капли мороси летели так медленно, что Сарет мог заметить момент падения каждой капельки в лужу, когда образовывалась воронка и вверх поднимался столбик воды.

Зелье, сваренное из краснолюдского спирта, лепестков белого мирта, змеиного корня и ломкой крушины улучшали рефлексy и уменьшали время реакции.

Да, Потрошитель был быстр, и даже почти смог достать Сарета, но теперь они будут *танцевать* будучи оба ведущими.

Ведьмак вытер слезы с щек рукавом куртки и встал на ноги. Жаль, конечно, что «Филин» разбился, увеличенная сила Знаков тоже пригодилась бы. Да и восполнить ее тоже необходимо. Ну да ладно, подумал он, и когда это у него все шло по плану?

Сарет осторожно выглянул из-за угла домика, за которым прятался. Возгласов боли Кигана не было слышно, как и не видно самого Потрошителя, но не это было главным. Киган

его обязательно найдет, тут и волшебником быть не надо, чтобы предсказывать. Он не простит ему такой фокус с железными шариками, да и к тому же Сарет знает его настоящую личность.

Усиленные «Пургой» глаза пытался высмотреть не начался ли пожар в корабельных мастерских. Беспорядочное бегство все же не далеко его увело от той части порта, к хранилищам. Все здания находились почти на одной линии и вызимская каравелла хорошо виделась с места наблюдения. С одной стороны, огонь мог помешать охоте на Потрошителя и привлечь не нужных людей, которые стали бы ненужными жертвами, но с другой стороны-если и спугнут, то на утро вместе с людьми Бойда будут искать уже главного старшину Кигана, а не Потрошителя. И тогда б плакали его денежки.

Но благодаря мелкому дождю и двухдневной сырости, а может и удаче, которая решила не бросать ведьмака со Знаком Кота на новом месте, бликов огня он не увидел. Он сплюнул себе под ноги.

Морось заливала за воротник куртки, рубаха давно прилипла к телу. Но Сарет не обращал уже на подобные неудобства внимания. Ведьмак большим пальцем левой руки стер скопившиеся крупные капли с бровей, напрягая все органы чувств, чтобы уловить приближения врага. Время и нервы тянулись, как те канаты, которыми вытягивают корабли на берег.

По носу ударила вонь горелой шерсти и кожи. И приятный солоноватый запах крови, от чего Сарет сглотнул наполнившую рот слюну. Эликсир усилил все чувства до предела.

Потрошитель бесшумно спрыгнул с крыши здания, за которым прятался ведьмак, со спины. Как офирская пантера приземлился на свои костлявые ноги. Ведьмак сжал рукоять меча, но виду не подал, что знает, что тварь крадется сзади и продолжил высматривать мастерские.

Чудовище дышало тяжело, в каждом вздохе чувствовался хрип, будто пробито легкое. Ведьмаку был знаком этот звук, как-то самому приходилось так дышать. Сарет затылком ощутил пылающую ненависть к себе.

Потрошитель атаковал бесшумно, без рычания или своего свиста, но не достаточно быстро для ведьмака, который принял эликсир. Сарет резко развернулся лицом к твари, одновременно отступил вправо расплывчатым силуэтом всего на пол шага, чтобы раскрытая ладонь с черными ястребиными когтями пролетела в паре дюймов от лица ведьмака, и резанул серебряным клинком по животу городовому. Удар был скользящим и недостаточным, чтобы разрубить противника на две половины. У Сарета был к нему еще один вопрос, и ответ на него знал только Киган.

Потрошитель зарычал от боли. Кровь хлестанула бурным потоком, потекла по ногам. Тварь коснулась раны и вполне по-человечески посмотрел на кровь на ладони. Чудовище пошатнулось зажав рану, и чуть не упало, упершись левой лапой об стену хранилища.

Взрывчатый порошок отлично потрепал Ноэ, а благодаря огню, который оставили сильные ожоги на морде и почти по всему худому телу проклятого, шарики смогли добраться до плоти. Из груди справа торчали острыми краями кровоточащие ребра, одно из них видать и задело легкое. Кровь текла и из тощего бедра, туда тоже прилетел железный шарик. Но самое главное- удар пришелся и в левую глазницу, выбив глаз напрочь.

Уцелевшее белое буркало ошеломленно взирало на ведьмака, замершего напротив него с мечом, выставленным перед собой. Брови нахмурились, а потом рот скривился в гримасе боли.

— Сдается мне, Ноэ, что не я помру в эту ночь, — голос ведьмак был мертвецки холодным, — А ты как думаешь?

Потрошитель, попытался устрашающе зарычать, но вместо этого получился только хрип. Чудовище оттолкнулось рукой от стены и осторожно направился к ведьмаку, оставляя за собой кровавую дорожку. Атаковать напролом он теперь не рисковал, понимал что свой шанс уже потерял, а ведьмак изрядно его потрепал. И отступить он не мог уже. Густая слюна длинным шнурком стекла с распахнутой пасти, и ведьмак заметил, что нескольких треугольных зубов у проклятого не хватало.

Ринулся Потрошитель на убийцу чудовищ в отчаянном прыжке, левой когтистой лапой пытаясь ударить по ведьмаку сверху, чтобы расплосковать тому все лицо. Сарет легко уклонился от удара всем телом, меч серебряным росчерком крутанулся в его кисти, и Потрошитель вновь взвыл от боли. Четыре тонких вытянутых пальца обрубленными ветками упали на землю.

Алыми струями кровь ударила вверх из обрубков, и Сарету пришлось отступить, чтобы кровь Потрошителя не задела его. Он ожидал, что они превратятся обратно в человеческие, но те так и остались с ужасными черными когтями. Что ж, проклятие было не обратимо.

Тварь опустила на одно свое острое колено, зажимая раненую кисть. В выражении чудовищной морды, уставившееся на убийцу чудовищ проскользнуло что-то вроде моления о пощаде.

— Вот и настал тот момент, когда ты понял, что живем мы один раз, да? — лицо ведьмака, похожее на череп, на который натянули выбеленную кожу с абсолютно черными глазами ничего не выражало.

Потрошитель заскулил, его тело пробивала сильная дрожь. Под ногами натекала огромная лужа крови, но не смотря на это ведьмак осторожничал. Загнанная в угол крыса способна убить врагов вдвое сильнее ее, а уж если она ранена...

— Ты знаешь, что сейчас я тебя убью, — Сарет обходил Кигана по крутой дуге, — Но прежде я хочу задать тебе вопрос. У меня в голове не укладывается всего одна вещь, — ведьмак остановился, покручивая клинком перед мордой чудовища, — Лиза, которая Бревно...

И Потрошитель решился на отчаянный шаг. Ведьмак готов был к подобному, чтобы ударить последний раз.

Но он не ожидал, что Ноэ поступит *именно* так. Он бросился бежать в другую сторону.

Тварь ударила плечом в деревянную дверь хранилища, щепки полетели во все стороны, словно она и не была преградой и исчезла в темном нутре склада, возле которого они все это время дрались.

— Вот блядь, — только и проговорил Сарет, эликсир глушил все эмоции, и пошел за Потрошителем.

Склад был не большим и почти полупустым, но внутри он делился на два этажа. Прямо перед ним располагался наклонный трап, плоский по середине и с лестницами по бокам, по которому поднимали грузы наверх. Пол был земляным, устланный соломой, пахло гнилой капустой и картошкой. С потолочных балок свисали веревки с крючьями, в самом потолке зияла дыра, через которую внутрь попадал дождь. Других выходов, кроме того, через который они вошли и этой дыры не было.

Ведьмак остановился возле разбитых ящиков, прислушиваясь. Бросил взгляд на то, что лежало в них. Крупная морковь, отметил он, но уже с темными пятнами.

На складе было еще темнее, чем на улице и Потрошитель пытался использовать ее, как союзника. Вот только не когда имеешь дело с ведьмаком.

— У меня нет на это время, Ноэ, — крикнул Сарет, его глухой голос из сухого горла все же прозвучал громко в полупустом помещении, — Выходи и покончим с этим.

И ловко отпрыгнул, когда рядом с ним приземлился тяжелый мешок. От удара об землю, мешковина с треском порвалась и из него вывалилась картофелина. Сарет отскочил ещё раз, потому что в него летел второй мешок.

Киган перемещался по надстройке верхней части склада в виде своеобразной балюстрады и швырял в него всем, что попадется под руки. Хватал их даже той рукой, на которой остался всего один палец. Рана на боку доставляла ему неудобство, было заметно, что тварь движется с трудом, но все же резвее, не давая возможности, не то что попытаться ударить Знаком, хотя Сарет и не надеялся, что получится, он же не Грифон в конце концов, но и забежать на второй этаж.

Деревянный ящик лишь едва задел по касательной Сарета, но этого хватило, чтобы он потерял темп и не успел увернуться от мешка с капустой, попавшей ему в голову. Сарет не удержался и упал на землю, а потом тяжелая ступня наступила ему на руку с мечом. Тощая фигура нависла над ним, в лицо покапала обжигающая чужая кровь, пару капель упали на губы, медью отозвавшись на кончике языка.

Потрошитель склонился над ним, продолжая давить на руку, ведьмак зашипел и его пальцы разжались, выпуская рукоять серебряного меча. Сарета вздернули вверх и швырнули на трап, об который он ударился при приземлении головой. «Пурга» притупила боль, и поэтому ведьмак не потерял сознание. Но сделать ничего не успел. Проклятый не терял время, он уже был научен. Широкая и крепкая ладонь обхватила его за лицо и ударила затылком об выступающую ступеньку трапа.

В глазах потемнело, ведьмак перевернулся и попытался встать на четвереньки.

Мощный удар ногой в живот снова подбросил его вверх, Киган все же не растерял свои силы до конца. У Сарета потемнело в глазах, к горлу подступил тот самый кусок хлеба, съеденный в порту. Когтистые пальцы схватили за воротник куртки и медленно подняли на ноги, быстро перехватили монстробоя за горло.

Дышать стало очень тяжело, пальцы сжимались все сильнее. Сарет висел в его хватке, едва касаясь носками новеньких сапог пола. Хрустели шейные позвонки. Где-то на задворках разума мелькнуло, что ноги то до сих пор сухие, он весь мокрый насквозь, даже на затылке, что течет за шиворот. Эх, все-таки хорошая обувь у местных докеров.

Окровавленная пасть Потрошителя приближалась к его лицу. Казалось она движется так медленно, что Сарет успеет сосчитать все оставшиеся зубы твари. Внезапно пришла странная мысль в голову, особенно зная, что сейчас станешь ужином для голодной твари. Интересно, а Рита проснулась или еще спит? Когда он уходил, она сопела в его подушку, даже похрапывала. И не вертелась, когда он собирался. Ну хоть безопасное будущее под покровительством нового теневого хозяина порта он ей обеспечил.

Послышался чмокающий звук, будто в пшеничную кашу опустили ложку, и внезапно хватка исчезла. Исчезла так резко, что Сарет упал на колени. Ведьмак не понимая поднял голову вверх, чтобы понять, что происходит, и увидел, как из середины груди Потрошителя появляется дюйм за дюймом клинок его меча. Проклятый с изумлением смотрел на это, словно видел чудо, попытался коснуться клинка уцелевшей рукой, а затем медленно обернулся, так и оставшись с торчащим мечом в груди.

Меррон стояла перед ним, ее глаза были испуганно распахнуты, руки так и остались поднятыми, как будто продолжали сжимать рукоять меча. Как и Киган до этого, городская была одета в обычную одежду темных цветов, только абордажный палаш был при ней.

Киган сделал к ней шаг, поднимая руку, желая дотянуться до ее горла, и Сарет нашел в себе силы, все еще благодаря «Пурге», вскочить на ноги. Он резким движением выдернул свой меч из тела твари и с широким замахом одним ударом снес тому голову, которая улетела куда-то под балюстраду, там отскочила от те самые мешки с морковью и затерялась где-то в темноте.

Обезглавленный Потрошитель с мгновение стоял не подвижно, потом вверх ударил фонтан крови и тело повалилось на бок, как срубленное хилое деревце. Левая ступня подергивалась в судороге, шлёпая по бурой луже, образующейся вокруг трупа.

— Что ты здесь делаешь, Меррон? — черные глаза не моргая сверлили стражницу.

Калвах перевела замороженный взгляд с мертвого чудовища на ведьмака и испуганно прижала ладони ко рту, чтобы не вскрикнуть.

— Да, не спорю. Я никогда не был красавцем, ну, а в данный момент и подавно, — попытался пошутить ведьмак, взял пучок соломы с земли и вытир лезвие от крови твари, — Так что ты здесь делаешь? Еще скажи, что слушалась приказа Бойда?

Старшина второй статьи неуверенно кивнула, вновь посмотрела на труп.

— Устала ждать, — указала пальцем в труп, — А кто это? Ты видел его человеком?

— Киган, — ответил Сарет, вложив меч за спинные ножны.

— Что? — она с ужасом уставилась на Сарета, — Что ты несешь?

— Хочешь верь, хочешь нет, — отмахнулся ведьмак и отправился искать голову, чтобы предъявить ее в качестве доказательства алькальду.

Возглас боли окрестил внутренности склада. И боли не физической, а душевной. Меррон бросилась к своему бывшему напарнику, упала перед его телом на колени, не особо заботясь, что прямо в кровь. Брызнули слезы, тело содрогнулось от рыдания.

— Ты чудовище, ведьмак! — голос ее надрывался от крика, — Ты убил его! Ты говорил, что Потрошитель проклят! — кричала девушка, — Ты же мог его расколдовать!

Ты же мог его расколдовать, передразнил ее в мыслях Сарет. Он нашел голову, та глядела на него одним глазом словно с каким-то укором, и он обернулся к стражнице, которая почти лежала на груди чудовища и трепала его, будто пытаясь его разбудить. Она почувствовала его взгляд, посмотрела на него, и во взгляде была только ненависть и боль утраты дорогого ей человека.

Единственного дорогого.

— Что ты смотришь, мразь? Ты выбрал самый легкий путь, ублюдок! — охрипла Меррон, — Ты простой убийца... — последние слова она прошептала, после того как зарылась лицом тощую грудь Потрошителя, но Сарет прекрасно слышал ее, — Нет, ты не убийца... Это я убийца... я убила его... убила... убила...

Ведьмак сдернул какую-то тряпку с ящиков, завернул голову Потрошителя в нее, и вышел под морось, оставив Меррон одну с ее горем.

Он ничего не мог ей сказать.

Да и не хотел.

На следующую ночь Амбрехт не спал. Новость, что ведьмак убил чудовище разнеслась быстро, едва ведьмак доложил алькальду о выполненном контракте, и город кутил на всю удаль. Комендантский час был снят, а голову отвратительной твари выставили на всеобщее обозрение горожан, насадив на жердь у крыльца участка. Каждый мог подойти и полюбоваться мордой Потрошителя, но в связи с тем, что любой уважающий себя амбрехтец пытался потрогать или кинуть в нее тухлый помидор, алькальд был вынужден выставить пост возле нее. Голову необходимо было сохранить до возвращения бургомистра, к которому глава городской стражи отправил гонца, чтобы тот успел перехватить того на обратном пути и вернуть храмownika, если конечно его отправила в помощь беторская командория.

Небо и не думало смилостивиться над горожанами, обрушило на головы людей еще более мощнейший ливень, чем был до этого. Улицы и проулки превратились в настоящие реки, норовя сбить прохожих с ног, неся в своих потоках грязь и мусор. Однако подобная неприятность не могла испортить радость обычных горожан, которые почти больше месяца жили в страхе перед Потрошителем, а некоторые и больше. Боялись носа показать из своих лачуг, и работали на складах на свой страх и риск, потому что кормить близких надо было.

Но сейчас они веселились.

Праздные песни орались отовсюду, пьянчуги шатались по улицам, даже не прикрываясь от дождя плащами, уличные и портовые шлюхи работали в закоулках, бордели же давали двойную скидку под своей крышей. Трактиры тоже не пустовали, места многим не хватало и постояльцы пили прямо на крыльце заведений, куда им и выносили половые выпивку. Хозяева не успевали наполнять кубки и кружки пивом и вином, жарить мясо и тушить овощи.

Меррон Калвах, без одного дня главный старшина стражи портового контроля Амбрехта, брела сквозь толпы гуляк, никого не замечая вокруг себя. Несколько людей, которых она задевала плечами хотели ее остановить, чтобы набить морду наглецу, но вовремя узнавали, кто перед ними кутается в плащ и отступали.

Мысли Меррон были далеко. В том самом брошенном амбаре, принадлежащем разорившемуся купцу из Ахада. В то мгновение, когда она увидела худую спину твари, схватила ведьмачий меч, такой легкий, словно голубиное перышко и пронзила насквозь чудовище, которое было ее лучшим другом.

Зачем она это сделала? Тогда это был единственный верный шаг, как она думала, но потом стражница жалела о сделанном ею выборе. Ведь если б Калвах не ослушалась Бойда и не пошла в порт, то все могло закончиться иным путем. Но по другому она не могла поступить. Киган сам выбрал свой конец.

Трактир «Домашний волк» был любимым заведением не только ее, но каждого стражника Амбрехта. Именно его городские облюбовали в качестве своего личного питейного заведения. Кроме Кигана, но ее покойный друг вообще предпочитал заведения и развлечения несколько другого характера. Он любил драки, а в «Домашнем волке» стычек между стражами быть не могло. Меррон остановилась перед крыльцом трактира, над которым висела на цепях вывеска, с нее водопадом стекала дождевая вода. Большой серый волк, сидящий на задних лапах и положивший морду на колени пожилой женщине в кресле-качалке.

Чувство, что на нее смотрят пришло внезапно и резко. Причем не просто мимолетно посмотрели, а настойчиво буравили затылок. Меррон быстро обернулась, скользя глазами по деревянным домам, в окнах некоторых еще горел свет и их хозяева не торопились выходить праздновать, по темнеющим щелям между зданиями, по лицам прохожих. Рука откинула плащ и легла на рукоять эфеса, капюшон сбросила с головы. Ёжик каштановых волос мгновенно намок, дождевые капли потекли за воротник форменного камзола, но стражница продолжала искать источник наблюдения. Годы службы на флоте не могли ее подвести, и если она чувствовала чужой взгляд, значит он был на самом деле. Так она и стояла у крыльца, пока шрам на лбу не покраснел и не заболел, а потом и чувство это пропало, словно глядевший на нее взял и ушел. Все еще не веря, что следивший оставил ее, Меррон очередной раз окинула ближайшую местность взглядом, и, сплюнув, вошла в трактир.

Внутри «Волка», как всегда было многолюдно и светло, хозяин на каганцах не экономил. Почти все длинные столы на шесть человек с двумя лавками были заняты. Здесь были и те, кто заступил на смену, и те, кто только сменился или, наоборот, проводил время в отгуле. Бойд сюда редко навевался, и то только, чтобы поесть, и своим людям не запрещал. Просто хозяин трактира имел договоренность с алькальдом, и тем кто был в полном стражницком облачении больше двух кружек пива не наливал.

Было тепло, в очаге потрескивали поленья, пахло жарящимся мясом с луком. Гул разговоров витал у самого потолка, с которого свисали пучки различных трав, придающих харчевенному залу особый лесной аромат. Стены украшали волчьи шкуры и головы, разряженные арбалеты и луки с колчанами, полными стрел и болтов, охотничьи ножи и топоры. Слово попал в какой-то охотничий домик. Кстати, отчасти это была правда. Хозяин трактира Гленн Буфф раньше служил городским ловчим, пока семь лет назад стая волков, повадившихся драть скот местных, не разорвали ему ногу. Он их потом выследил, вырезал и ушел на покой, как и многие в Амбрехте открыв свое дело, а голова вожака стаи теперь висела над стойкой.

Хозяин трактира, худой мужчина лет шестидесяти с лысиной на макушке и темно-русые волосы и бородкой, вытирал один из столов тряпкой, смахивая крошки в глиняную чашку. Гленн увидел ее, топчущуюся на входе и указал на этот самый стол у очага. Та в ответ кивнула ему, сняла плащ, стряхнула с него капли воды и повесила на один из крючков у входа, где уже весели стражницкие плащи. Поздоровалась с товарищами, которые тоже поприветствовали ее, поздравили с новыми воинскими нашивками и вернулись к своим делам. Игре в кости или в «простофилю», беседам и выпивке.

— Привет, Мер. На смене? — спросил Буфф, спрятав тряпку в карман фартука. Голос у него был скрипучий, как не смазанные дверные петли.

— Доброй ночи, Гленн, — Калвах сдвинула ножны с палашом назад, чтобы не мешали, и уселась на скамейку, — Нет, Бойд пока отгулы мне дал. Дней на пять.

— Ясно, — Гленн сел напротив городской, — Жаль Кигана перевели, он так и не узнал, что ведьмак извел поганое чудовище.

Трактирщик не увидел, как Меррон сжала кулаки под столом и едва сдержалась, чтобы не врезать в челюсть Буффу. Откуда он мог знать правду про того, кого назвал поганим чудовищем.

Это была главная тайна, которую Бойд, она и ведьмак решили скрыть от прочих. Карбрей пустил слух, что Ноэ Киган был переведен для дальнейшей службы в небольшой городок Теллин на должность тамошнего алькальда за день, до того, как ведьмак вышел на

охоту. Город располагался рядом с границей Немедского Королевства на юго-востоке и вряд ли кто из местных, знавший когда-нибудь главного старшину, окажется там. Да если и объявится, то путь не близкий, мог и сгинуть по дороге. Правда мерзкий ублюдок из Нэварланда сразу же накинул пару десятков монеток за молчание, отчего она чуть не вцепилась ему в горло, вовремя Карбрей влез между ними. И это при том, что они тоже решили умолчать, что Калвах помогла победить Потрошителя.

— Думаю, что на новом месте ему будет лучше, чем здесь, — едва сдерживая ком в горле, ответила Меррон.

— Странно, что ты не поехала с ним, — продолжал размышлять Гленн.

Они были с Киганом, как брат и сестра, и тем более прошли настоящее испытание Дремлющим океаном, неудивительно, что ее товарищи и те, кто их хорошо знал, такие, как тот же самый Гленн Буфф, задавались подобным вопросом. Поэтому Бойд и поднял ее в звании и должности, естественно устроив ей перед этим самый настоящий допрос с пристрастием. Алькальд не мог поверить, что Киган скрывал свое проклятие от единственного друга в своей жизни. Калвах пришлось призвать на помощь Высших, чтобы убедить командира.

— Мне и здесь есть, где расти, Гленн.

— Ну так, а чего ты такая грустная, а? — рассмеялся трактирщик и по-дружески хлопнул ее по плечу, — Давай праздновать! Весь город кутит, а ты словно соли объелась. Чудовище убили, ты теперь главный старшина амбрехтской стражи. Первый помощник самого алькальда.

— Ты же знаешь, я не люблю все это веселье, — выдавила улыбку городовая.

— Ну один раз можно, — он подмигнул ей, — Все-таки не каждый день у нас в городе изводят монстра. Кстати, не удалось выяснить, что за тварь то жрала наших баб?

Меррон прищурилась, глянув на хозяина «Домашнего волка». С каких пор подобное отношение к портовым шлюхам? Гленн был одним из тех, кто считал, что отребья доков именно так и должны были сгинуть.

— Нет, к сожалению Потрошитель человеком после смерти не стал. Ведьмак что-то сказал о необратимости проклятия, типа человеческая личность давно себя принял, как чудовище.

— Эх, жаль. Хотелось бы все-таки знать, кем оно было. Как представляю, а вдруг он приходил ко мне в трактир...

— Упаси Высшие, Гленн, кроме портового контроля к тебе никто за похлебкой не ходит, — фыркнула Меррон, вновь давая из себя улыбку.

— Это точно, Мер, — согласился с ней Гленн, — Слушай, а этот убийца чудовищ долго он у нас еще будет? — он с тревогой пожевал губы, решаясь продолжить, — Я ничего не имею против, конечно, благодарен за избавление города и все такое. Но сама понимаешь, он же сам не человек, а такие могут принести несчастье... ну ты же знаешь рассказы о них... говорят, что они даже детей похищают для своих магов-отступников.

— Я поняла о чем ты, Гленн. Лунчд сказал, что отдохнет пару дней и завтра уедет из города.

— Сжечь бы еще тот притон, в котором он остановился, — размышлял Буфф, крутя по столу миску с крошками, — Да, говорят у девчонки новый покровитель. Из портовых. Ну ладно, чего уже тут разглагольствовать. Тебе пива или вина принести? Сегодня свинина на углях с луком и перцовым соусом.

— Давай лучше водки вместо пива, — решила Калвах.

— «Лакланское молоко»?

— А есть?

— Обижает, Мер. Для тебя всегда припасено.

— Ну давай.

Пока Гленн прихрамывая на костыль, который у него был вместо ноги, что подрали волки, убежал на снедью, Меррон вытащила из-за пазухи мешочек с орешками в сахаре и принялась их жевать, ожидая настоящую снедь. Проклятый и невыносимо колючий голод жег ее желудок, а запахи только разжигали пламя костра.

Буфф вернулся и она спрятала свои сладости. Трактирщик поставил поднос перед ней с плоской тарелкой, полной еще дымящихся кусочков мяса из свиной шеи, посыпанных зеленью, маленькой чашечкой соуса из мелко нарубленного красного перца, и блюдцем свеженарезанного кольцами лука. Рядом расположил штоф с мутно-белым «молоком Лаклана», названным так по имени острова, на котором делают водку из зернового спирта, белого винограда, жмыха, аниса и бадьяна, хлопнул об столешницу стаканом.

— Приятного аппетита, Мер! Еще раз поздравляю с новым званием. Все за счет заведения.

— О, большое спасибо, Гленн, — она в шутку отсалютовала ему и налила полный стакан водки.

Взболтнула мутную жижу в нем.

— За тебя, Ноэ, — прошептала она, левой рукой вытерев не кстати появившуюся слезу, — Ты знаешь, что я должна была это сделать, — и одним гладком осушила стакан.

Она не ощутила ни горького вкуса, ни обжиг горла, словно обычная вода, а не знаменитая водка с острова Лаклан, сбивающая с ног крепких здоровьем мужчин, только что оказалась в ее желудке.

И все по одной причине.

Потому что в этот момент в трактир вошел он. В своем снятом с плеча головореза Борзого Даффа плащ-накидке и капюшоном на голове, прячущем лицо в темноте. Только небритый бледный округлый подбородок виднелся на свету, но она знала что его разноцветные глаза смотрят прямо на нее. Те же самые, что жгли ее на входе в трактир. Навершие в виде головы кота угрожающе шипело, поблескивая серебром.

И удивительно, что никто из стражников не обратили на эту худощавую и поджарую фигуру, замершую, как призрак какого-нибудь древнего поместья. Должно быть использовал какое-то свое колдовство, отводящее глаза.

Он кивнул ей в сторону запасного выхода, отчего Меррон удивилась. Высшие, откуда он знает где он?

Калвах с сожалением посмотрела на мясо, истекающего собственным соком, живот еще раз скрутило от голодной боли. Похоже предстоит очень долгий разговор с этим порождением темного волшебства соседей. Меррон, не долго думая, прямо голыми руками впихнула себе в рот почти все мясо, и жуя, превращая его в безвкусное месиво, вытерла руки об камзол, и быстро пошла к запасному выходу трактира, который находился слева от трактирной стойки. Насыщения она не испытывала, этот голод тяжело было унять.

Ее нежеланный спутник последовал за ней.

И только Гленн, вкручивающий краник в бочонок с пивом, обратил на них внимание. Тем более, когда кто-то посмел воспользоваться не теми дверями.

— Эй, Мер, что происходит? — успел он встать между ними, но неожиданный гость остановил его, уперев ладонь в грудь, затем махнул мимо лица скрюченными в непонятном знаке пальцами.

— Ты нас не видел. Занимайся своим делом, — холодно произнес он, и Буфф просто вернулся к своему делу.

Задний двор «Домашнего волка» был пуст, но Меррон очень хотела, чтобы их там встретил хотя бы половой Гленна. Может быть тот догадался позвать стражу и с ее товарищей слетел бы морок.

Двор был огорожен невысоким забором, сколоченным из простых досок, у которых даже сучки не позаботились срубить. У крыльца стояла телега без передних колес, их сняли, чтобы она была в наклоненном состоянии, и туда легко можно забросить мусор и остатки еды. От нее воняло гнилью и нечистотами, а когда они вышли, и полоса неяркого свет каганцов попытался осветить двор, то куча крыс рванула из мусора в рассыпную, чтобы скрыться от неведомой угрозы. Жирных крыс, похожих на пузатые бутылки из-под туссентского вина. Вот здесь рыжему коту следовало охотиться, чтобы быть сытым, а не в порту.

Меррон пересекла двор, не обращая внимания на непогоду и грызунов, шмыгающих у нее под ногами, почти пару раз не наступив на их толстые розовые хвосты, отворила калитку, скинув крючок, пересекла узкую дорожку, по которой и катали подобные телеги, чтобы их смрад не распространялся на главных улицах. Она просунулась в щель между домами, желая обойти город стороной, подальше от любопытных глаз.

Ее спутник не отступал от нее ни на шаг. Следовал, будто молчаливый палач, впрочем, почему как? Он и был ее палачом, которого вырастили специально, чтобы убивать подобных ей. Но она надеялась, что сможет все объяснить ему, и в голове репетировала свой монолог, чтобы быть убедительной.

Так в полном безмолвии, плутая между домов, они вышли за город. Действительно, у Амбрехта не было стен. Они просто оказались перед шумящим в каплях дождя лесом. Островерхие ели перед ними, растущие настолько редко, что между ними спокойно мог проехать груженный обоз, и обычные деревянные дома прямо за спиной. Неудивительно, что в город всякая лесная живность могла забрести.

Они углубились в чащу леса, Меррон вела его по только одной ей известному маршруту. Земля чавкала под их ногами. Кроны деревьев, как не старались, но уберечь их от ливня не могли, одежда Калвах, из-за того, что она не взяла свой плащ, промокла так, что льняная рубаха под камзолом прилипла к телу и неприятно натирала соски. Ветка с мокрыми листьями хлестнула ей по лицу, словно пыталась остановить стражницу. Она коснулась рукой щеки и посмотрела на пальцы, на которых виднелись красные капли крови, шедший за ней спутник невольно фыркнул, будто учуял кровь.

Брели они снова молча и недолго, однако город все же скрылся за деревьями, пока не вышли к непонятному каменному изваянию, в высоту достигавшие почти сорок футов. Его не было по началу видно, лес хоть и хилый, но надежно скрывал пять столбов с общим основанием, вырастающим прямо из земли. Ели словно расступились вокруг сооружения и не желали расти рядом с ними. Даже трава, оставив голую землю. Когда они подошли ближе, нежеланный гость Калвах остановился на границе леса и полянки с изваянием, коснулся груди и подозрительно покрутил головой в капюшоне по сторонам.

Теперь было видно, что перед ними была наполовину закопанная в землю каменная

ладонь. Она была древней, испещренные трещинами от времени и выщербленные на ветру пальцы ясно об этом говорили. Казалось, гигантский титан пал на поле брани, и перед смертью тянется, чтобы нащупать свой меч или топор.

— Это наследие змееголовых с'траа, — сказала Меррон, остановившись у каменной ладони, — Мудрые люди говорят, что они правили Эллиниаром задолго до появления эльфов и других Старших рас, и перед тем, как исчезнуть оставили много следов после себя, — Калвах с нежностью прикоснулась к большому пальцу, — Говорят, что они улетели на воздушных кораблях куда-то высоко в небо. К Высшим.

— Здесь много Силы, — ответил Сарет, и стражница невольно задрожала от его звука его голоса. Даже тогда в амбаре голос был другим.

— Да многие вещи, которые они оставили нам наполнены магией, но их не один волшебник еще не смог разгадать. Я люблю это место, оно успокаивает меня. И голод пропадает на время, — последнее она прошептала.

Меррон обернулась к ведьмаку, так и застывшему у края мертвой земли.

— Я до последнего надеялась, что Ноэ сохранит тайну обо мне, но он всегда любил поболтать, — девушка попыталась улыбнуться.

— А он и не рассказал, — сказал Сарет, так и сняв капюшона, — Я сам догадался.

— Как? — удивилась стражница, округлив глаза, — Я никогда ни кого не убивала в городе! Это все Киган! Он рвал людей в порту!

— Да? — мерзкие губы ведьмака скривились в насмешливой ухмылке, — А Лиза Бревно? Жертва, которая не укладывалась у меня в голове. Помнишь я внимательно рассматривал следы на телах проституток? Так вот. Отметины когтей на теле Лизы в ряды меньше, чем у других жертв. Да, такие же острые и кривые, но Киган был чудовищем крупным, чем ты. Да и сомневаюсь, что твой бывший напарник испугался бы патрульных и убежал. И не надо говорить, что он не хотел убивать своих людей. На Ристерда, Ноэ показал свою любовь к ним. Вот я и сделал вывод, что проклятых двое. Просто один более дерзкий, чем другой. А когда я задал ему вопрос о Лизе, он хотел убежать, чтобы скрыть твою тайну, Меррон. Он действительно любил тебя, а ты убила его. Так легко и цинично.

— Я была вынуждена это сделать! — закричала стражница.

— Потому, что он стал опасен для твоей безопасности, не так ли? — продолжал ухмыляться ведьмак, — Киган стал более нагло охотиться на людей, не так ли? Если раньше его жертвами были обычное портовое отрепье, то мертвых проституток уже было не скрыть. В конце концов, ваша тайна рано или поздно раскрылась, если б Ноэ выжил. Не я, так эти храмовники. И тебе надо было действовать. Сейчас же Потрошитель мертв, ты можешь жить спокойно и в безопасности. Да, рыдала ты великолепно. Я знаю сына одного известного барда, который пишет пьесы, с моей родины. Ты можешь дать ему пару уроков.

— Заткнись, урод!!!! — заорала Меррон, сжав пальцы в кулаки. Сильная боль пронзившая ладонь охладила ее злость. Городовая посмотрела на них, разжав пальцы, черные удлинившиеся когти вышли из плоти и кровь крупными каплями потекла на мертвую землю. Она с опаской посмотрела на убийцу чудовищ, — Я действительно страдала, ведьмак, — тяжело вздохнув, Меррон заговорила спокойней, — Ведь Ноэ был моим защитником. Он всегда оберегал меня, — городовая замолчала.

И молчала она долго, Сарет не торопил ее. Все также продолжал смотреть на нее из тени своего капюшона.

— Четыре года назад наш патрульный корабль разбила ахадская эскадра, — вновь

заговорила Меррон, тихо, но монстробой хорошо ее слышал, даже дождь, бьющий со всей силы по листьям не мешал ему, — Все знают, что удалось спастись мне и Кигану. Но с нами был и третий, о ком мы умолчали. Это был юнга. Совсем еще пацан, звали его Пит. Я навсегда заполнила этого голубоглазого мальчишку с черными, как смола волосами. Он мечтал стать настоящим военным матросом. Мы с Ноэ сражались за жизнь вдвоем почти тридцать пять дней. Со штилем и непогодой, океаном и... — она запнулась, — и голодом. Проклятый изнуряющий голод. Рыба почти не ловилась, снастей у нас не было, птицы... мы были далеко от берега, поэтому и чайки над нами не летали. А малец...малец все время плакал. Нам всем было тяжело, еще и хныканье его...он хотел к маме...

Она вновь замолчала, слезы, потекшие по ее щекам смешались с каплями дождя. Стражница шмыгала носом.

— Вы убили его, чтобы выжить, — подтолкнул ее к продолжению ведьмак.

— Ночью, — ответила Меррон, — Киган перерезал ему горло. Я проснулась от хрипов и увидела Ноэ, перемазанного кровью. Он держал в руках кусок его плоти и отрывал зубами куски мяса. Сказал мне, чтобы я тоже ела, иначе не переживем. Я сопротивлялась, а Ноэ схватил меня и затолкал в мой рот кусок сердца Пита. Сказал, что сделал это для меня. И если мы не доберемся до суши в ближайшее время, то потом убьет себя, главное чтобы я жила. Я не смогла даже сплевывать, хотя знала, что жую человеческое сердце. За эти долгие голодные дни, у меня не было сил выплюнуть его. Оно было таким вкусным и нежным, а очнулась уже копошась во внутренностях юнга. Сытая и довольная. Нам хватило мяса, чтобы пережить еще те двенадцать дней, пока твои соотечественники не наткнулись на нас.

— Как вы поняли, что прокляты?

— А как об этом узнают, ведьмак? Не в постели точно. Однажды этот голод вернулся. Тот самый, что преследовал нас эти сучьи тридцать пять дней и с каждым часом усиливался. Что-то толкало меня бежать в лес, я подчинилась этому зову, а там увидела Кигана, который обратился в чудовище. А затем и я превратилась. Мы охотились вместе. Убили оленя, сожрали его и проклятие отошло. Так мы и жили. Вернее выживали четыре года. Почти через каждые пять дней голод возвращался, пока Ноэ не убил того портового бандита. Человеческое мясо оказалось сытнее, как говорил он. Но я при его словах видела хрипящего Пита, и не могла убить человека, чтобы потом его съесть. Киган стал Потрошителем, а я все также уходила в лес и охотилась на зверей. А потом наткнулась на это место. Ладонь с'траа каким-то способом помогала мне успокоить голод, ну и мне постоянно приходилось что-то жевать. Орехи, хлеб...

— И за четыре года, что были прокляты, вы не пытались понять, что с вами случилось? — хмыкнул Сарет, и Меррон послышалась издевка.

— А чтобы это изменило, убийца чудовищ, а? — Калвах истерично засмеялась, — Мы прокляты Высшими за нашу слабость, и храмовники не стали бы с нами разговаривать. Ты же не стал говорить с Киганом? — городская подняла руку кверху и амулет крутанулся на ее запястье, — Вот это погубило наши души. Сучий Вин-Диг. Это ни хрена не бог-охранитель, как оказалось. Через год, как мы стали обращаться чудовищами, Ноэ случайно встретил одного заезжего барахольщика-сангадурца. И тот пояснил, что это символ их злого духа-людоеда, ненасытного голода и голодной зимы. Сраные виндиго, так их он назвал. Этими тварями становятся те, кто по собственному желанию стали питаться человечиной. В этих амулетах были заключены злые чары, которые использовали их шаманы. И кровь Пита освободила их.

— И что? Этот сангадурец не рассказал, как снять проклятие?

— Он сказал, что проклятие не снять. Что нас ждет вечный голод и нам просто нужно уйти в лес, забыть людскую жизнь. Киган убил его, чтобы тот не раскрыл нашу тайну. Он не хотел прощаться со своей привычной жизнью. И ты знаешь, какой выход он нашел. А я нет. Я не убиваю людей. Слышишь, ведьмак, — она заорала, чтобы перекрыть шум ливня, — Не убиваю!!! Когда становилось невыносимо, я приходила сюда и здесь сидела, пока этот голод не отступал.

— А Лиза Бревно?

— Я сорвалась! — ответила стражница, — Слышишь, сорвалась! Сама не знаю, как. Просто обратилась в чудовище в городе, это иногда случается. Чудовище само берет контроль надо мной, с Киганом такого не бывало. Он говорил, что это потому, что я не ем человечину. Но я не стала убивать стражников, ты же знаешь это, ведьмак. В тот момент я убежала в лес и задрала кабаниху с ее поросятами.

— А что будет, если вдруг ты не найдешь зверя, Меррон? Или не добежишь до этого места? — поинтересовался Сарет, — Вернешься в город, и убьешь невинного?

— Где ты видел невинных в Амбрехте, лунчд? Этот город давно прогнил. Каждый в чем-то замешан. Даже твоя трактирная сучка. Я уверена, что это она тебе заказала Борзогс Даффа, — она всхлипнула, словно поняв, что могла ляпнуть лишнее, — Отпусти меня, ведьмак, пожалуйста. Я уеду из города. Буду жить в лесу и ты никогда обо мне услышишь, — почти зарыдала городовая, — Обещаю. Клянусь Высшими, — осенила себя кругом, — Или давай сходим к Бойду, я ему все расскажу и мы решим там. Я уверена, он сможет понять меня.

Сарет одним движением сбросил с плеч плащ. Он смотрел на нее не мигая. Черными без зрачков глазами, ввалившимися глубоко в глазницы черепа, на который натянули выбеленную кожу. Темные вены выпирали наружу, подобно паучьей сети расползлись от уголков глаз до скул.

— Он знает, да? — догадалась городовая, — Иначе б ты не пришел заранее нажравшись своими зельями.

— Да, — ответил Сарет, и голос его звучал, как будто из могилы, — Пришлось новые сварить. А еще жрецы знают. Они у вас, оказывается, не обделены Силой. Смогли своими молитвами глаза стражникам отвести.

— Почему? Почему ты не хочешь меня отпустить? Я не угроза людям! — она до сих пор пыталась уговорить ведьмака.

Меч ловко выскользнул из ножен. Угрожающе свистнул, крутанувшись в кисти.

Дождь внезапно закончился.

— Потому что чудовище всегда остается чудовищем.

Больше книг на сайте - Knigoed.net